

Американский просветитель русского народа иеромонах Серафим (Роуз)

Имя американского мыслителя о. Серафима (Роуза) хорошо знакомо российскому православному читателю. Труды о. Серафима, отличающиеся простотой и ясностью изложения, – это источник веры и знания.

В этой книге собраны труды о. Серафима, ранее не переведенные на русский язык и не издававшиеся в России: «Человек наизнанку», «Когда Бог открывается сердцу», статьи, дневники, письма.

О. Серафим прошел непростой путь к истине и, найдя ее в Православии, посвятил свою жизнь служению этой истине. Ранние его работы, дневники – тому подтверждение. Книга будет интересна тем, кто действительно ищет правды, стремится вести жизнь православного христианина.

Предисловие

В заголовке нет ни тени сарказма. Никакой связи с пластмассовыми улыбками, закусочными «Макдоналдс» или акционерными пирамидами. И многие сразу, без лишних слов поймут, о ком идет речь: в редком православном магазине или церковной лавке вы не найдете книг иеромонаха Серафима (Роуза).

Однако просветителем русского народа – как и многих других народов, на языки которых переводятся его труды, – о. Серафим стал лишь по окончании земного пути: он умер в сентябре 1982 г. в возрасте 48 лет, и память о его безвременной, никем не предвиденной смерти отмечается по всему миру. А в земной жизни он редко покидал свой маленький монастырь, затерянный в горах Северной Калифорнии, посвящая все силы и время церковным службам, работе над книгами и журнальными статьями, переводам, в особенности с русского, набору, верстке и печати, типографскому прессу, ответам на письма друзей и читателей, бытовым нуждам – огороду, дровам, грузовику – и уединенной молитве.

Кто же он был этот незаметный, молчаливый монах? Юджин Роуз родился в Сан-Диего (шт. Калифорния), в семье уборщика городского парка, и в молодые годы не имел ничего общего с Православием. Но у него был яркий, сильный ум и честное сердце, горевшее жаждой истины. Этого хватило, чтобы вывести его на верную дорогу.

Юджин учился в Сан-Франциско и в Беркли, изучал языки и культуру Древнего Востока, достигал успеха во всем, с чем бы ни пришлось ему столкнуться, – и в то же время осознавал, что полной истины на этом пути не найдешь... Впоследствии он вспоминал: «Понемногу меня захватило новое убеждение, что Истина постигается не столько разумом, как некая отвлеченная идея, сколько стремлением и любовью сердца, как нечто личное, – или даже как Личность. Вот так я встретил Христа». Обращению Юджина Роуза способствовал целый ряд внешних причин. В Сан-Франциско у него были глубоко верующие друзья

среди русской православной общины. А в 1962 г. ее возглавил архиепископ Иоанн (Максимович), которого многие, знавшие его по Шанхаю и Западной Европе, считали святым при жизни (и он в самом деле был причтен к лику святых в 1994 г.). Он принял на себя духовное руководство молодым американцем, и о. Серафим до конца своей жизни сохранил глубочайшую преданность владыке Иоанну.

Но это далеко не все. Ведь сколько бы верующих ни окружало владыку Иоанна, никому из них не довелось сравняться с о. Серафимом. Много позже его близкий друг подвел следующий итог: «Он был очень умен – настоящий гений, и мало кому было дано всерьез оценить его способности. Но при этом в нем не было ни следа снобизма или зауми. Он был так похож на своих родителей – простой, отзывчивый, честный человек, видящий мир точно таким, как он есть на самом деле».

* * *

Наследие о. Серафима, как видимое, так и невидимое, поистине необъятно. Даже сегодня, почти тридцать лет спустя, оно по-прежнему продолжает раскрываться перед нами, принося все новые и новые сокровища. Так, появилась книга его писем. А незадолго до этого был издан обширный сборник его работ о происхождении мира и человека, посвященный главным образом спору о теории эволюции. Самой известной книге о. Серафима, «Православие и религия будущего», выдержавшей множество изданий и в оригинале, и в русском переводе, и на других языках, мы обязаны не только спасением несчетных душ из западни оккультных сект «Нового века», но и разрушением самой идеологии экуменизма, которая еще недавно угрожала (и местами до сих пор угрожает) Православию. «Душа после смерти» на основе православного учения и опыта объясняет таинственные «предсмертные» и «посмертные переживания». Журнал «Православное слово», который о. Серафим издавал с 1965 г., работая по временам почти один, по сей день служит делу православной миссии в англоязычных странах.

И это всего лишь малая доля сделанного о. Серафимом. Его учеников и последователей, и духовенство и мирян, сегодня

можно встретить в православных приходах в США и по всему миру; его статьи, проповеди и лекции остаются неисчерпаемым источником веры и знания. А его могила в монастыре преп. Германа Аляскинского в Калифорнии стала местом паломничества как для тех, кто любил его в этой жизни, так и для тех, кто никогда его не встречал.

Из предисловия к сборнику «Небесный удел» – заметкам Юджина Роуза, будущего о. Серафима

«Вдумайтесь: человек нашего с вами поколения проникает в заветную глубину древнего Православия, насыщается его духом и учением и становится для нас живым связующим звеном с Отцами Церкви: не чудо ли это? Кому бы могло прийти в голову, что наша скучная Америка способна принести такой плод?»

Из писем о. Серафима

(Nikodemos, Ruchfield Springs, NY, 2001)

«Боже правый, что происходит с людьми! С какой легкостью люди бросают дело служения Господу ради всяческих склок, завистливых дразг и мстительных интриг!»

«Я смотрю на старшее уходящее поколение и, глядя на них, чуть не плачу о наших юных всезнайках, которые так ничего и не поняли. Ведь понимание нужно выстрадать, а кто сегодня на это способен?»

«Православные – словно пловцы в море этого мира, в море безбожного, омирщенного мировоззрения и образа жизни; поэтому надо непременно создавать в этом море свои острова, острова иного мира, иного, Божьего, образа жизни и мысли».

«Учтите, что истинно христианское дело всегда конкретно, оно делается здесь и сейчас, между нами, Господом Богом и нашими ближними». «Есть ли у Вас тетрадь для выписок из Святых Отцов? И всегда ли заложена у Вас страница в святоотеческой книге, которую Вы читаете, которую открываете в трудную минуту? Если нет – начните сегодня: это очень важно!»

«В наши дни христианином вполсилы быть невозможно: либо полностью, либо никак».

Воспоминания об о. Серафиме (Orthodox America, Aug.-Sep., 1982)

- Он был немногословен. Уклонялся от праздных разговоров, не распространялся о своих личных чувствах и ощущениях. Особенно же не любил он ничего поддельного, искусственного, фальшивого и часто говорил про «Диснейленд», который господствует в сознании наших современников и закрывает им дорогу к истине. (Подобная неприязнь к «Диснейленду», в те годы еще вполне невинному, воспринималась многими как странная причуда; но вскоре обстановка переменится, и весной 1996 года Ассоциация Баптистов Юга и Ассоциация в Защиту Семьи объявят «Диснею» бойкот за пропаганду разврата и издевательства над верой. – Пер.)

Его огорчала наша «бессознательность», наше невежество в вере, наша неспособность делиться ею с окружающими. «Очнитесь, прошу вас, – говорил он нам, – интересуйтесь, узнавайте, исследуйте! Не надейтесь, что кто-то другой за вас во всем разберется и растолкует вам Православие. И не прячьте его, будто это клад, а раздавайте всем вокруг!»

В церковной жизни, подобно многим другим в Русской Зарубежной Церкви, о. Серафим придерживался того направления, которое сам он называл срединным, «царским» путем рассуждения и умеренности. Но популярностью его взгляды не пользовались: одни, променяв Православие на экуменизм, считали его опасным фанатиком, а другие, страдая «ревностью не по разуму», обвиняли его в предательстве. Третьих же, неспособных понять ни его сочинений, ни проповедей, волновал один его вид – вытертая ряса, длинная, неухоженная борода; о. Серафим не отвечал их «стандартам», и они презирали его. Называли его за глаза «этот грязный монах». А он был монах подлинный, всамделишный, ангел в человеческом облике, мертвый для этого мира и живой для мира грядущего – молчаливый укор каждому из нас.

* Тысячи людей испытали воздействие о. Серафима. Его проповеди стоят наравне с лучшими английскими проповедями всех времен. Вот о чем говорил он больше всего: «Неизменно

укоряйте себя. Не ищите себе оправданий. Если почему-либо вы уступили слабости, прежде всего признайтесь себе, что это действительно слабость, то есть грех. Смотрите за собой и не осуждайте других!»

В последние годы о. Серафим все чаще обращал внимание на духовную подготовку к будущим испытаниям. Кажется, у него было какое-то скрытое предвидение грядущей апокалиптической поры, и привычная фраза приобретала в его устах особый смысл: «Время на исходе» – it is later than you think

- Смерть о. Серафима принесла с собой нечто крайне удивительное для нашего времени. Тело его, в жару позднего калифорнийского лета лежавшее в дощатом гробу посреди монастырской церкви, на взгляд и ощупь оставалось совершенно живым, а вид лица был настолько светлым и утешительным, что мы, вопреки старинному монашескому обычаю, не решились закрыть его. Даже дети стояли кругом гроба, не в силах отойти прочь. Перед нами лежал человек святой жизни, нарушивший природный процесс распада, и наши сердца откликнулись на Божию благодать.

В этой книге мы представляем читателю новые, неизданные статьи, проповеди и другие материалы, написанные о. Серафимом. Особый интерес представляет «Человек наизнанку» – отрывок из неоконченного труда «Царство Божие и царство человеческое».

Человек наизнанку

Философия абсурда

Эта статья впервые увидела свет лишь после смерти автора, приснопамятного иеромонаха Серафима (Роуза), в основанном им самим журнале «Orthodox Word» (т. 18, № 5, 1982). Насколько можно судить, о. Серафим сам подготовил ее к печати, хотя написана она была двадцатью годами ранее, в начале 60-х гг.

Статья представляет собой единственный завершенный отрывок из неоконченного (по существу, только начатого) академического труда под названием «Царство Божие и царство человеческое», над которым Юджин Роуз работал в то самое время, когда Господь привел его в Свою Церковь. С принятием Православия весь образ жизни и круг интересов молодого американца круто переменялся: он без остатка посвятил себя Церкви и делу православной миссии и уже не возвращался к своей работе прежних лет. Возможно, он предполагал, что когда-нибудь доведет ее до конца, но безвременная смерть распорядилась по-другому.

Тем не менее ценность публикуемого отрывка неоспорима. Читатель найдет здесь превосходное по силе и ясности изложение диалектики гуманизма, переходящего в свое отрицание – мировоззрение абсурда – и далее закономерно идущего на поклонение антихристу. «Человек наизнанку» – это ключ к современной «постхристианской» культуре, без которого сегодняшний читатель, зритель и слушатель сам рискует потерять рассудок в царстве абсурда.

Однако эта короткая статья замечательна еще и по другой причине. Из нее мы видим, как двигался к Православию будущий о. Серафим, как его разум, внимательно и трезво вглядываясь в окружающую реальность, шаг за шагом вел его к Истине. Подобный опыт должен послужить бесценным примером для многих наших молодых современников.

Нижеследующее письмо о. Серафима, датированное январем 1962 г. (опубликовано в книге «Небесный удел», 1984), может служить авторским предисловием к «Человеку

наизнанку» и добавляет удивительные штрихи к портрету двадцатисемилетнего Юджина Роуза.

На Рождество нового стиля я ездил в Кармел к родителям. Знаком ли тебе этот город ? Он живописно расположился на взморье среди кипарисов и сосен в 120 милях к югу от Сан-Франциско. Когда-то здесь жили поэты и художники, а сегодня, вместо прежней богемы, главным образом состоятельные пенсионеры «с культурными запросами», которым нужна «спокойная и изысканная атмосфера». На всем – неизгладимая печать материального комфорта.

Что касается меня, то я вижу здесь ясную иллюстрацию «духа нашего времени», а вдобавок еще и урок смирения, который, к сожалению, плохо идет мне впрок. В этой с виду «нейтральной» и безвредной атмосфере четко просматриваются признаки царства антихриста: псевдоблагочестивая самодовольная «набожность», примитивный антикоммунизм, того и гляди переходящий в фашистский призыв к крестовому походу «ради блага христианской демократии», и при всем том – полнейший туман в голове и в сердце, в обличий какой-то смутной морали и благонамеренного идеализма, когда еретика вроде Альберта Швейцера считают «святым» и рады верить слащавой пропаганде о «мире и братстве между народами» с той или иной стороны «железного занавеса».

Вся эта духовная фальшь, на мой взгляд, это сырье для князя тьмы, для его чудовищного и лживого земного царства. Сегодня в воздухе носится дух ожидания: люди, сознательно или нет, ждут, что явится некий мессия, разрешит все неразрешимые проблемы и избавит их от удушающего страха, этого проклятия наших дней. Люди готовы склониться перед зверем Апокалипсиса, перед кем угодно, только бы тот принес им «мир», «братство», а главное – забвение Христа. Только бы забыть о Христе, о том простом и ужасном факте, что все наши так называемые проблемы идут не извне, а изнутри, что Бог Вседержитель ждет от нас многого, а мы отвернулись от Его лица, и что грядущая вечность будет непереносима для тех, кто хотел просто «жить не хуже других».

Как раз об этом книга, над которой я сейчас работаю. В ней речь идет о духовном состоянии современного человека, и я по временам опасаясь, что не сумею справиться с такой грандиозной задачей. Я начал размышлять и писать на эту тему несколько лет тому назад, еще до того, как я стал православным. В то время я очень гордился своими «познаниями» и горячо ненавидел всю окружающую современность: каждая поездка к своим в Кармел приводила меня в бурное отчаяние. Но с тех пор, как я пришел в Церковь и вера во мне начала крепнуть, на смену этим чувствам пришли ощущения жалости и беспомощности: жалости о мире, который, сам того не замечая, отверг Христа, обо всех «благонамеренных» людях, которые потеряли счастье и не знают об этом – или даже знают, но ищут причину где-то вокруг, – и своей полной беспомощности, как ни старайся, найти с ними общий язык.

Есть ли надежда, что я сумею поделиться той малостью, что я знаю – или думаю, что знаю, – хоть с кем-нибудь? Разве что с теми немногими, особенно молодыми, в ком сохранилась способность мыслить, в ком еще не полностью властвует ложь этого мира и еще живет неутоленная жажда истины. Во всех же прочих, без сомнения, мои жесткие слова вызовут только враждебность и насмешки, так что даже вряд ли удастся найти издателя: однако я убежден, что сейчас уже нельзя ничего «смягчать» – иначе сойдешь за еще одного благонамеренного проповедника какой-нибудь модной «новой духовности», вроде Бердяева...

Нынешний век недаром называют веком абсурда. Поэты и драматурги, живописцы и скульпторы изображают наш мир бессвязным хаосом, а нас самих – бездушными хаотическими частицами. Политика, независимо от направления и оттенка, стала всего лишь ширмой, временно придающей вселенскому развалу жалкое подобие порядка. Борцов за мир и проповедников насилия объединяет абсурдная уверенность, что человечество способно исправить невыносимое положение своими собственными жалкими силами и губительными средствами. Серьезные философы, ученые, государственные и

религиозные деятели либо молчат, прячась за безответственными масками специализации и бюрократии, либо, рассуждая о нашем неустройстве, рекомендуют нам такие убеждения, как обветшалый оптимизм «веры в человека», безнадежный стоицизм, иррационализм слепого поиска или же просто «убеждения» как таковые, самоубийственную веру «во что бы то ни было». Однако искусство, политика и философия суть всего лишь отражения современности; они абсурдны постольку, поскольку абсурдной стала сама жизнь. У всех в памяти самый страшный пример реального абсурда – гитлеровский «новый порядок», когда с виду вполне нормальный, цивилизованный человек, умелый и тонкий исполнитель музыки Баха (как Гиммлер) мог быть в то же время хладнокровным убийцей миллионов и чередовать инспекции лагерей уничтожения с концертами и художественными выставками. Да и сам Гитлер был воплощенным абсурдом: он взмыл из небытия к мировому господству и канул обратно в небытие за десять с чем-то лет, оставив за собой лишь обломки цивилизации, благодаря одному тому, что он, пустейший из людей, олицетворял пустоту своих современников.

Гитлеровский сюрреализм остался позади, но эпоха абсурда отнюдь не миновала. Мир просто вступил в новую фазу той же самой болезни, до поры не столь бурную. Ясней, чем фашистское евангелие гибели, свидетельствует о нашем нигилизме и растерянности наше новейшее оружие; парализованные невиданным внешним могуществом и внутренним бессилием, мы беспомощны под его грозной сенью. Тем временем неимущие и «угнетенные» всего мира пробуждаются к самосознанию и начинают требовать богатства и власти; имущие же прожигают жизнь в суете, или гибнут от разочарования и скуки, или совершают отчаянные преступления. Кажется, мир раскололся надвое: одни ведут бессмысленную и бесцельную жизнь, не сознавая этого, а другие вполне осознанно идут к безумию и самоубийству.

Нет нужды продолжать список очевидных и типичных примеров. Достаточно сказать, что даже самые вопиющие из них – не более чем симптомы одной и той же болезни, которая

окружает нас на каждом шагу и проникает в самое сердце, если не знать, как с ней бороться. Мы живем в эпоху абсурда, когда несовместимые начала сосуществуют бок о бок в пределах одной человеческой души; когда ни в чем не видно смысла; когда исчез цементирующий центр и мир разваливается по частям, И пусть будни, хоть и в лихорадочной спешке, все же катятся своей чередой, и нам удастся жить-поживать как ни в чем не бывало: это возможно лишь потому, что мы не думаем или не хотим задуматься. И недаром – обстановка вокруг не из приятных. Но только тот, кто думает, кто хочет понять подлинный ход вещей под пестрым покровом будней, только тот способен найти себе хоть какое-то место в этом странном сегодняшнем мире, обнаружить в нем хоть какую-то «норму».

Признаем, что наша эпоха не нормальна. Поэты, художники и мыслители современного «авангарда», несмотря на все их преувеличения и заблуждения, на нелогичность их аргументов, на вычурность их мировоззрения, правы, по крайней мере, в одном: с нашим миром происходит что-то угрожающее. Таков первый урок философии абсурда.

Как понять абсурд

Склонность к абсурду в значительной мере характеризует духовное состояние нашего современника; можно узнать много интересного, если суметь разобраться в абсурде. Но тут мы сталкиваемся с очень серьезной трудностью, не преодолев которую мы не сумеем даже начать разговор. Возможно ли в принципе его понять? Становясь предметом изучения, по самой природе своей абсурд оказывается легкой добычей небрежности и зауми. В этом повинны не только художники, черпающие в нем вдохновение, но и серьезные исследователи, пытающиеся понять и объяснить его. Создается впечатление, что в большинстве работ о современном «экзистенциализме», изобразительном и театральном искусстве разум и логика совершенно отброшены, а критические стандарты подменены неопределенным «сочувствием», «причастностью» и внелогическими доводами о «духе времени», «творческом импульсе» и «осознании»; однако это вовсе не доводы, а в лучшем случае просто размышления, в худшем же – пустословие. Следуя таким путем, мы, быть может, сумеем лучше «оценить» искусство абсурда, но уж никак не понять его. И действительно, абсурд невозможно понять изнутри, пользуясь его собственными средствами; ведь понимание есть нахождение смысла, а смысл и абсурд несовместимы.

Стало быть, если мы хотим понять абсурд, мы должны выбрать точку зрения вовне, дающую смысл самому «пониманию». Только так можно пробраться сквозь дымовую завесу, за которой скрывается абсурд, защищаясь от разумного и последовательного наступления собственными контратаками на логику и разум. Короче говоря, нужно открыто исповедовать веру, противоположную абсурдной, и истину, отрицаемую абсурдом в принципе. Ниже мы увидим, как философия абсурда невольно свидетельствует об этой вере и истине, которые, скажем со всей ясностью, открываются нам в христианстве.

Ведь философия абсурда – не новость; она состоит в отрицании и от начала до конца определяется тем, что именно

подлежит отрицанию. Абсурдное возможно лишь по отношению к чему-либо неабсурдному; идея о мировой бессмыслице может прийти в голову только тому, кто веровал в смысл бытия и в ком вера эта не умерла. Философию абсурда нельзя понять в отрыве от ее христианских корней.

Христианство по существу есть высшее согласие, потому что Господь Бог, в Ком начало и конец всякого творения, устроил всю вселенную, согласовал все ее части и Самого Себя в ней; всякий христианин, хранящий истинную веру, неизменно видит это согласие вокруг себя и в себе самом. Для исповедующего абсурд все распадается на части, включая его собственную сиюминутную философию; для исповедующего христианство все собрано воедино и согласованно, включая и то, что беспорядочно само по себе. Абсурд с его хаосом оказывается элементом более общей и согласованной картины; если бы это было не так, вряд ли стоило бы о нем говорить.

Другое препятствие на подходах к абсурду состоит в неточности некоторых употребляемых нами понятий. Если мы хотим разобраться в вопросе, мы не можем попросту объявить абсурд противоречием и заблуждением, хотя так оно и есть, но этим он далеко не исчерпывается. Серьезный философ, конечно, не станет рассматривать его претензий на истину: философия абсурда, с какой стороны к ней ни подойди, противоречит сама себе. Чтобы утверждать всеобщую бессмысленность, нужно вкладывать какой-то смысл в саму эту фразу, чем отрицается исходное положение; когда говорят «истины нет», подразумевают истинность этого высказывания, снова себе противореча. Совершенно ясно, что философия абсурда на самом деле никакая не философия; ее тезисы нельзя воспринимать без известной доли воображения и субъективизма. Как мы увидим ниже, она вообще порождена не столько разумом, сколько волей.

Ницше и откровение абсурда

Хотя современное искусство дает нам множество примеров неявного влияния философии абсурда, в работах Ницше она обнаруживается совершенно явно: нужно лишь суметь различить ее. Ницшеанский нигилизм – это тот самый корень, из которого выросло все дерево абсурда. И если Ницше представляет нам саму философию абсурда, то о непредвиденных им зловещих последствиях предупреждает нас его старший современник Достоевский: Ницше был слеп к свету Христовой правды, которая одна способна противостоять абсурдному мировоззрению. Достоевский и Ницше, жившие на рубеже двух миров – умирающего разумного мира Христовой правды и нового, безумного мира, где этой правде места нет, – дают читателю практически все ключи к пониманию абсурдного.

Откровение абсурда после длительного скрытого созревания прорвалось наружу в двух весьма часто цитируемых афоризмах Ницше: «Бог умер», то есть вера в Бога умерла в наших сердцах, и «истины нет», то есть мы отказались от богооткровенной истины, на которой когда-то была воздвигнута европейская цивилизация, отказались потому, что потеряли доверие к ней. Оба утверждения совершенно справедливы применительно к тому, во что со времен Ницше превратилось подавляющее большинство христиан. Это относится к атеистам и сатанистам, открыто и с радостью заявляющим о своем безверии и отвержении истины; в равной мере относится это и к массам обычных людей, попросту утратившим способность к восприятию духовного мира, в чем бы эта утрата ни выражалась – в безразличии ли к духовной реальности, в столь обычной ныне душевной растерянности и распушенности или же в той или иной форме псевдорелигии, которая лишь маскирует безразличие и растерянность. И даже на тех, кто, оставаясь в меньшинстве и неуклонно убывая в численности, продолжают исповедовать веру и внутренне, и наружно, для кого невидимый мир более реален, чем видимый, даже на них пала тень этой «смерти Бога», затмив и исказив окружающее.

Ницше в «Воле к власти» дает лаконичное определение нигилизма: «Что значит «нигилизм»? Что высшие ценности теряют цену. Что цели нет. Что нет ответа на вопрос «Почему?»».

Короче говоря, все ставится под сомнение. Замечательное постоянство, с которым Отцы Церкви, святые да и все истинно верующие поверяют Богу все происходящее внутри их или вовне, усматривают в Нем начало и смысл всякой вещи, видят во всем Его волю, – это постоянство и вера, соединявшие некогда человека, общество и весь мир, утеряны нами, и если прежде мы умели найти ответ на наши вопросы у Самого Бога, то теперь они остаются для большинства из нас без ответа.

Разумеется, помимо христианства, существуют иные выражения всеобщего смысла и порядка и иные формы их распада, помимо нигилизма и идеологии абсурда. Эти учения утверждают или соответственно отрицают смысл жизни, но лишь в известных границах. Например, последователю традиционной индийской или китайской философии в какой-то мере открыты истина и внутренний мир, из нее происходящий, но не вся истина и не тот «мир Божий пре-восходяй всяк ум», плод одной лишь абсолютной истины. Отступающий от этой относительной истины и частичного мира теряет многое, но еще не все, как отступник-христианин. Потому-то и царит невиданная прежде растерянность в нашем сердце, что мы отступили от закона и истины, открытых нам полностью в самом Христе. Толь ко Бог христианской веры есть одновременно все могущество и вся любовь; только Он завещает нам бессмертие Своей любовью и, во исполнение завета, Своим могуществом уготовляет нам Царство, где мы можем быть с Ним, в образе Божиим, по воскресении из мертвых. И столь недоступен этот Бог и Его завет земному нашему пониманию, что веровавший в Него и отвергнувший Его уже не способен более верить ни во что мало-мальски серьезное. Мир, потерявший такого Бога, и человек, утративший такую надежду, на взгляд претерпевших подобное разочарование, в самом деле, вполне абсурдны.

Две фразы – «Бог умер» и «истины нет» – значат в точности одно и то же; это откровения об абсолютной абсурдности мира, в центре которого вместо Бога оказалось ничто. И как раз тут,

при основании идеологии абсурда, всего яснее видна его зависимость от отвергаемого им христианства. Христианское учение о «сгeaiіo aіx піMіo» – о сотворении Богом вселенной не из Себя Самого, не из какой-то прежде существовавшей материи, а из ничего – вызывает, пожалуй, наибольший протест у сторонних критиков. Проповедники же абсурда неосознанно свидетельствуют в пользу этого учения, выворачивая его наизнанку и пародируя его, пытаясь, по существу, аннигилировать сотворенный мир, вернуть его в то самое состояние небытия, откуда его некогда воззвал Бог. Об этом говорит их тезис о пустоте в центре всех вещей и подразумеваемая ими в той или иной мере мысль, что нам и нашему миру лучше бы вовсе не существовать. Но наиболее четкую форму эта попытка аннигиляции, эта Бездна в самом сердце идеологии абсурда, принимает в атмосфере абсурдного искусства.

Те, кого можно назвать просто атеистами, – Хемингуэй, Камю и многие художники, которые не видят дальше никчемности человеческой жизни в нашем сегодняшнем ее понимании, не стремятся дальше некоего стоицизма, готовности принять неизбежное, – говорят нам о пустоте через чувство скуки, тоски, хотя и тяжелой, но все же переносимой, и вообще через ощущение, что «ничего не может случиться». Но есть и другой тип искусства абсурда, в котором нам открывается гораздо больше: здесь к чувству пустоты добавляются элементы неведомого, ожидания какого-то ужаса, ощущения, что в мире абсурда, где «ничего не может случиться», в то же время «все возможно». В этом искусстве действительность становится кошмаром и мир превращается в далекую планету, где блуждают люди, не столь безнадежные, сколь растерянные, не уверенные ни в том, где они находятся, ни что их ждет, ни кто они такие – ни в чем, кроме Божьего небытия.

Таков странный мир Кафки, Ионеско, в несколько меньшей мере – Беккета, некоторых авангардистских фильмов, как «Прошлый год в Мариенбаде», электронной и прочей «экспериментальной» музыки, сюрреализма во всех его проявлениях и самой современной живописи и скульптуры,

особенно «религиозного» содержания, где люди представляются созданиями нечеловеческой или демонической природы, появившимися на свет из неведомой бездны. Таков же, надо сказать, был и мир Гитлера, чье царство представляет собой самое совершенное политическое воплощение идеологии абсурда.

Этот странный мир есть не что иное, как осязаемая «смерть Бога». Стоит отметить, что Ницше, впервые заявляя (устаами безумца в «Радостной мудрости») о «смерти Бога», описывает и саму атмосферу подобного искусства абсурда:

«Мы убили его (Бога), вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы это сделали? Как сумели мы выпить море? Кто дал нам губку, чтоб стереть горизонт? Что мы сделали, когда Земля оторвалась от Солнца? Куда она мчится теперь? Куда мчимся мы? Прочь ото всех солнц? Не мечемся ли мы без конца? Взад-вперед, туда-сюда, во все стороны? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы в бесконечном небытии? Не дышит ли на нас пустота? Не становится ли все холоднее? Не сгущается ли ночь все темней и темней?»

Такова, в самом деле, картина абсурдного мира, мира, где нет ни верха, ни низа, ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи, потому что нет больше общепринятой системы отсчета.

Учение о человеческом бессмертии

Иная, более личная, форма откровения абсурда содержится в отчаянном возгласе Ивана Карамазова: «Если бессмертия нет, то все позволено». Для некоторых это звучит как клич освобождения; но тому, кто всерьез думал о смерти или имел случай сам глубоко прочувствовать неизбежность собственной смерти, лучше знать. В отличие от большинства гуманистов с их вечными уклончивыми рассуждениями сторонник философии абсурда, хотя и отрицая бессмертие, признает центральное место этого вопроса. К нему можно относиться безразлично, только если не стремишься к истине или если это стремление заслонено чем-то повседневным и обманчивым – удовольствиями, работой, искусством, ученостью, всем тем, что мир с радостью принимает за истину. Весь смысл человеческой жизни зависит от истинности (или ложности) учения о бессмертии.

С точки зрения последователей идеологии абсурда, это учение ложное. И потому их мир столь необычен, в нем нет надежды, в нем смерть – верховное божество. Апологеты абсурда, как и апологеты гуманистического стоицизма, видят здесь только «мужество», готовность жить, не ожидая «утешения» в загробной жизни; они смотрят свысока на тех, кому требуется небесная «награда» за свои земные дела. По их мнению, нет нужды верить в рай и ад, чтобы «творить добро» в земной жизни. И это звучит вполне убедительно; многие, даже называя себя христианами, готовы отказаться от веры в вечную жизнь ради «экзистенциальной» веры в единый текущий миг.

Такой опаснейший самообман – не что иное, как одна из тысячи масок, за которой прячется лицо смерти, если бы смерть действительно означала конец, никто не смог бы противостоять ее ужасу. Достоевский был совершенно прав, давая бессмертию центральное место в своем христианском мировоззрении. Если земная жизнь человека неизбежно завершается небытием, то все дела его, в полном смысле слова, несущественны: они не приносят результатов. Тогда и разговоры о «жизни во всей ее

полноте» лишаются основания и смысла. Совершенно справедливо, что «если бессмертия нет», то мир абсурден и «все позволено», иначе говоря, ничего и не стоит делать; смертный прах не только душит всякую радость, но и осушает всякие слезы – о чем, собственно, плакать? Такому миру и в самом деле лучше бы не быть вовсе.

Ничто – ни любовь, ни добро, ни святость – не имеет ни ценности, ни даже смысла, если жизнь не продолжается за своими земными пределами. Тот, кто намеревается «творить добро» лишь в этих пределах, не понимает, что данная фраза пародирует христианское понятие о Добре, простирающемся в вечность. Только если мы бессмертны и только если будущий мир таков, как Бог открыл Своему избранному народу, лишь тогда наши дела приобретают смысл и значение, потому что любой наш поступок есть доброе или злое семя, прорастающее уже в этой жизни, но не приносящее плодов вплоть до жизни будущей. Напротив, верящим, что добродетель начинается и кончается на земле, остается всего лишь шаг до тех, кто отрицает добродетель как таковую; как просто сделать этот шаг красноречиво свидетельствует все наше столетие. Тем более что шаг этот вполне логический.

В известном смысле разочарование лучше, чем самообман. Само по себе разочарование может быть причиной самоубийства или безумия, но может оно привести и к отрезвлению. Пять с лишним сот лет Европа обманывает себя, стремясь к царству гуманизма, либерализма и будто бы христианских принципов, отходя в то же время все дальше и дальше от истины христианского вероучения. Этот путь привел к идеологии абсурда – прямому последствию попыток смазать и затмить христианскую истину, приспособить ее к новым, земным, гуманистическим принципам. Идеология абсурда снова доказывает, что истина эта абсолютна и непреложна: если не она – то истины нет вообще. А если истины нет, если мы не должны принимать Христово учение безоговорочно и буквально, если Бог умер, если нет бессмертия, то существует только видимый нами мир, который абсурден, который есть ад.

Гуманизм и идеология абсурда

Таким образом, абсурдное миропонимание сложилось в результате некоторого прозрения: оно развивает гуманистическую и либеральную мысль в том направлении, которое благонамеренные гуманисты увидеть не смогли. Идеология абсурда – не просто случайный иррационализм, а плод европейской цивилизации, сотни лет сеявшей семена затмения и предательства Христовой правды. Ошибкой будет, однако, вслед за апологетами абсурда преувеличивать значение данного факта и рассматривать эту идеологию, вместе с породившим ее нигилизмом, как некий поворот или возврат к доселе забытым истинам, к более глубокому мировоззрению. Бесспорно, она лучше отражает отрицательные и злые стороны человеческой природы и самой жизни, но от этого мало проку по сравнению с теми фундаментальными заблуждениями, которые она разделяет с гуманизмом. Оба учения равно далеки от Бога, в Ком только и есть смысл мироздания; ни то, ни другое, соответственно, не имеет ничего общего с духовной жизнью и духовным опытом, которые происходят непосредственно от Самого Бога. Значит, ни тому, ни другому неведомы истинные масштабы происходящего в мире и в душе человека, и оба, следовательно, разделяют крайне упрощенный взгляд на мир и в особенности на человеческую природу.

В принципе, они не так уж далеки друг от друга: идеология абсурда, по существу, есть разочарованный, но нераскаявшийся гуманизм. Можно сказать, что наступила последняя фаза его диалектического развития в направлении от христианской истины, фаза, на которой гуманизм, следуя своей внутренней логике и реализуя все последствия своего первоначального предательства этой истины, обращается в собственное отрицание и становится своим кошмарным двойником, гуманизмом наизнанку. Бесчеловечный абсурдный мир, хоть он и может показаться нездешним и диким, это все тот же одномерный мир гуманиста, который выглядит «таинственным» за счет разных трюков и самообмана; это пародия на реальный,

истинный мир христианина, действительно таинственный мир, содержащий высоты и глубины, немыслимые ни в абсурдном, ни в гуманистическом контексте. Если на интеллектуальном уровне эти две доктрины и различаются своими принципами и следствиями, то в более глубоком смысле они едины: в них воплощена одна и та же воля, воля к уничтожению христианского Бога и того порядка, который Он установил в мире. Такое утверждение может показаться странным, если проникнуться состраданием к «трагедии» нашего современника и особенно если прислушаться к рассуждениям определенных апологетов абсурда о неких якобы научных «открытиях», о столетии войн и революций, вызвавшем вполне естественное разочарование, одним словом – о «духе века сего», который как будто исключает всякую философию, кроме философии абсурда. Мироздание, заявляют они, потеряло смысл, Бог умер, непонятно как и почему, и единственное, что нам остается, – принять этот факт и смириться с ним. Однако более внимательные и информированные апологеты абсурда имеют иной взгляд на вещи. Бог не просто умер, говорит Ницше, это люди его убили; Ионеско же в своем эссе о Кафке отмечает, что «если у нас больше нет путеводной нити (в лабиринте жизни), значит, она нам больше не нужна. Отсюда наше ощущение вины, страха, абсурдности истории».

Действительно, неясное ощущение вины – это единственное, что напоминает современнику о его собственном участии в своей незавидной судьбе. Но на самом деле человек, конечно, причастен, и рассуждения о фатализме ничем не обоснованы. Современная наука здесь совершенно ни при чем: сама по себе она не только не безразлична, но с необходимостью враждебна идее абсурда, и те, кто пытается использовать ее для проповеди иррационализма, попросту себя обманывают. То же можно сказать и о фаталистических выводах из тезиса о неизбежном подчинении человека «духу века сего»: он опровергается опытом любого христианина, достойного называться этим именем, потому что христианская жизнь не может быть не чем иным, как только борьбой против духа любого века, ради самой вечности.

Сторонник абсурда, оказывается, черпает свой фатализм не в знании, не в необходимости, но в слепой вере. Разумеется, он не сознается в этом: ведь вера свидетельствует против детерминизма. Есть у него, однако, и нечто другое, заложенное еще глубже веры, о чем он с еще меньшей охотой станет говорить. Речь идет о воле, ведь направление человеческой воли главным образом определяет его веру и основанное на ней мировоззрение. Христианину, располагающему согласованным учением о природе человека и потому способному различать его сокровенные мотивы, видна та принципиальная ответственность, которую сторонник абсурда с его полным разочарования мировоззрением предпочитает отрицать. Он не пассивная «жертва» своего века или современного образа мыслей, он – активный, хоть подчас и растерянный, участник грандиозного восстания на Бога.

Идеология абсурда – это в первую очередь вовсе не интеллектуальное течение, не чистый атеизм, не голое утверждение, что Бога нет (хотя она может принимать и такие формы), а волевой акт, антитеизм (этот термин Прудон применял к своей программе, а Де Любак, в «Драме атеистического гуманизма», видел в нем ключ к пониманию революционеров вообще), борьба против Бога и Божественного порядка вещей. Ее последователи этого не поймут: питаюсь самообманом, они не могут и не хотят мыслить логически. Никто (кроме самого Сатаны, родоначальника абсурда) не отвергнет Бога и не откажется от своего истинного счастья, вполне отдавая себе отчет в происходящем; но в сокровенной глубине души каждого из них лежит исконный отказ от Бога. Именно здесь – источник всего того абсурда и хаоса, которыми знаменуется нынешний век.

Если вам кажется, что те или иные явления абсурдного искусства, где усматривается отчаянная тревога и правдивое свидетельство о нашем безбожном мире, все же заслуживают доброго к себе отношения и сочувствия, давайте не будем забывать о том, до какой степени заодно это искусство с этим миром; не будем упускать из виду, что его успех, его способность задеть во многих чувствительную струну

объясняются его заблуждениями, неправдами, слепотой и извращенной волей, в равной мере присущими его предмету – нашему никчемному веку.

Чтобы преодолеть абсурд, недостаточно, к сожалению, ни благих намерений, ни отчаянных страданий, ни высочайшего художественного «гения». Одна только правда ведет за пределы абсурда, а ее-то как раз и нет ни в современном искусстве, ни в мире; ее-то отвергают со всей решительностью и те, кто осознанно проповедует абсурд, и те, кто бессознательно влачит абсурдную жизнь.

«Будете яко божи»

Подведем итог нашей диагностике абсурдного: это образ жизни и мировоззрение тех, кто не может или не желает более признавать Бога началом, целью и высшим смыслом жизни, кто, следовательно, не верит в Его Откровение во Иисусе Христе и отвергает Его вечное Царство, уготованное верующим и послушным Ему, и кому остается обвинять лишь самих себя за свое неверие. Но что же именно вызывает эту болезнь? Не говоря об исторических и психологических факторах, влияние которых в любом случае второстепенно, какова ее истинная, духовная причина? Если абсурдная идеология – такое великое зло, как нам представляется, то она никого к себе не привлечет: зло само по себе не имеет положительной ценности и обязательно должно маскироваться под видом добра. Если до сих пор мы описывали отрицательную сторону идеологии абсурда, безумный, хаотический мир нашего современника, обратимся теперь к положительной стороне и разберемся, во что верят и на что надеются ее последователи.

Ведь совершенно ясно, что им не нравится абсурдность мироздания; они признают ее, но не желают с ней мириться, и их искусство и философия сводятся, по существу, к попыткам ее преодолеть. Как сказал Ионеско (говоря, по-видимому, за всех), «обличать абсурд – значит утверждать возможность неабсурда», прибавляя, что он «постоянно ищет просвета, откровения». Эта атмосфера ожидания, которая отмечалась выше в некоторых произведениях искусства абсурда, есть не что иное, как образ переживаний современника, одинокого и разочарованного, но все-таки не потерявшего надежды на что-то неясное, неизвестное, которое вдруг откроется ему и вернет его жизни и смысл, и цель. Даже в отчаянии мы не можем обойтись без какой-то хоть надежды, даже если «доказано», что надеяться не на что.

Но это означает, что небытие, предполагаемый центр абсурдного мира, – уже не сама болезнь, а всего лишь ее грозный симптом. Суть же – это вера в нечто, чего ждут, но

точно не знают, его именно; это Годо, неопределенный и неявный участник произведений искусства абсурда; это таинственное нечто, которое способно снова дать жизни некий смысл.

И если современное искусство абсурда свидетельствует об этом достаточно туманно, то стоявшие у его истоков «предсказатели» Ницше и Достоевский выводят ясное следствие из откровения абсурда. «Все боги умерли, – го ворит Заратустра, – и мы хотим теперь, чтоб жил Сверхчеловек». Безумец у Ницше так говорит о богоубийстве: «Не слишком ли мы много на себя берем? Не нужно ли нам самим стать богами, просто чтоб это выглядело нам по плечу?» А Кириллов в «Бесах» знает, что если нет Бога, то он Бог.

Обитатели рая поддались на соблазн змея «будете яко бози», положив начало греху и всем бедам рода человеческого. С тех пор и до сих пор дьявол соблазняет нас одним и тем же идолом собственного я, которого Ницше называет Свехчеловеком, а Достоевский – Человекобогом; если отказаться от истинного Бога, то остается служить только этому идолу. Нам дана свобода, чтобы сделать выбор между истинным Богом и самим собою, между путем истинного обожествления, на котором мы смиряем и распинаем себя в жизни сей, чтобы воскреснуть и возвыситься к Богу в вечности, и ложным путем самообожествления, ведущим к сиюминутному возвышению, а затем – в бездну.

В конечном итоге, нам открыты лишь эти две возможности, которые дают начало двум царствам – Царству Бо-жию и царству человеческому. В этой жизни лишь вера позволяет различить их, но в жизни будущей они разделятся как рай и преисподняя. Вполне понятно, куда относится современная цивилизация с ее прометеевской программой строительства земного царства наперекор Богу; этот вопрос, ясный и для мыслителей прошлого, у Ницше не оставляет ни малейших сомнений. Заповедь «ты должен» устарела, говорит Заратустра, новая заповедь – «я хочу». И в сатанинской логике Кириллова «атрибут божества моего – Своеволие». Новая, еще не полностью раскрывшаяся религия идет на смену христианству,

которому современность, как ей кажется, нанесла последний решающий удар: эта религия – целиком и полностью культ своего собственного я. Такова цель идеологии абсурда, как и прочего бесполезного экспериментаторства. Абсурд – это всего лишь фаза современной прометеевской программы, когда появились колебания, сомнения и легкий привкус неминуемого дьявольского хаоса. Но если абсурдное мировоззрение включает в себе меньше самоуверенности и больше страха, нежели гуманизм, оно разделяет гуманистическую веру в истинность избранного нашей цивилизацией пути и, несмотря на свои сомнения, сохраняет гуманистическую надежду – надежду не на Бога и Его Царство, а на человека и его Вавилонскую башню.

Идеология абсурда и культ собственного «я»

Гитлер с его верой в арийского Сверхчеловека дает нам крайний пример царства самопоклонения; другую крайность представляет коммунизм, где роль Сверхчеловека отведена коллективу и самопоклонение выглядит как забота о ближнем. Но как фашизм, так и коммунизм – чей фантастический успех можно призвать в свидетели – это всего лишь крайние формы одной и той же идеологии, которую ныне исповедует весь мир, кроме, конечно, тех, кто открыто и безоговорочно принимает Христа и Его правду.

Разве не об этом говорит могучий порыв всех народов к «новой эре», когда переменится лицо земли и будет завоеван космос, когда раз и навсегда исправится человеческая жизнь, когда наш мир, со времен грехопадения бывший уделом печали и слез, должен стать уделом счастья и радости, истинным раем на земле? Посмотрите: человек, освобожденный от Бога, в Которого он не верует, даже исповедуя Его на словах, ставит себя на Его место, видит себя полновластным хозяином своей судьбы и творцом «ново го мира», облакая свою веру в форму самодельной «новой религии», где гордость почитается вместо смирения, ученость – вместо молитвы, укрощение природы – вместо укрощения страстей, животный смех – вместо слез покаяния.

К новому культу самопоклонения указывает путь идеология абсурда, пусть не всегда ставя это себе целью, но определенно приводя к такому результату. Герой абсурдного искусства заключен в себе самом, как в темнице, оторван от других людей, не способен на человеческие чувства и отношения; в нем нет любви, в нем только ненависть, насилие, ужас и тоска, потому что, лишившись Бога, он лишается и всего, что есть в нем человеческого, – образа Божия. И ожидаемое им откровение, которое должно избавить его от абсурда, никак не может быть христианским: единственное, с чем согласны все проповедники абсурда, это безусловный отказ от христианского ответа. Они способны принять только «новое» откровение.

Один из персонажей пьесы Беккета говорит о богоподобном Годо: «Страшно интересно узнать, что он нам предложит. А тогда уж решим, согласиться нам или нет».

Если в христианстве, где все сверяется с Христом, прежняя личность с ее самоволием должна быть истреблена и рождена новая, верная Христу и Его воле, то духовный космос Годо вращается именно вокруг прежней личности, и даже грядущее божество предстает здесь как некий коммивояжер, пытающийся сбыть свой товар избалованному самовлюбленному покупателю. Те, кто сегодня «в ожидании Годо» – который, возможно, равнозначен антихристу, – надеются, что он успокоит им совесть и вернет самопоклонению вкус и смысл; иными словами – что он отменит наложенные Богом запреты и окончательно докажет их несостоятельность. Ницшеанский Сверхчеловек – это наш современник, утративший чувство вины в порыве воодушевления земным лже-мистицизмом, культом земных богов.

Чем же все это кончится? Ницше и современные оптимисты видят впереди зарю нового времени, начало «истории, превосходящей любую историю прошлого». То же утверждает и коммунистическая доктрина; но коммунистическая перестройка мира не способна на большее, чем систематизированный абсурд бесперебойного, но бесцельного механизма. Достоевский, знавший истинного Бога, был ближе к действительности. Маниакальный двойник Заратустры, Кириллов должен покончить с собой, чтоб доказать, что он Бог; Иван Карамазов, мучимый теми же идеями, кончает безумием, как, впрочем, и сам Ницше; Шигалев (в «Бесах»), первым разработавший совершенную общественную организацию человечества, находит необходимым обречь девять десятых на полное рабство, с тем чтобы дать одной десятой абсолютную свободу, что впоследствии и претворили в жизнь большевицкие и фашистские сверхчеловеки. Безумие, самоубийство, рабство, гибель и истребление – вот результаты заносчивой философии, проповедующей смерть Бога и приход Сверхчеловека; не даром эти темы столь важны для искусства абсурда.

Многие соглашались с Ионеско, что путь за пределы абсурда и нигилизма в некий новый мир смысла и порядка может быть найден через тщательное исследование нашего места в сегодняшнем абсурдном мире и новых возможностей, которые открываются перед нами; это общая надежда мировоззрений абсурда, гуманизма, а также и коммунизма, когда коммунизм сможет избавиться от иллюзий (если такое вообще возможно). Надежда эта неосновательная, но, в некотором смысле, реалистичная. Ведь Сатана, подобно обезьяне, пытается повторять Бога; и если абсолютное, Божественное согласие разрушено и нет больше надежды, что Сам Бог восстановит его, то Сатана может предложить вполне привлекательное псевдосогласие собственного производства.

Неудивительно, что серьезные и ответственные христианские мыслители нашего времени, не принимающие ни облегченного оптимизма, ни облегченного пессимизма, обращаются к учению, некогда повсеместно принятому на Западе, но почти забытому за последние несколько сот лет под воздействием философии просвещения и прогресса (ср.: Джозеф Пипер. «В конце времен»; Генрих Шлиер. «Начальства и власти в Новом Завете»; а еще прежде них кардинал Ньюман). Это учение об антихристе, странном гуманистическом правителе мира в конце времен, который как будто бы вывернет наизнанку всю вселенную, представляя тьму – светом, зло – добром, рабство – свободой и хаос – порядком; он воплощает всю философию абсурда и саму идею Человекобога, потому что он будет поклоняться только себе и называть себя Богом. Мы не можем, однако, идти здесь далее упоминания об этом учении и указания на его тесную связь с сатанинским хаосом философии абсурда.

Но что еще более существенно, чем историческая кульминация абсурда, будь то царство самого антихриста или кого-то из его предшественников, так это его сверхисторическое следствие, а именно ад. Ведь идеология абсурда есть не что иное, как вторжение ада в наш мир; она извещает нас о реальности, которой мы так упорно избегаем. Но те, кто пытается уйти от этой реальности, только крепче

привязываются к ней: в наш век, когда люди впервые перестали верить в ад, адский дух воплощен полней, чем когда-либо. Почему не верят в ад? Потому, что не верят в Царство Небесное, не верят в жизнь и в Бога жизни, находят Божие творение абсурдным и думают, что лучше бы его не было. Старец Зосима в «Братьях Карамазовых» говорит о таких: «О, есть и во аде пребывающие гордыми и свирепыми... Ибо сами проклинали себя, прокляв Бога и жизнь. Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтоб уничтожил Себя Бог, и все создание Свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти...»

Таковы, конечно, крайние нигилисты, но они отличаются не качественно, а только количественно от тех, в ком меньше ярости, в ком абсурд и проклятие не столь явственны, и даже от тех, кто, называя себя христианами, не стремится всем сердцем к небу, а если и думает о нем, то лишь как о тенистой обители покоя или сна. Ад становится ответом и результатом для всех, верящих в смерть вместо жизни, в здешний мир вместо мира грядущего, в самого себя вместо Бога, – для всех тех, одним словом, кто в глубине души принимает философию абсурда. В этом-то и состоит великая правда христианства, открытая Достоевскому и скрытая от Ницше, побеждающая и нигилизм, и абсурд: все согласовано и осмыслено, ничто не исчезает без следа. Последнее и страшное доказательство тому дает адское пламя: всякая тварь волей или неволей свидетельствует об окончательном смысле бытия. Этот смысл – в Божией любви, которая не исчезает даже в аду и терзает тех, кто ее отверг.

Сходным образом и абсурд представляет собой отрицательную сторону положительной реальности. Элемент бессмыслицы и хаоса, безусловно, присутствует в нашем мире, потому что весь мир рухнул при грехопадении; таким образом, философия абсурда базируется не столько на

лжи, сколько на обманчивой полуправде. Но когда Камю определяет абсурд как результат столкновения потребности смысла в человеке и отсутствия смысла в мире, когда он рисует человека невинной жертвой и возлагает ответственность на

мир, то он, подобно всем прочим проповедникам абсурда, раздувает частный факт до целого искаженного мировоззрения и в слепоте своей приходит к полному отрицанию истины. По существу, абсурд – это не внешнее, а внутреннее явление: не в мире, но в самом человеке исчезает смысл и согласие.

Однако если последователь идеологии абсурда виноват в неспособности или даже в нежелании видеть правду, то христианин еще больше виноват тем, что не ведет осмысленную, праведную жизнь, жизнь во Христе. Отступления христиан от правды в мыслях, на словах и на деле открыли дорогу для триумфа абсурда, Сатаны и Антихриста. Нынешний век абсурда – справедливое воздаяние христианам, оставившим Христа.

Нужно снова стать христианами

И здесь, у истоков абсурда, мы находим единственное средство против него: нужно снова стать христианами. Камю был совершенно прав, утверждая, что «приходится выбирать между чудесами и абсурдом». В этом отношении христианство и абсурд в равной мере противостоят рационализму и гуманизму, которые ограничивают реальность рациональными рамками. В самом деле, требуется выбрать между чудесным, христианским мировоззрением, исходящим от Бога и ведущим к вечному Царствию Небесному, и абсурдным, сатанинским мировоззрением, построенным вокруг собственной персоны и ведущим прямо в ад, как в этой жизни, так и в будущей. Нужно снова стать христианами. Совершенно бесполезно, более того, абсурдно говорить о каких бы то ни было общественных реформах, об изменении исторического пути, о преодолении века абсурда, если мы не имеем в сердце Христа; а если мы имеем в сердце Христа, все прочее уже второстепенно.

Возможно, за веком абсурда откроется некий новый век, но вероятнее всего – и христиане должны быть к этому готовы, – что не откроется, и наш век окажется в самом деле последним. И тогда, быть может, последнее и решающее свидетельство ему христиане принесут своей мученической кровью.

Но ведь это причина для радости, а никак не для отчаяния. Ибо христианин не надеется на этот мир и земные царства; его надежда совершенно абсурдна для них. Его надежда – Царствие Божие, которое не от мира сего.

Христианский реализм и современный идеализм

– Православная Церковь – это такой грандиозный, волшебный спектакль!.. Совершенно забываешь о реальном мире, когда заходишь туда! – Сказать по правде, в мире нет ничего реальнее Церкви. Все прочее – отчасти спектакль, иногда грандиозный, но обычно не слишком. (Из обмена мнениями в Интернете)

Подборка из ранних работ Юджина Роуза, написанных в конце 50-х – начале 60-х гг., отчасти еще до того, как он сознательно принял Православие, заметно отличается от написанного им позже. Это, впрочем, и неудивительно. Контраст, однако же, виден не столько в содержании, сколько в жестком стиле изложения, в резкости формулировок, в акценте на догматике и формальных рассуждениях.

Многие примут это за недостаток и будут в известном смысле правы. Автору этих заметок не было и тридцати лет, а относительно обращения к вере его возраст был и вовсе младенческим. Незадолго до смерти о. Серафим будет рассказывать следующему поколению верующих о Православии в Америке и приведет знаменитую цитату из св. Тихона Задонского: «Знание правых догматов имеется в разуме: оно часто бывает бесплодно, надменно, возносливо; истинная же во Христа вера есть в сердце», – обращаясь не только к слушателям, но и к самому себе в молодые годы.

Однако значение этих работ будущего о. Серафима исключительно велико. Каждый легко убедится в этом по самому их содержанию, но и их юношеский жар, и даже резкость стиля имеют особый смысл в наши дни. Сколько молодых людей, подобных Юджину Роузу, приходит (или возвращается) к вере в России или где бы то ни было; путь этот нелегок, особенно сегодня. Их ждут бесчисленные соблазны, ловушки и удары из-за угла: все что угодно, от «современной цивилизации и культуры» до «таинственных глубин древней восточной мудрости», в едином порыве тащат их прочь из Церкви. Со страниц «прогрессивных» изданий, а иной раз – увы

– и с амвона, кормят их отравой о «псевдохристианстве прошлого и его преодолении», о «космическом единстве мирового духа» или попросту о «вселенском величии Римского престола»... Насколько же важно для них услышать голос сверстника, такого же юного в вере, как и они сами, вооруженного лишь светским образованием, логикой да неподкупной честностью, голос, обнажающий и обличающий безбожную ложь!

Пусть они научатся у Юджина Роуза его честности, его способности наблюдать, исследовать и делать выводы; тогда и им, как и ему, откроет в сердце Всемогуший Господь неземное сияние истинной веры.

Характерная черта современности

Из ранних дневников

«Выбор между всеобщей войной и всеобщим миром», о котором твердят все вокруг, на самом деле никакой не выбор. Война бесчеловечна, но и всеобщий мир точно так же бесчеловечен, хоть и в совсем другом смысле: он чужд реальной человеческой природе и недостижим для земного человеческого общества.

Если так, то что же? Каждому, кто это поймет, грозит отчаяние, но в то же время ему открывается и путь надежды. Ведь настоящая надежда – не на этот век, а на будущий. Все прочие пути закрыты, все земные возможности исчерпаны, и наша эпоха как бы с черного хода снова приводит нас к христианству. Это и есть характерная черта современности: истина ясна, как никогда прежде. В конце концов наш век сам разобьет всех своих идолов, и открыто явится Бог. Только кто Его увидит?..

Выбираем ли мы Бога, Который лишь один поистине Сущий, или себя самих, которые без Бога – ничто? Вот в чем действительно состоит наш выбор. Наш век требует, чтобы мы забыли о нем, закрыли глаза, заткнули уши – и сделали выбор в свою пользу, в пользу пустоты, бездны и ада. Наш век держится на пустоте, но, как ни странно, сама пустота неотвязно напоминает нам об искони стоящем перед нами выборе. Каждого, кто способен слышать, наш век зовет обратиться к Живому Богу.

Откуда берется утопия

В некотором смысле эта работа (неоконченная книга «Царство Божие и царство человеческое» – Пер.) – анализ последствий автономии человека. Постановка вопроса относится еще к восемнадцатому столетию, когда в жизни перестало ощущаться повседневное присутствие Бога. Одни прямо отвергли Его, другие просто перестали обращать на Него внимание; так или иначе, вопрос был в том, каково место человека в мире без Бога.

Прежде всего нужно заметить, что подобный взгляд на мир основан на недоразумении: человеческая природа неизменна, и все «новейшие» идеи и мировоззрения суть не что иное, как искажения старых. Сам по себе модернизм не содержит в себе никаких принципиальных открытий, это всего лишь традиционный образ человека и мира, перерисованный наново.

В самом деле, Адам до грехопадения был властелином материального мира, как бы наместником Бога на земле. Современный человек – тоже властелин мира, но поскольку Бога он не знает, он сам занимает Его место. Отсюда – центральный догмат модернизма об Автономном Человеке. На место Творца становится ничтожный, падший человек, неспособный к восприятию невидимого мира, естественно, что реальность в его глазах сужается до предела. Возникает понятие «повседневной объективной (а на деле узко-субъективной) реальности», ограниченной рамками примитивного материализма. Всякое проявление нематериальных сил подлежит «переосмыслению»; все, что прежде относилось к области божественного или демонического, приходится теперь втискивать в эти новые рамки. Человеку, лишенному невидимого мира, остается лишь самая простая и скудная система познания – язык естественных наук.

Современный человек пытается перекроить окружающий мир по мерке своего нового мировоззрения с помощью технических новшеств, социально-экономических

экспериментов, грандиозных строек и пр. (сегодня мы видим все что угодно, от цирковых номеров с «глобальным потеплением» до реальных угроз вмешательства в генетику человека. – Пер.). Все эти средства, как плоды автономного разума, тяготеют к утопии «всеобщего управления», поддерживая в человеке его не слишком-то твердую уверенность в собственном могуществе.

Но любить Божий мир способен лишь тот, кто любит Бога. Любовь к Божьему миру (и вообще любовь) требует истинного образа своего предмета; в нашей любви к Божьему созданию живет и любовь к Самому Создателю. Современный же автономный разум, отвернувшись от Бога, отворачивается и от созданного Им земного мира – живого, конкретного мира, такого, какой он есть на самом деле, – и вместо него выстраивает себе некий идеал совершенства.

Земной мир далек от совершенства, иначе бы человек, найдя совершенство на земле, не тянулся бы ввысь... Совершенство – наша конечная цель, но можетли быть иная цель, кроме Бога? Потому-то и нет совершенства нигде и ни в чем, помимо Него; несовершенство мира и человека – всего только вехи на дороге к небу. А современность вместе со своей конечной целью привязана к земле, и поскольку земля, конечно, несовершенна, то ее приходится представлять таковой – идеализировать.

Отсюда – весь идеализм и утопизм современных идей и планов мирового порядка. Утопия жизненно необходима современному человеку как средство против отчаяния: и действительно, крах каждой очередной утопии неизменно приводит людей к отчаянию. В нормальных условиях оно возвратило бы их к Богу, но в Бога уже мало кто верит, и отчаяние становится безысходным и смертельным.

По природе своей человек не способен жить без стремления к совершенству. Ему нужно только выбрать одно из двух совершенств: землю или небо, утопию или Бога.

Об истинном христианстве и истинном реализме

Прислушавшись к серьезным современникам (которых, собственно, только и стоит слушать, не обращая внимания на возню атеистов-идеологов), мы обнаружим, что они не так уж и враждебны, а подчас даже и доброжелательны по отношению к христианству. Но в отсутствие «ясных свидетельств» – не столько объяснений и доводов, сколько властного голоса в сердце – им никогда не преодолеть барьера между просвещенной веротерпимостью и самой верой. Некоторые, быть может, даже признают, что их собственная «современная» вера совершенно абстрактна и произвольна, но при этом обязательно добавят: «А что, разве христианство не такое же? Чем оно лучше?»

Даже у самых добросовестных наблюдателей в наши дни неминуемо складывается впечатление, что христианство, по самому своему существу, «нереалистично». Обвинять нас в «дезертирстве из мира» могут, конечно, лишь люди наивные и необразованные (и наш ответ, что омир-щение – это дезертирство от Христа, только изумляет или озлобляет их); но надо признать, что всякий, кто так или иначе причастен современному мировоззрению, видит в христианстве некую попытку уклониться от очень важных и актуальных предметов.

Чтобы правильно возразить на это, давайте прежде всего отметим, что христиане живут в том же самом материальном мире, что и все прочие: они подвержены тем же искушениям, тем же необходимостям, тем же неизбежным воздействиям. Принципиально важный элемент христианства – трезвое отношение к реальности, терпеливое несение креста жизненных испытаний. Христианину, помнящему о своем Спасителе, Который не искал «выхода», не искал легких путей в жизни, но претерпел унижения, страдания и страшную смерть (хотя Он, в отличие от нас, имел власть избежать их и сойти с креста), христианину, повторяю, не надо говорить о «дезертирстве».

Но в чем же тогда особенность христианства? Получается, что все мы, независимо от веры и убеждений, согнувшись под

бременем неизбежности, проходим по тернистому жизненному пути и, подведя черту, безвозвратно исчезаем во мгле. Не в этом ли самом состоит «современный» взгляд на мир, что наша текущая жизнь – это и есть единственная реальность, помимо которой ничего нет и не может быть и в исходе которой – смерть? И не приходится ли наконец признать – к огорчению не только нашему, но и наших оппонентов, – что надежда на Христово обетование, попросту сказать, напрасна?

Мы продолжаем надеяться, но при этом – в чем, собственно, и состоит наше отличие – мы обязаны оставаться реалистами не в меньшей, а в гораздо большей мере, чем современные критики христианства: те, полагая, что прежние надежды напрасны, вынуждены сами придумывать себе предмет надежды.

Христианство – не философская система, не «метод», не «руководство», как уйти от жестокой реальности или убедить себя в том, что мир не существует. Христианство – это сама жизнь: мы живем силою Живого Бога. Как Он создал этот мир, так Он и разрушит его в свое время; нас, людей, Он зовет отсюда в небо, в иное Царство, ему же не будет конца. У христиан нет другой философии, кроме Христа, Чья мудрость и сила недоступны для земных философий. Верно, в этом мире нельзя прятать голову в песок, но Христос дает нам силу поднять голову, жить в этом мире – и пережить его.

Христос – не «идеал». Во всех земных философиях так или иначе присутствует идеализм – взгляд на реальность через призму тех или иных идей, отвлеченных продуктов человеческого разума. Нет нужды напоминать, что любой «материализм», так же, впрочем, как и «спиритуализм», представляет собой форму идеализма, то есть совокупность суждений и мнений, а не прямой опыт и знание. От христианина же требуется реализм неслыханный и немыслимый в наши дни: современность всегда надеется на земную жизнь, как бы плохи ни были в ней дела, а христианин отвергает ее и смотрит вперед.

Нынешняя эпоха, на непредвзятый взгляд, самая черная и глухая эпоха в памяти людей, оказывается в то же время

эпохой самых дерзновенных земных надежд в истории человечества. В самом деле, чем темнее жизнь, тем ярче и лихорадочней горит огонь земной надежды для тех, кто без него погиб бы от отчаяния. Другое дело христиане. Конечно, и христиан тоже увлекает вакханалия с гимнами «в защиту мира» и пр., но это уже «новые христиане», люди, потерявшие себя, принявшие мир и уступившие его могуществу. «Сопротивляться было бы чистым безумием», – успокаивают их все вокруг.

И вправду, истинный христианин – чистый безумец в их глазах: он верит в Живого Бога. Бог соблюдет и сохранит его от рода сего и вовек, проведет через все испытания, через желанную мученическую смерть ради Христа и через само светопреставление, которое наступит не раньше, но и не позже того, как определит тому быть Господь. Чего не смогли добиться языческие императоры на аренах цирков, того, казалось бы, вот-вот добьются безликие силы современности со своей наукой и техникой; но и те, и другие бессильны против живой и истинной христианской веры, веры, связующей мир видимый и временный с невидимым и вечным.

Истинный христианин – это истинный реалист. Он живет как равный среди окружающих: дождь с неба достается и праведным, и неправедным. На него, как и на всех прочих, обрушиваются «факты бытия», но он встречает их совершенно по-другому. Бурные страсти, властители человеческой души, приняты в наше время как должное; христианин истребляет и укрощает их. Боль, страдания и смерть ненавистны современности, она из кожи вон лезет чтобы их ослабить, отдалить, вытеснить вон из сознания с помощью «позитивных образов»; христианин принимает их со смирением и даже с благодарностью: ведь страдания несут пользу душе, и от земной нашей жизни не стоит ожидать большего, чем получил Спаситель на Голгофе. Конец света встает перед современными людьми неотвязным кошмаром полного краха их комфортабельной земной веры; для христианина предрассудок «светлого будущего» не имеет ни малейшего смысла, а последние дни, так или иначе, недалеко. Вера христианства и вера современности несовместимы: отсюда и разница. Все

умопостигаемые печали и ужасы нашего мира – ничто по сравнению с непостижимой радостью мира грядущего для того, кто остается верен Христу. Ничто они и по сравнению с печалью и ужасом ада, уделом предающих Его, – того самого ада, который «отменен» современностью по соображениям, как ей кажется, благородным и гуманным, а на самом деле – просто потому, что он слишком реален для ее идеализма. Зато материальный мир, со всем его преходящим добром и злом, колыбель и школа христианской жизни, стал ее идолом, пределом ее стремлений: кроме него, ничего у ней нет, и ничего ей больше не нужно.

О любви

Почти все, кто сегодня еще исповедует Христа – или хотя бы некий «христианский идеал», – безусловно, согласятся в одном: всякое доброе дело, особенно в общественной сфере, явно или неявно совершается ради Христа и Его Царства. Потому и вызывают такой энтузиазм у современных христиан всевозможные «надконфессиональ-ные» благотворительные организации, медицинские миссии, усилия по улучшению условий жизни нуждающихся, успехи в международных отношениях, кампании против войны, за разоружение и т. п. – все то, что сегодня делается «во имя человечества», они принимают, словно за этим стоит Сам Христос.

Христос, однако же, говорил нечто прямо противоположное: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30). На это нам возразят, что-де те, кто трудится «в христианском духе», на самом деле не против Него, а как раз с Ним; и нельзя отрицать, что есть люди, исповедующие Христа «невидимо», вне границ Его земной Церкви. Но давайте повнимательнее приглядимся к делам современной общественной жизни и попытаемся разобраться в их природе.

«Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40): значение этих слов не нуждается в комментариях. Всем, и знающим и незнающим Его, Господь является снова и снова в виде ближних и встречных, ожидая простых и конкретных дел: накормить голодного, напоить жаждущего, одеть убогого. Чтобы так поступить, не обязательно быть христианином, достаточно просто быть человеком и отозваться на чужую нужду или боль. Христианин поступит точно так же, как и любой другой; лишь впоследствии мы сообразим, что это Сам Христос стоял перед нами, испытывая нас, что мы за люди и где наше сердце – с Ним или нет. Жизнь полна таких испытаний, проявляющих состояние нашей души точнее, чем любой самоанализ.

Итак, доброта и отзывчивость – вовсе не «идеи в христианском духе», а глубинное содержание христианской жизни. Христианство, в самом деле, «вдохновило» их, и они настолько вросли в человеческую природу, что забыт оказался их истинный смысл. Они существуют как бы между прочим, помимо важных и серьезных «общественных задач», которые в наше время как раз и принято решать «в христианском духе».

«Хорошо накормить голодного, но лучше накормить тысячу голодных: один – это капля в море», – так начинается ложь «прогрессивного христианства». «Ибо нищих всегда имеете с собою, и когда захотите, можете им благотворить; а Мене не всегда имеете» (Мк. 17:7) – Христос пришел не кормить, а спасти мир, как бедных, так и богатых. И не смотрим ли мы на голодных, словно приказчики на покупателей: «Столько-то и столько-то клиентов, которых надо обслужить»? Если так, то горе нам: мы умеем рассчитывать, а любить не умеем.

Нет, мы отзываемся сердцем на чужую боль. Перед нами живой человек, ничем не хуже нас с вами, страдающий и обездоленный, такой же, как Сам Спаситель когда-то. И если в сердце у нас Христос, то мы ничего не станем рассчитывать, а отдадим ему что имеем. Если же мы ничего не имеем, любовь наша от этого не меньше, скорее наоборот, чем мы беднее, тем лучше шансы у нашей отзывчивости и доброты.

Что же касается общественных мероприятий «в христианском духе», то нельзя, разумеется, сказать, то они целиком подчинены дьяволу: многие из их участников искренне работают Господу. Но, к сожалению, они все полней и полней служат основной цели современности: забвению Бога за счет поклонения человеку.

Отрывки из писем Томасу Мертону¹

В ответ на статью Мертона «Пастернак и люди в брелоках» (Jubilee, July, 1959)

У Бориса Пастернака, автора романа «Доктор Живаго», есть своя особенная вера, «новое религиозное сознание»; оно требует чего-то «большого», чем Христос, Которому поклоняется Церковь; оно ищет «нового Христа», более подходящего «свободному духу современности».

Ваша характеристика пастернаковского «религиозного сознания» вызывает резкий протест у православного читателя, пускай даже она и адресована массовой аудитории. Ваши высказывания о «литургических и сакраментальных образах, не связанных с установленной обрядностью и не ограниченных формальными рамками»; о «богочеловеческой вселенной и преображенном космосе» в представлении «неверующего, язычника, но уж почти наверное не христианина» (по Вашему собственному наблюдению); о «символической глубине» сродни Отцам Церкви, но только «без догматических тонкостей и аскетических устремлений»; о «свободной жизни» вне и помимо Церкви – все это с православной (как, впрочем, и римско-католической) точки зрения начисто лишено смысла.

Лишь в рамках современного расплывчатого протестантизма это можно воспринять как апологию «нового христианства», захватывающего на наших глазах весь мир. Могу Вам сказать, что религиозное сознание, вынесенное из пламени большевических гонений, воспитало и мою собственную веру; но только оно диаметрально противоположно той «примитивной романтической спонтанности», которую Вы обнаружили у Пастернака...

Религия Пастернака – бессильная и бесформенная, слепая ко Христу, открытая лишь для земной жизни, рядящаяся (не иначе как из эстетических соображений) в ошметки наружного Православия и тупо убежденная в истинности своего высокомерного идеализма. В ответ на статью Мертона «Мировой кризис и христианское дело» (Black Friars, June, 1962)

...Какую альтернативу предлагаете Вы всеобщей войне? Всеобщий мир? По Вашим словам, «мы обязаны пожертвовать всем ради устранения войны как таковой». Не просто мир, к которому стремились и с которым знакомы люди от начала веков, а особенный, принципиально новый мир, к тому же еще и «вечный».

Подобная цель, разумеется, крайне близка современному сознанию: политический идеализм, как марксистской, так и «демократической» окраски, безоговорочно принимает ее. Ну а христианство? Разве христианство, в принципе, не чуждо любому идеализму, любой попытке свести его вполне конкретные цели и средства к неким возвышенным идеям? И чем отличается «устранение войны как таковой» от подобных ему фантазий об «устранении» болезней, страданий, греха и смерти? И то и другое – неотъемлемые составляющие нашего падшего мира, и «устраняет» их только одно: изменение человеческой природы, частичное – в нынешнем веке и полное – в грядущем после смерти.

...Я вовсе не пытаюсь отгородиться от мира: вера всякого христианина, даже отшельника, – это вера социальная, но только по контексту, а никак не по сути. Церковь живет в обществе, потому что человек живет в обществе; но цель ее – изменить человека, а не общество. Прекрасно, когда общество и власть исповедуют истинное христианство, когда общественные и государственные институты озарены его светом: тем самым оно становится ближе и доступнее людям. Однако христианское государство и христианское общество ни в коей мере не самоцель, а результат – плод христианской веры живущих в нем людей... Но христианская вера, мир Христов в человеческом сердце, отнюдь не гарантирует социального мира; более того, по нынешним обстоятельствам я решительно не вижу связи между ними и идеей «устранения войн»... Хотя в нашей жизни возможно (и я не писал бы Вам, если бы не был убежден в этом) некое подлинное, пусть и неприметное, единство между христианами разных исповеданий, особенно во время гонений за веру, которое можно было бы назвать «истинным

экуменизмом», оно не имеет ничего общего со Всемирным Советом Церквей и тому подобными заведениями.

...Всем нам знакома та глухая стена непонимания и нежелания не только понять, но даже и выслушать, которая стоит между нами и нашими неверующими братьями. Но что же нам делать? Замолчать ли, раз нас не хотят слушать? Заняться ли вместе с ними «общественной деятельностью», нехристианской по своей природе, так что все могут спокойно принять в ней участие? Это было бы отказом от нашего христианского долга. В чем сегодня самая острая нужда? В том же, в чем была всегда, со времен Спасителя. Состоит она не в «политической активности» или «социальной ответственности», а в покаянии, посте, молитве и проповеди истинного Царства.

Первая и единственная «социальная ответственность» христианина – христианская жизнь, где бы и с кем бы Господь ему ни привел жить, день за днем, ради спасения души и примера окружающим. Если тем самым мы поможем устранить какое-нибудь общественное зло – слава Богу, а нет – тоже не беда: не в том наша цель.

Если мы впадаем в отчаяние из-за того, что никак не удается обратить окружающих к Богу, то причина тому одна: недостаток веры. Будь у нас в жизни больше веры, меньше бы пришлось о ней толковать. ...В наши дни христианство снова становится «крестовым походом», а Сам Христос – «идеей» на службе либо у «научно-технического и социального прогресса», либо у «человека, одухотворенного новым религиозным сознанием». Коммунизм, по-видимому, близок к поворотному пункту, к некой «гуманизации» или «спиритуализации», чему свидетель Пастернак (в «Докторе Живаго»): он принимает революцию, только жалуется на ее «негуманность». «Свободный мир» идет в том же направлении, хоть и по другой дорожке. Повсюду «пророки» – с христианским уклоном, вроде Толстого и Бердяева, или с языческим, как Д. Лоуренс, Генри Миллер, Казандзакис, и несметные толпы оккультистов, астрологов, спиритистов и хилиастов – торжественно провозглашают зарю Новой Эры. Протестанты, а вслед за ними и римо-католики и православные, заражаются этой лихорадкой,

воображая свой собственный экуменический рай на земле, а кое-кто, набравшись наглости и богохульства, прямо возвещает «третью эпоху излияния Святого Духа» (Д. Лоуренс, Бердяев, Иоаким Флорийский).

Что ж, «эпоха всеобщего мира» и в самом деле может наступить для усталого, дрожащего от страха человечества, но что это будет за «мир»? Без полного, глубинного обращения людей к истинной вере невозможен мир Христов; мир же человеческий станет прелюдией к настоящей и главной всеобщей войне, войне Христа против Сатаны, войне христиан, взыскующих Царствия Божия, против всех тех, кто воздвигает земное царство, царство человека.

В ответ на статью Мертонa «Ядерная война и ответственность христиан» (Commonweal, vol. 75, Feb. 9, 1962)

...Говоря об Апокалипсисе (как, впрочем, и обо всем остальном), христианин обязан быть предельно трезвым, предельно точным и предельно внимательным к соборному учению Церкви. Если эти требования соблюдены, то я не вижу причин для различия между православной и латинской точками зрения. В самом деле, апокалиптические пророчества принадлежат в равной мере Востоку и Западу; свидетельства Святых Отцов, как греческих, так и латинских, по этому поводу вполне ясны, подробны, согласны друг с другом и подтверждены после раскола и православной, и латинской церквами, в особенности Фомой Аквинским. Недавно вышедшая книга Джозефа Пипера «В конце времен», основанная почти исключительно на западных источниках, насколько мне известно, ни в чем существенном не расходится с православным учением.

Тем большей неожиданностью было для меня прочесть у о. Д'Арси («Смысл и существо истории»), что «не все христианские авторы принимают столь буквальное восприятие» апокалиптических источников. Может быть, впрочем, так оно и есть; иными словами, как некогда евреи не узнали Христа из своих ветхозаветных пророчеств, так и христиане не различат знамений времени, говорящих об Антихристе и конце света. (Современные христиане настолько отделились от церковного

наследия, что уже воспринимают Антихриста не как живого человека, а как некоторый абстрактный «дух» – так же как многие современные евреи отказались от ожидания Мессии в пользу некой «мессианской эпохи».)

Но такая слепота современных христиан – это само по себе исполнение пророчества об отступлении от веры: согласно блаж. Иерониму, «падут самые знатные, как патриарх». Ведь Антихрист – это лжец, и мало кто сегодня способен распознать его ложь. Поэтому в любом «апокалиптическом» контексте надо обязательно принимать в расчет лживый дух Антихриста... Снова и снова Вы безоговорочно утверждаете: «Мы обязаны устранить войну. Мы обязаны установить всемирное правительство». А кому, собственно, мы обязаны? Печальный симптом апокалиптических времен: единственный практический выход из кризиса – «устранение войны» – оказывается чистой фантазией. Пусть кто-то видит здесь источник надежды на «новую эру» или «новый мир»; для трезвого взгляда это лишь еще один признак надвигающегося конца, тупика на всех земных путях.

...Всемирное правительство, под каким бы политическим соусом оно ни было подано, неизбежно станет царством Антихриста, и когда, поддавшись на его обман, многие отпадут от веры, Церковь, без сомнения, будет распята...

Когда христиане дают увлечь себя социальным идеализмом, они как будто заявляют во всеуслышание: «Современность, ты оказалась права. Небо где-то далеко, и вы даже слышать о нем не хотите. Так примите нас к себе; будем вместе строить что-нибудь попроще и получше, чем Христос и Его Царство: например, мир во всем мире, братство или справедливость». Как не услышать в этом «новом христианстве» знакомый голос Великого Инквизитора?

...На этом позвольте закончить. Буду Вам очень благодарен, если Вы ответите мне². Я старался быть совершенно искренним с Вами и надеюсь на такую же искренность с Вашей стороны: это единственная форма «экуменического диалога», на которую я способен...

Ваш во Христе, Юджин Роуз

Из книги «Небесный Удел»

Великий пост, изгнание наше

«На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянуты нам Сиона».

Эти слова великопостного псалма напоминают нам, православным христианам, Новому Израилю, о нашем изгнании. Для русских, исторгнутых со Святой Руси, псалом этот имеет особый смысл, но и для всех православных в равной мере земная жизнь есть изгнание, а Небо – желанное отечество.

Великий пост установлен для нас Матерью-Церковью как время изгнания, чтоб не ослабла наша память о Сионе, от которого мы уклонились так далеко. Мы заслужили это изгнание и по нашим безмерным грехам остро нуждаемся в нем. Только через скорби изгнания, о которых напоминают нам пост, молитва и покаяние нынешних дней, способны мы сохранить в себе образ Сиона.

«Аще забуду тебе, Иерусалиме»

Бессильные и беспамятные, мы даже в дни Великого поста живем так, словно Иерусалима у нас никогда и не было. Мы влюблены в наш мир, наш Вавилон; мы соблазнены обилием удовольствий «на земли чуждей» и пренебрегаем службами и поучениями Церкви, напоминающими нам об истинном отечестве. Хуже того, мы любим самих наших поработителей, ведь грехи держат нас крепче всякой стражи, и, служа им, мы праздно тратим драгоценные дни поста, когда следует готовиться ко встрече Зари Нового Иерусалима, Воскресения Господа нашего Иисуса Христа.

Еще есть время, нужно только вспомнить, где наш дом, и заплакать о наших грехах, за которые мы изгнаны оттуда. Подумаем над словами св. Иоанна Лествичника: «Изгнанничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом. Изгнанник есть любитель и делатель непрестанного плача». Изгнанные некогда из Рая, мы не можем иметь надежды на возвращение, не будучи прежде изгнаны из мира.

Этого можно достичь, проводя текущие дни в посте, в молитве, в удалении от мирских дел, в церковных службах, в слезах покаяния, в приготовлении к великому Празднику, завершающему нынешнюю пору изгнания, и свидетельствуя всем на этой «земли чуждей» о грядущем величайшем Празднике, когда Господь возвратит Свой народ в Новый вечный Иерусалим, из которого уже нет изгнания.

Март 1965 г.

«Много званых, а мало избранных»

Именно сейчас, когда радость о Воскресении Христовом так свежа у нас в сердце, полезно вспомнить эти слова, слышанные нами во время Великого поста. Званые Спасителем на нынешний праздник, будем ли мы избраны для Его вечного небесного праздника? Как скоро гложет голос неба в шуме наших праздников! Как легко растратить добрые плоды Великого поста, если в Пасху сделать перерыв от духовных усилий! Но если сегодня мы растеряем все приобретенное вчера, то дело наше плохо: кто духовно не совершенствуется, тот не просто стоит на месте, а неудержимо катится назад.

«Для чего, – спрашивает св. прав. Иоанн Кронштадтский, – Господь добавляет день за днем, год за годом к нашей жизни? Чтобы мы постепенно очищали, освобождали душу от зла и приобретали блаженную простоту». Это – дело всей жизни: в нем не может быть остановки. Пасха для православных – не только ежегодный праздник, не только событие неизменного годового цикла. С каждым годом мы ближе к смерти, ближе к решению нашей вечной участи. И если из года в год наш союз с Богом не становится все теснее, вера – крепче, а привязанность к миру – слабее, значит, мы плохо готовимся к этому шагу.

Если пасхальная пора не требует от нас такого напряжения сил, как предшествующие недели, не допускает она и полного расслабления, и пренебрежения уроками Великого поста. На суде с нас спросится не только, как мы постились (ведь и работников одиннадцатого часа Господь принимает с радостью), но и, наверное, в первую очередь как мы проводили праздники: в трезвости, в молитве, в наблюдении за собой, в ясном сознании, что Жених грядет в полночи, когда Его никто не ждет, – или в обжорстве, в бесчувствии, в подражании миру, в подчинении всякой страсти и всякому соблазну.

Давайте будем праздновать, но праздновать трезво, помня о том, в чем состоит наш праздник: в том, что Господь отворил нам двери Царства, где празднику нет конца. Давайте принимать земные радости, не привязываясь к ним душой, но

устремляясь от них в то Царство, куда мы призваны. «Подумать только, – говорит о. Иоанн, – чего мы лишаем себя своей добровольной близорукостью! Словно мухи, липнем мы к земным сладостям и не хотим подняться, не хотим оторваться от них. Благословен тот, кому чужды радости этого мира: конца не будет его блаженству».

Май 1963 г.

О смысле страданий

Среди множества духовных сокровищ, которыми мы обязаны св. апостолам Петру и Павлу, едва ли не самое важное – понимание смысла страданий. В те времена, точно так же, как и теперь, люди искали «благополучия» и «безопасности»; апостолы же были в постоянных опасностях и тревогах, страдали от голода и холода, их преследовали, бичевали, побивали камнями, держали в темницах и в конце концов убили. Но они не жаловались на судьбу, а только радовались: «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас» (Рим. 8:18). Они знали, что боль и страдание – необходимая часть духовной жизни человека. Переноса скорби, мы учимся терпению и надежде (Рим. 5:1–3); чем сильнее приходится страдать, тем более Христос утешает нас и тем более мы становимся способны утешать других (2Кор. 1:4–5). Даже несогласия и разделения среди верующих тоже необходимы, чтобы истинная вера могла обособиться от ложной (1Кор. 11:19).

Но самый, наверное, главный урок страданий – это сознание своей слабости: именно в страданиях мы вынуждены полностью полагаться на Божию силу взамен своей собственной. «Я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа: ибо, когда я немощен, тогда силен» (2Кор. 12:10). В наши дни мир стал сильнее и притягательнее, чем когда-либо прежде; везде и повсюду склоняет он христиан на легкую дорожку «благополучия» и «безопасности», подальше от страдания и боли, внушает им, что земная жизнь – это источник наслаждений, а вовсе не этап испытаний на пути к жизни вечной. Но от того, кто дерзает называть себя православным, Господь ожидает совсем иного. Потому-то, снисходя к нашим слабостям, Он и посылает нам огорчения, страдания, гонения и боль, чтобы мы не забывали о Нем и о Его вечном Царстве, чтобы мы очнулись ото сна, открыли глаза и увидели, где наш дом.

Давайте же сохраним в памяти пример св. апостолов и в особенности – ту горящую веру, которая провела их через все испытания; давайте прислушаемся к словам апостола Павла, который, вместе с нашими сегодняшними пастырями, зовет нас готовиться, в скорбях и страданиях, к Царству вечной славы и радости. Пускай мы слабы, но нет такого испытания, которое нам не под силу, если только наша сила – Христос. «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38–39).

Июль 1963 г.

О христианской любви

О чем еще столь же часто слышим мы от Самого Спасителя и Его апостолов? Любовь – основа христианской жизни. «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (Ин. 4:16). О любви – главная заповедь Господа, в ней же – отличительная черта Его после дователей: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:34–35).

В наши дни, когда над миром властвует дух Антихриста, тоже слышатся разговоры о любви. Многие из тех, кто называет себя христианами, рука об руку с безбожниками и коммунистами создают «новую эпоху братской любви и мира». Но эта любовь – обман, фальшивка, карикатура на подлинную христианскую любовь. «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? нет, говорю вам, но разделение» (Лк. 12:51).

Удел христианина в этой жизни – непрерывная борьба, сопротивление миру и его соблазнам, и даже любовь, если это не любовь во Христе, может оказаться одним из соблазнов. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10:37).

Мир не принимает христианскую любовь прежде всего потому, что ее плоды – не в этой жизни, а в грядущей. Проповедники всемирного «братства» и всеобщей «любви» либо вовсе не верят в грядущую жизнь, либо видят ее в расплывчатом отдалении. Но православному не надо объяснять, что подлинный смысл любви – в вечности: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16).

Мирская любовь – это снисхождение к слабой, смертной человеческой природе, забота о хорошей жизни, пока она еще не кончилась: такая любовь бессильна перед лицом смерти и со смертью же гибнет. А христианская любовь видит в человеке

образ Божий и ищет для него совершенства и вечной жизни; ее начало не на земле, а на небе, и цель ее – небесное бессмертие. Господь предупредил нас: «Будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Мф. 10:22). Случается, в трудную минуту нас искушают сомнения, страх и даже ответная ненависть, но христианская любовь, не подвластная смерти, в силах превозмочь все эти искушения. Мы получили от Господа заповедь: «Любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благо творите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44). Она опровергает, опрокидывает земные мерки и открывает дорогу к небу, к вечному торжеству любви.

Сентябрь 1963 г.

Не от мира сего

Часто говорят, что Православие – «не от мира сего». Так оно в самом деле и есть, и в этом его сила. Но даже сами православные не всегда помнят об этом, не всегда отдают себе отчет, что это значит.

Это значит, предмет нашей веры и руководящая сила всей нашей жизни – в невидимой реальности: «Мы ходим верою, а не видением» (2Кор. 5:7). Это значит, всю свою жизнь, день за днем, мы ведем борьбу, невидимую брань «не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). Это значит, мир понятия не имеет, куда обращены наши молитвы, даже не признает реальности тех, от кого мы непрестанно получаем помощь в нашей борьбе: ни Самого Бога в трех Лицах, ни Пресвятой Богородицы, ни ангелов, ни святых. Это значит, мы живем по закону не только чуждому, но и прямо противоположному законам мира; мы не видим смысла нашей жизни в успехе, довольстве и счастье, но – будь на то Божия воля – благодарно принимаем страдания, боль, унижения и горе; Мы не ищем себе оправданий в естественных человеческих пристрастиях, а, напротив, опираясь на помощь и учение Церкви, распинаем их, помня сказанное: «Если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим. 8:13). Это значит, мы не собираем себе богатств на этой тленной земле, но всегда помним о назначении нашей нетленной составляющей – нашей души; мы стремимся построить свою жизнь так, чтобы избежать страшного адского пламени, ожидающего тех, кто отвергает Бога или пренебрегает Его служением, всеми силами стремимся быть среди тех, о ком будет сказано: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25:34). Январь 1964 г.

Православная икона

В первое воскресенье Великого поста мы отмечаем праздник Торжества Православия. Праздник этот был установлен в честь победы над иконоборчеством и возврата к почитанию святых икон; и до сих пор среди анафем, которые читаются в соборах в этот день, есть анафема «отметающим и хулящим святые иконы». Значит, Церковь ставит почитание образов вровень с основами христианской веры; вспомним, какую огромную роль играют иконы в жизни верующих, и мы убедимся в том же самом.

Чем же так важны для нас иконы? Одна из причин – в глубокой потребности самой человеческой души. Прав. Иоанн Кронштадтский пишет: «Образы необходимы нам по природе. Может ли наша природа обойтись без образа? Можем ли мы вспомнить кого-либо, не представив, не вообразив его так или иначе? Разве не Сам Господь дал нам эту способность к представлению и воображению?»

Но есть и другая, еще более глубинная причина для почитания икон. О ней свидетельствует кондак празднику: «Неописанное (неограниченное) Слово Отчее из тебе, Богородице, воплощаем, описася (ограничися), и осквернившийся образ в древнее вообразив, Божественною добротою смеси (преобразив в первоначальный вид, дополнил Божественною красотою)». Именно потому, что Бог принял человеческую природу и восстановил ее первоначальное подобие Самому Себе, нам надлежит почитать образы Спасителя, Его Пречистой Матери и всех святых, в ком мы тоже видим восстановленный Божественный образ.

Иконопись, следовательно, недаром называют священным искусством, если в ее основе лежат столь высокие принципы. Но увы, даже православные сплошь и рядом применяют к ней земные стандарты. Приходится слышать, что иконы традиционного письма выглядят «нереалистически» и «неестественно». Но ведь и святые тоже «неестественны», если судить по стандартам этого мира, – так же, впрочем, как и все

христианство в целом. Для иконописи нужны другие, духовные мерки. «Реалистические» изображения святых говорят только об их земном, поверхностном облике, а этого недостаточно. Иконопись традиционной школы, которая до сих пор еще жива в православных центрах, как, например, Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, открывает их подлинный, духовный облик, как бы предвидение Небесного Царства, обращаясь не столько к чувствам зрителя, сколько к его духу.

По этой самой причине обычные художники не способны писать настоящих икон. Иконописец трудится с постом и молитвой, внимательно наблюдая за смиренным состоянием своей души, и в том же состоянии должна находиться душа верующего зрителя. На икону нельзя смотреть как на произведение искусства: ее смысл – помочь нашей молитве, поднять разум и сердце от земли к небесам. Святые Отцы Седьмого Вселенского собора, восстановившего почитание икон, учат, что «чем чаще чрез изображение на иконах они (святые) бывают видимы, тем более взирающие на оные побуждаются вспоминать о самых первообразах и любить их».

Набирая скорость по магистрали бесчисленных захватывающих новшеств, неудержимо катится мир к своему последнему обрыву. А православная икона – все та же, что и прежде, неизменная и надежная веха на узком спасительном пути, установленная для нас вместе с другими вехами святой Православной Церковью. Постоянство иконописной традиции и православного учения об иконах подтверждают слышанные нами сегодня торжественные слова: «Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди».

Март 1964 г.

Молитва благоразумного разбойника

Праздников праздник, день Светлого Христова Воскресения, – сам по себе уже небо на земле для каждого православного христианина. Первенец из воскресших, Христос отворил для нас двери к вечной жизни, и все те, кто подготовил себя к великому празднику, как того требует Бог и учит святая Церковь, все они уже сегодня увидели ее отблеск. Сегодня здесь, как и там, все – радость, слава и свет.

Дорога к празднику длинна и трудна. Но Господь по своей милости к нам не отвергает и тех, кто вышел на нее не в самом начале. Работники шестого, девятого и даже одиннадцатого часа, как говорит св. Иоанн Златоуст, столь же желанные гости, как и те, кто трудился и постился начиная от первого часа.

Действительно, в службах Страстной недели, как и при каждом совершении святой Евхаристии, Церковь вспоминает того, кто обратился к Богу лишь в самый последний миг. Это был благоразумный разбойник, распятый на кресте подле Спасителя, чьи предсмертные слова стали молитвою каждой православной души: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»

И не даром. Сознаем мы то или нет, все мы находимся в его положении. Как и он, мы осуждены на смерть своими собственными грехами; как и ему, нам не на что надеяться в этой жизни; как и его, нас ждут только страдания и жалкая смерть, если наша надежда не идет дальше.

Но если мы, как и он, в своем страдании и ничтожестве все же обратимся к Богу, Который принял на Себя всю слабость нашей человеческой природы, даже до мучительной и позорной смерти, и поверим Ему, что Он в силах сдержать Свое слово, – тогда осуждение наше отменено, наши грехи прощены, наше недостойнство не имеет больше значения и наша боль, печаль и смерть поглощены победным торжеством радости и вечной жизни.

Такая вера утверждается в ослепительных службах нынешних дней; такая вера поднимает нас над землей и

приоткрывает облик грядущего. И мы начинаем понимать, хотя бы отчасти, что именно обещал Спаситель разбойнику в ответ на его молитву, и ни одно слово Писания не дарит нам больше надежды и силы, чем эти: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Апрель 1964 г.

Архимандрит Севастиан Дабович и проповедь Православия в Америке

30 ноября (1965) исполнилось 25 лет со дня кончины архимандрита Севастиана Дабовича. Его имя занимает выдающееся место в истории Православия на американской земле.

Вероятно, далеко не все знают, как начиналась православная проповедь в Америке в XVIII–XIX вв. От преп. Германа и первых миссионеров на Аляске, от свт. Иннокентия (Вениаминова), будущего митрополита Московского, вплоть до первого православного епископа в Сан-Франциско в конце прошлого века, многое было сделано для того, чтобы открыть жителям Америки сокровище святого Православия.

Одним из тех, кто упорно – и успешно – трудился ради этой цели, был архимандрит Севастиан. Он родился в 1863 г. в Сан-Франциско в сербской семье и стал первым православным священником и монахом из урожденных американцев. Свободно владея русским, сербским и английским, он проповедовал Слово Божие на всех трех языках. Он был основателем и вдохновителем многих сербских приходов в Америке, и сербы хранят благодарную память о нем. Опубликован целый ряд его проповедей и лекций на английском языке, вместе со статьями, переводами и изложениями основ православной веры, В качестве эпиграфа он выбрал слова апостола Павла: «Говорить правду с любовью» (Еф. 4:15). Всегда доброжелательный в общении с неправославными, он смотрел на них без осуждения, однако говорил им правду, не допуская никаких компромиссов. Осуждал же он всякий либерализм и религиозное безразличие как «постыдное предательство» истины, происходящее от равнодушия и безверия.

Современным православным миссионерам есть чему поучиться у о. Севастиана. Сама природа Православия требует от нас неустанной проповеди; но как велико искушение либо вовсе забыть о ней, либо подменить ее жалким, бессильным «экуменизмом», скрывающим от людей правду: вдруг она кому-

нибудь да не понравится? Это путь отступления от веры. Православие – это истинное христианство, единая и единственная святая Христова Церковь; раз так, то мы обязаны свидетельствовать о нем без упущений и искажений. Свидетельство наше должно быть с любовью к слушающим, но прежде всего – с любовью к истине.

Декабрь 1965 г.

Плачущие иконы Пресвятой Богородицы

Разнообразны пути, по которым доходит до людей любовь и милость Пресвятой Девы Богородицы. Но один из них отличают особенно удивительные черты: с одной стороны – самая неопровержимая физическая реальность, а с другой – самое непосредственное воздействие на сердца людей. Речь идет о ее плачущих иконах. Слезы, точное подобие человеческих слез в масштабе иконы, появляются в уголках глаз и скатываются вниз, иногда – редкими капельками, иногда – сплошными потоками, орошая весь образ.

Хотя в Америку Православие пришло позже, чем к другим народам, но и у нас тоже произошло такое чудо. Весной 1960 г. три плачущие иконы, одна за другой, открылись в греческих семьях на Лонг-Айленде, около Нью-Йорка. Они привлекли к себе значительное внимание, как со стороны православных, так и окружающего мира. Вероятно, не все знают, что плачущие иконы издавна были известны в Церкви. Сведения о плачущих иконах Богородицы в России сохранились с XII в. Приведем для примера свидетельство полуторавековой давности, с комментарием современника.

1 февраля 1854 г. после литургии в церкви при Духовной семинарии в Сокольском монастыре в Румынии на одной из икон Богородицы были замечены слезы. Среди свидетелей этого чудесного события был ректор семинарии епископ Филарет (Скрябин). Он вынул икону из киота, внимательно осмотрел ее, тканью отер следы слез и поместил икону обратно в киот. После этого он распорядился всем выйти из церкви и запер двери снаружи. Когда спустя несколько часов ректор вместе с преподавателями и студентами возвратились в церковь к вечерне, они снова увидели такие же поразительные потоки слез из глаз Богоматери. Ректор немедленно отслужил перед иконою молебен с акафистом. Скоро слава о чуде разошлась по всей Румынии, и народ стал стекаться в монастырь для поклонения иконе. Узнали о ней и в России. Слезы появлялись то ежедневно, то через два, три или четыре дня, так что многим

пришлось видеть даже само чудо истечения слез, а не только следы от них на иконе. От австрийских оккупационных войск (тогда шла Крымская война) для расследования слухов о чуде был командирован полковник, обнаруживший, к своему изумлению, что из глаз иконы в самом деле текут слезы.

Тридцать пять лет спустя один из свидетелей этого чуда, епископ Мельхисидек Романский, делился своими многолетними размышлениями о том, что значили слезы Пресвятой Богородицы. Он пришел к выводу, что плачущие иконы, известные с древнейших времен, всегда были предвестницами суровых испытаний для Христовой Церкви и для всей страны. Так оно оказалось и в данном случае: в ходе Крымской войны Молдавское княжество было захвачено австрийцами и испытало много страданий. Особенно горькая участь постигла Сокольский монастырь, некогда бывший одним из важнейших центров Православия и духовной культуры в Румынии: монастырь был разорен, семинарию перенесли в другое место, монахи разошлись кто куда.

Мы еще не способны вполне определить, каков смысл открывшихся у нас плачущих икон: одна из них продолжает источать слезы вот уже пять лет подряд. Но этими слезами Богородица ясно взывает к сердцу каждого верующего, ожидая от нас покаяния, изменения нашей жизни, возврата к полноте православной веры и традиции³.

Ноябрь 1966 г.

Царь-мученик

«Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник...» (2Сол. 2:7–8)

Кто или что удерживает воцарение в мире Антихриста, беззаконника и анархиста, последнего и величайшего из всех врагов Христа и Его Церкви? Согласно учению Святых Отцов, в том числе Иоанна Златоуста, это законная власть, носителем и воплощением которой в те времена была Римская империя. Такое понимание власти реализовалось в христианской империи: сначала – в Восточно-римской, когда Константинополь был Новым (Вторым) Римом, а затем – в православной Российской империи, столица которой получила название Третьего Рима. В 1917 г. настал конец «Константиновской эпохе»: православная империя была уничтожена и весь мир, вслед за Москвою, скатился в пучину беззакония и безбожия (а применительно к церковной жизни – вероотступничества), невиданную в истории человечества.

Последним олицетворением этого идеала законной христианской власти был царь Николай Второй; неудивительно, что эпоха беззакония открылась с его убийством. Но православный христианин у истоков нынешней эпохи видит не только монарха, но и страстотерпца, до конца верного Христу, Церкви и своему высокому служению.

4(17) июля 1968 г. мы отмечали пятидесятиую годовщину мученической смерти императора и всей его семьи от рук безбожной большевицкой власти в екатеринбургском подвале. В связи с этим событием Собор Епископов Русской Зарубежной Церкви принял важное решение, изложенное в следующем Послании:

...Многострадальный Иов, в день памяти которого Государь родился, сказал, тяжело страдая, о ночи своего зачатия, как написано в книге его: «Ночь та, – да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года» (Иов. 3:6).

Ужасна была ночь убиения нашего Государя.

Но древние христиане глубокообразно называли дни памяти мучеников днями рождения. И светится в сознании нашем ночь убиения нашего Государя как рождение на Русском небе Царя-мученика.

Один архипастырь, глубоко переживший мрачный Ужас нашего безвременья, воскликнул: «Русский народ, где могила твоего царя?» И мы застыли как бы над всемирной пропастью, поглотившей последние следы Государя... Где-то на Урале вошли в землю пылинки от того, что с телом и одеждой рубили, обливали кислотой и сжигали палачи и слуги палачей... Священные пылинки, уже почти не материальные, а материально духовные. «И не было пощады...»

И не только пощады не было, но не было и отпевания. Не читалась разрешительная молитва Церкви над тем, перед кем уже полстолетия мы чувствуем вину нашего народа, всего в целом.

Склоняясь покаянно перед этими «жертвами одушевленными, всесождениями словесными, Бога знающими и Богом знаемыми» (Октоих, гл. 4, в среду веч.), перед Царем-мучеником и с ним убиенными, Собор Епископов Русской Православной Церкви за границей, в сознании своего архипастырского долга, определяет совершить отпевание Царственных мучеников и всех от безбожной власти убиенных православных христиан, лишенных церковного отпевания.

Этим великим днем отпевания Царя-мученика и всех с ним поминаемых, лишенных до сего дня церковного отпевания, будет день 4(17) июля 1968 г., 50-я годовщина злодеяния.

Позже все будут подробно оповещены об этом отпевании.

И да затеплятся перед Богом, как свечи, сердца всех верующих русских людей в единодушной покаянной молитве за всех страстотерпцев. Аминь».

Эта зауспокойная служба, совершенная, согласно решению, вечером 4(17) июля 1968 г. во всех соборах Русской Зарубежной Церкви, стала большим событием для русских верующих, полвека хранивших глубокую любовь к своему Царю-мученику, ставшему жертвой за них и за их грехи. Это подтверждается

удивительным видением митрополита Московского Макария, одного из самых уважаемых русских архиереев, в 1917 году:

«Вижу я поле. По тропинке идет Спаситель. Я за Ним и все время твержу: «Господи, иду за Тобой!» А Он, оборачиваясь ко мне, все отвечает: «Иди за Мной!» Наконец подошли мы к громадной арке, разукрашенной цветами. На пороге арки Спаситель обернулся ко мне и вновь сказал: «Иди за Мной!» И вошел в чудный сад, а я остался на пороге и проснулся.

Заснувши вскоре, я вижу себя стоящим в той же арке, а за нею со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель говорит Государю:

– Видишь, в Моих руках две чаши: вот эта, горькая, для твоего народа, а другая, сладкая, для тебя.

Государь падает на колени и долго молит Господа дать ему выпить горькую чашу вместо его народа. Господь долго не соглашался, а Государь все неотступно молил. Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскаленный уголь и положил его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух. На этом я опять проснулся.

Заснув вторично, я вижу громадное поле, покрытое Цветами. Стоит среди поля Государь, окруженный множеством народа, и своими руками раздает ему манну. Незримый голос в это время говорит:

– Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен».

Николай Второй был и остается царем в первую очередь Для своего русского народа. Но и по всему миру верующие видят в нем и православного монарха, который удерживал Антихристово царство, и особенно православного мученика. Примечательно, что вопрос о его церковном прославлении, до сих пор (1968 г.) еще не совершенном из-за церковных неурядиц и порабощения России безбожниками, впервые возник не в русском, а в сербском народе.

Сербы всем сердцем любили русского царя. 30 марта 1930 г. газеты опубликовали телеграмму от жителей сербского города

Лесковац: они просили Синод Сербской Православной Церкви причислить к лику святых Российского Императора Николая Второго, который прославился не только своим чистым сердцем и просвещенным разумом в управлении страной, но и мученической смертью за свой народ.

Еще в 1925 г. в сербской печати появилось сообщение об одной пожилой женщине, у которой на войне погибли два сына, а третий пропал без вести и тоже считался убитым. Однажды, после горячей молитвы обо всех погибших на войне, она увидела во сне императора Николая: он сказал, что ее сын жив и находится в России, где он сражался вместе со своими погибшими братьями. «Ты не умрешь, – сказал он ей, – пока не встретишься с сыном». Тотчас после этого она узнала, что он действительно жив, и вскоре уже обнимала своего сына, возвратившегося из России.

11 августа 1927 г. белградские газеты напечатали следующее сообщение под заголовком «Изображение Императора Николая Второго в Орхидском монастыре св. Наума»:

«Русского художника С.Ф. Колесникова пригласили расписывать новую церковь в древнем сербском монастыре св. Наума и предоставили ему выбор сюжетов росписи стен и купола. Художник задумал написать лики пятнадцати святых в овальных медальонах; четырнадцать из них были немедленно им написаны, но пятнадцатый медальон долгое время оставался пустым: какое-то необъяснимое чувство удерживало Колесникова от завершения работы. Однажды в сумерках он вошел в церковь. Было темно, и лишь высоко вверху лучи заходящего солнца прорезали купол. Все крутом, по словам художника, казалось необычным и неземным, поглощенным восхитительной игрой света и теней. В этот момент недописанный медальон словно ожил, и там показалось полное скорби лицо царя.

Художник застыл на месте и долго стоял, пораженный видением. Затем, движимый молитвенным импульсом, он поднялся на приставную лестницу и без предварительной прорисовки углем, прямо красками сделал набросок чудесно

возникшего образа. Всю ночь он не мог заснуть и с первыми лучами солнца был уже в церкви, на подмостях под куполом, работая с таким рвением, какого не знал за собою прежде. «Я писал его без фотографии, – говорит Колесников, – мне приходилось говорить с царем несколько раз на художественных выставках, и его лицо запечатлелось у меня в памяти».

Мученический подвиг императора и его семьи продолжает вдохновлять верующих. Но это лишь одна сторона его образа в Православной Церкви. Его христианская жизнь и личное благочестие, его усилия и государственные меры к поддержке истинного православного возрождения в России – все это ставит последнего русского царя в ряд великих и благоверных носителей самодержавной православной власти, с крушением которой – как мы сами можем засвидетельствовать – в мире действительно наступило царство беззакония.

Мы обязаны рассказать людям о Николае Втором – Православном Царе, в особенности на английском языке.

Пустыня

Страницы из дневника

17(30) августа 1966 г.

Следующим этапом на пути нашего братства должен стать скит. Землю для скита нужно приобрести где-нибудь вблизи океана, в Северной Калифорнии... здесь умеренный климат, и, кроме того, Тихоокеанское побережье видело первых русских поселенцев, миссионеров и самого преп. Германа Аляскинского.

С самого начала мы будем придерживаться следующих двух принципов: независимости и неприхотливости.

1) Независимость

Нужно жить по возможности плодами собственного труда и помнить при этом, что в недалеком будущем, вероятно, придется жить исключительно ими и ничем более. Поэтому надо устранить все лишние связи с внешним миром, кроме дороги, – да и ту хорошо бы сделать подлиннее. Ни городского водоснабжения, ни городской канализации, ни электроснабжения (понадобится собственный генератор), ни телефона – безусловно... Причем это вовсе не фантазии об уединении, а суровая реальность, в противном случае мы подвергнемся серьезной опасности. 2) Неприхотливость

Нужно иметь как можно меньше удобств, опять-таки не из абстрактных соображений, а чтобы выработать в себе независимость, приблизиться к природе – Божьему творению и вместо техники полагаться на Бога. Именно мы должны обходиться:

- без горячей воды,
- без отопительных устройств (кроме печки или камина),
- без холодильника,
- без водопровода (кроме как, быть может, для полива),
- без электрического освещения (кроме типографии),
- без сельскохозяйственных машин (вряд ли об этом пойдет речь, пока мы не вырастем).

Очень важно ни в чем не уклоняться в крайности. Если что-то причиняет особенное неудобство или трудность, надо

разобраться и найти лучшее решение... Господь даст нам знать, увлеклись ли мы фантазиями или идем по верному пути. Как сказал владыка Иоанн (Максимович), благословляя наше братство, «если дело пойдет, значит, Бог его благословляет».

20 августа (2 сентября) 1966 г.

Хозяйственные вопросы, связанные с созданием скита, решить сравнительно несложно: вдвоем-втроем, с терпением и молитвой, все может быть сделано. Но вот в чем настоящая трудность – это в духовном руководстве, в направлении духовной жизни.

Время старцев прошло, да и подходящего игумена найти будет непросто. Но владыка Иоанн знал, что мы делаем, он благословил наше братство, и если бы была на то Божья воля, он бы назначил для нас игумена и вопрос был бы решен.

Если же мы не найдем игумена, дело наше сильно осложнится.

3(16) ноября 1966 г.

С Божией помощью, через полгода у нас будет земля. Идея создания скита близка к реализации, и на первый план выходят практические вопросы.

Из них самый, наверное, важный – это дисциплина и организация повседневной жизни (то есть устав). Один из братьев, с согласия остальных, должен будет назначать им послушания, чтобы необходимая работа выполнялась вовремя и нагрузка распределялась поровну. Самое главное: каждый час в течение дня должен иметь свое назначение. Подъем, службы, еда, работа в типографии, работа по хозяйству, дорога, отдых, сон – всему свое время...

Прежде чем все у нас наладится, неизбежны сложности. Не надо этого бояться; наша решительность, самоотверженность и доверие друг к другу будут залогом успеха.

Сегодня у нас в типографии господствует безделье, празднословие и разгильдяйство. Это неизбежно: таков уж наш мир. Но, уходя прочь из этого мира, в пустыню – пускай покамест лишь на выходные дни, – надо уже следовать новым правилам. Например, слушать душеполезное чтение во время еды и по возможности избегать разговоров (кроме как, быть

может, получаса в вечернее время). И вставать с восходом или затемно.

Живая связь со святыми отцами

Архиепископ Аполлинарий, исповедник Православия в Америке (1874–1933)

(The Orthodox Word, М 30, 1970)

Архиепископ Аполлинарий, в миру Андрей Васильевич Кошевой, родился в Полтавской губернии 16 октября 1874 г. Окончив Полтавскую Духовную семинарию, он некоторое время работал сельским учителем. Затем он поступил на миссионерские курсы при Казанской Духовной академии и в 1900 г. был пострижен в монашество ректором Академии, епископом, впоследствии митрополитом, Антонием (Храповицким). По окончании курсов он преподает в семинарии и в 1905 г. оканчивает Киевскую Духовную академию, где ректором тогда был епископ, впоследствии митрополит, Платон (Рождественский). Несмотря на свои выдающиеся успехи в Академии, о. Аполлинарий получает скромную должность преподавателя греческого языка в школе при Житомирской семинарии. Затем его переводят преподавателем в Киевскую семинарию и назначают инспектором; в этой должности он трудился в течение семи лет.

22 октября 1917 г. состоялась его хиротония в епископа Рыльского, викария Киевской епархии. В ней приняли участие митрополит Платон и епископ Никодим Белгородский, позже принявший мученическую смерть от рук коммунистов. 11 июня 1919 г. Святейший Патриарх Тихон назначает владыку Аполлинария на Белгородскую кафедру. Вскоре, по распоряжению Высшего Церковного Управления, он едет по церковным делам в Новороссийск, откуда ему уже не суждено было вернуться в захваченный Красной армией Белгород. Вместе с другими епископами он эвакуировался в Сербию, где провел два года и три месяца.

12 апреля 1922 г. указом Высшего Церковного Управления владыка Аполлинарий назначается в Иерусалим, где ему предстояло привести в порядок расстроенные войной дела Русской Духовной Миссии. После выполнении этой задачи Синод назначает его в Северную Америку викарием

митрополита Платона, который желал видеть подле себя своего бывшего студента и опереться на него в управлении своей новой епархией. Владыка Аполлинарий прибыл в США 2 апреля 1924 г., как раз вовремя, чтобы присутствовать (в качестве почетного гостя) на заключительном заседании печально знаменитого Детройтского собора.

Здесь следует остановиться и вкратце описать некоторые стороны зарубежной церковной жизни, особенно деятельности митрополита Платона, с которыми пришлось столкнуться владыке Аполлинарию и которые во многом определили курс его архипастырского служения. Сам по себе будучи ярким явлением, тем ярче просиял он на темном фоне того времени.

* * *

Двадцатые годы были трагическим периодом для мирового Православия не только из-за страшной русской революции и крестных страданий Русской Церкви и ее верных детей, но и еще в большей мере из-за предательства части православного священноначалия, как в России, так и за ее пределами, вызванного этой вспышкой первобытного сатанизма.

Измена Православию в России прежде всего связана с так называемой Живой Церковью, опиравшейся на поддержку советской власти, которая ставила своей целью заменить Православие некой смесью из коммунизма и протестантизма. После того как большинство верующих отвергли эту грубую попытку обмана, власти стали использовать митрополита Сергия, который проповедовал коммунизм, сохраняя внешнюю сторону Православия. Это оказалось настолько успешным, что при его преемнике Московская Патриархия была признана почти всеми Православными Церквями. В условиях, когда сердце мирового Православия оказалось поражено, когда русский Царь – защитник православных, «удерживающий» силы Антихриста, был низложен и убит и Церковь лишилась возможности отстаивать истинное Православие, тогда силы измены и богоотступничества нанесли открытый удар по Православию во всех странах мира.

Во главе этого движения стал Вселенский Патриархат, особенно при недоброй памяти Патриархе Мелетии (Ме-

таксакисе): он признал Живую Церковь в России и стремился протолкнутьлюбое антиправославное нововведение. Верующих Греции, Румынии и других стран силой оружия принуждали принимать папский церковный календарь (за исключением Пасхалии). Русские тоже частично попали под это незаконное влияние, и в 1927 г. единство Русской Зарубежной Церкви было нарушено расколом митрополита Евлогия в Западной Европе и митрополита Платона в Северной Америке-До революции митрополит Платон был одним из самых авторитетных российских церковных деятелей. Вместе с митрополитом Антонием (Храповицким), архиепископом Феофаном Полтавским и другими он стоял у истоков Русской Зарубежной Церкви, созданной в соответствии с указом Патриарха Тихона от 7(20) ноября 1920 г., который предписывал всем епископам, отрезанным от центральной церковной власти в Москве, войти в общение друг с другом и образовать Высшее Церковное Управление, во главе которого надлежало стать старшему из епископов. Когда большевики полностью захватили Россию, это новое Церковное Управление объединило всех епископов за пределами России; они согласились оставаться в подчинении своему Архиерейскому Синоду до тех пор, пока невозможна нормальная свободная связь с церковной властью в Москве. Из-за коммунистического засилья даже те епископы, что ушли в раскол, вплоть до сегодняшнего дня не имеют общения с Московской Патриархией, как не имеют его многие верующие и в самой России (Катакомбная Церковь).

Митрополит Платон участвовал в работе Высшего Церковного Управления за границей начиная с самого его образования в 1920 г. Решением этого Управления от 16(29) ноября 1920 г. он был назначен главой русской миссии в Афинах, а 29 декабря (11 января 1921 г.) получил по собственной просьбе четырехмесячный отпуск для поездки в США. Он отправился в Америку в апреле 1921 г., имея целью, помимо прочего, исправление неурядиц, вкравшихся в тамошнюю церковную жизнь со времени революции в России. Некоторые, в частности и сам Патриарх Тихон, Живая свячь со Святым») Отцами

сомневались в беспристрастности митрополита Платона, поскольку ранее (в 1907–1914 гг.) он возглавлял СевероАмериканскую епархию. Тем не менее в 1922 г. Патриарх Тихон рекомендовал Зарубежному Архиерейскому Синоду назначить митрополита Платона на Северо-Американскую кафедру, что и было сделано решением Синода от 22 августа (5 сентября) 1922 г. Назначение это, однако, было временным.

30 сентября 1923 г. митрополит Платон сообщил, что получил указ Патриарха Тихона о своем постоянном назначении на Северо-Американскую кафедру. Архиерейский Синод принял это с его слов, не имея в своем распоряжении письма Патриарха; однако позже, в 1925 г., во время судебного процесса против обновленческого лжемитрополита Ивана Кедровского Верховный суд штата Нью-Йорк признал это письмо подделкой. Бесспорным указом Патриарха Тихона от 16 января 1924 г. митрополит Платон был освобожден от своих обязанностей и отозван в Москву.

К этому времени возникли серьезные опасения, что Патриарх Тихон не обладает более свободой принятия решений, в особенности по отношению к Зарубежной Церкви. В этих условиях митрополиту Платону естественно было бы обратиться к свободному Архиерейскому Синоду, ведущим членом которого был он сам. Однако он избрал Другой путь: собрал съезд духовенства и мирян, чтобы провозгласить полную независимость Русской Церкви в Америке – как от Московской Патриархии, так и от Зарубежного Синода. Это произошло в Детройте 4 апреля 1924 г.

Однако же сам митрополит Платон продолжал участвовать в работе Архиерейского Синода в Сербии и вообще держался таким образом, словно никакого Собора в Детройте не было – точно так же, как Детройтский собор Америка)!)ский просветитель русского народа

игнорировал существование Зарубежного Синода. Причина такого поведения скоро выяснилась: митрополит Платон нуждался в каноническом авторитете Синода прежде всего для поддержки своих судебных тяжб против других церковных фракций. Но такой обман не мог продолжаться до

бесконечности. В 1926 г. на Соборе епископов в Сербии от митрополита Платона потребовали отчет в его действиях. Предвидя это, он перед Собором заехал в Париж, где искал помощи у митрополита Евлогия (как тот сообщает в своих воспоминаниях) «на случай, если ему придется защищать свои права против покушений Синода». Так сошлись вместе пути двух митрополитов. У митрополита Евлогия были свои причины опасаться надзора над своей епархией со стороны церковной власти: его вновь созданный (при поддержке масонской организации YMCA) Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже превращался в центр обновленчества.

Согласно протоколу от 14(26) июня 1926 г., митрополит Платон обратился к Архиерейскому Собору: «В отношении съезда духовенства и мирян в Детройте митрополит Платон утверждает, что допустил его как клапан для выхода автокефалических газов, угрожавших спокойствию и целостности Русской Церкви в Америке. Если он и утвердил решения этого съезда, то лишь ввиду увязанных обстоятельств; в то же самое время он принял меры, чтобы аннулировать их на практике... Со своей стороны он настойчиво свидетельствует, что остается убежденным противником автокефалии Американской Церкви и подтверждает свое полное каноническое подчинение Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Петру, Собору находящихся за границей архиереев Русской Православной Церкви и избранному им Синоду. Ввиду всего сказанного, митрополит Платон просит всех участников Архиерейского Собора поставить свои подписи под грамотой, составленной его адвокатом и адресованной ко всем Патриархам и к Русской Церкви в Америке, подтверждающей его права и полномочия на управление Православной Церковью в Америке, поскольку такая грамота необходима ему для судебного дела против американского представителя Живой Церкви бывшего священника Кедровского».

Таким образом, митрополит Платон подтвердил свою верность Русской Православной Церкви за границей, признав за ней – вплоть до восстановления нормальной церковной жизни в

России – каноническое основание Православия в Америке. Однако когда его попросили подписать протокол со своим собственным докладом, он отказался это сделать. Также отказался от подписи и митрополит Ев-логий, признавший ранее истинность протокола, вслед за тем оба митрополита демонстративно покинули Собор.

Остальные архиереи оказались перед неизбежным выводом: их высокочтимый собрат-митрополит, один из основателей Зарубежной Церкви, обманул их доверие, используя Архиерейский Собор как средство для достижения собственных интересов в Америке. Тем не менее Собор проголосовал за то, чтобы дать митрополиту Платону и его викарным епископам четыре месяца на осуждение противоканонической Детройтской «автокефалии» и подтверждение своей верности Архиерейскому собору и Синоду Зарубежной Церкви. В ответ на это четверо из пяти викариев подписали длинное, грубое по форме послание, отрицая власть Собора и Синода, отказываясь признавать всякое каноническое значение «так называемого» Собора и Синода «епископов-эмигрантов» в Сербии, которым они ставили в пример самих себя, «не покинувших своих кафедр, несмотря ни на какие трудности» в комфортабельной Америке! О событиях этого критического периода, который завершился раскольническим отделением Американской Митрополии, яснее всего свидетельствует частное письмо архиепископа Аполлинария от 12(25) февраля 1927 г.:

«Митрополит Платон устно заверил Архиерейский Собор, что он признает его каноническим и законным, что он подчиняется Собору как законной административной власти и, наконец, что он ни в коем случае не желает введения автокефалии в Американской епархии, как то было постановлено Детройтским собором 1924 года. Но когда ему предложили поставить свою подпись под этими словами, он отказался. Тут участники Собора смогли убедиться собственными глазами, что все его устные излияния, занесенные в официальный протокол, были ложью и надувательством». По поводу решения Собора дать

митрополиту Платону и его викариям четыре месяца для уяснения их позиции сказано следующее: «Мы, викарные епископы, ответили на вопросы Собора. Архиепископ Евфимий Бруклинский (сириец), епископы Феофил Чикагский, Арсений Виннипегский и Амфилохий Аляскинский отправили коллективный ответ, грубый по форме и наглый по содержанию, смешанный с ложью, – так что Синод, выслушав этот «ответ», выразил сомнение, что православные епископы вообще могли подписать подобную бумагу. Я ответил совсем в ином духе...

Синод дал митрополиту Платону и нам, викариям, для ответа четырехмесячный срок, который истекал в конце декабря или в начале января. В связи с этим митрополит вызвал нас в Нью-Йорк на свой собор епископов Американской епархии. Присутствовали все: пятеро викариев и шестой сам митрополит. 18(31) января мы заслушали «послание» или «воззвание» к американской пастве, составленное самим митрополитом Платоном, где утвержда лось, что Архиерейский Синод в Сремских Карловнах – неканонический, что поэтому подчиняться ему не следует и что Американская епархия отныне рассматривает себя как «самоопределяющаяся Церковь». Более того, было утверждено то грубое и наглое послание четырех викариев, которое они отправили в Синод в сентябре 1926 г.

Все епископы одобрили это «воззвание» к американской пастве; я один отказался согласиться с ними. Я заявил, что признавал и продолжаю признавать Архиерейский Синод как канонический и в первоначальном, и в нынешнем составе; что я подчинялся и подчиняюсь ему как законной административной власти; что я отрицаю право Американской епархии на «церковное самоопределение» и не могу подписать грубый и наглый ответ американских епископов Архиерейскому Синоду.

Поскольку, на мой взгляд, я держался твердо и непреклонно, тут же, на месте, за какие-нибудь пять минут, я был низложен как викарный архиерей, смещен с настоятельства сан-францисского Свято-Троицкого собора, освобожден от всех обязанностей и оклеветан в срочной телеграмме соборному протоиерею Владимиру (Саковичу) в Сан-Франциско».

* * *

Таково происхождение независимой Американской Митрополии. Стоит ли говорить, на чьей стороне была правда и какой выбор следовало сделать человеку твердых принципов, каким был владыка Аполлинарий? Что касается митрополита Платона – как и митрополита Евлогия, который также отложился от Архиерейского Синода в тот период – ими, очевидно, руководили мотивы, никак не связанные с верностью принципам или канонической дисциплиной. Архиепископ Аполлинарий говорит об этом в заключительных строках упомянутого выше письма:

«От обоих митрополитов не требовалось даже никакого особенного подчинения Архиерейскому Синоду. Ведь они сами, будучи членами Синода, управляли своими епархиями на началах автономии, то есть почти независимо. От них всего лишь требовалось оставаться в единстве со всей массой верующих русских беженцев. Но они даже не желали такого единства. Помимо канонов, здесь есть нечто такое, что заставляет этих митрополитов отвергнуть единство, а вместе с единством – саму возможность для Синода заглянуть в непроницаемую путаницу их церковной администрации. Именно в этом направлении следует искать истинную причину, почему митрополиты Платон и Евлогий не желают подчиниться Архиерейскому Синоду..»

Митрополит Феофил, преемник митрополита Платона, – это голос совести лучшей части Американской Митрополии. Он всегда был укором для американских «канонистов», причем не только за счет своей искренней братской любви к архиереям Русской Зарубежной Церкви (хотя, в отличие от митрополита Платона, его можно было бы, по существу, назвать сыном Америки: он ступил на американскую землю в 1895 г., будучи еще чтецом), но и за счет своего неизменного взгляда на Зарубежный Синод как на каноническую основу Русской Церкви в Америке. Несколько раз, по слабости уступая большинству, он совершал ошибки, но каждый раз каялся и делал все, от него зависящее, чтобы возвратиться на путь истины. В 1926 г., подписав с другими викариями дерзкое послание

Архиерейскому Синоду, он лучше обдумал обстоятельства дела и нашел в себе мужество уже 14(27) декабря того же года обратиться к митрополиту Антонию (Храповицкому): «Я обязан известить Вас, что ответ Северо-американских епископов был первоначально составлен и подписан по-английски, а затем переведен на русский язык, что отчасти повлияло на точность изложенных там мыслей. Помимо того, перечитав ответ, я нахожу, что многое в нем было сказано напрасно или же должно было быть сказано по-другому; поэтому я считаю, что его необходимо пересмотреть и изменить совместно с другими епископами... Вдобавок к сказанному, я глубоко сожалею, что этот ответ причинил оскорбление Вашему Высокопреосвященству и членам Синода».

После смерти митрополита Платона и своего избрания в 1934 г. митрополит Феофил принимает меры к устранению раскола и на следующий год едет в Сербию, где он снова присоединяет Американскую Митрополию к Русской Зарубежной Церкви. По возвращении в Америку он заявил репортеру газеты «Новая заря»: «Наша церковная жизнь налажена: под нее теперь подведено надежное каноническое основание». Однако уже в 1946 г. раскол возобновился на безначальном Кливлендском Соборе, который проголосовал за отложение от Зарубежного Синода и присоединение к Московской Патриархии. Это решение, вопреки всем православным нормам, не было утверждено ни одним епископом, в том числе и самой Американской Митрополией, и митрополит Феофил, как и прежде, последовал ему против собственной совести.

Весьма поучительно, как защищают даже этот незаконный собор его сторонники. Главный «канонист» Американской Митрополии профессор Александр Боголепов сообщает следующее о Кливлендском Соборе в своей обстоятельной работе в пользу «автокефалии» Американской Церкви (Towards an American Orthodox Church, NY, 1963, p. 69): «Возникает вопрос, почему решение Седьмого Всеамериканского Собора о прекращении отношений с Зарубежной Церковью не было представлено для утверждения епископам, принимавшим участие в Соборе, хотя такое требование было выдвинуто

митрополитом Феофилом в его «Наставлении» перед открытием Собора. Однако в ходе заседаний Собор отменил это требование и постановил, что его решения не подлежат утверждению епископами».

Вот так живет и процветает наследие митрополита Платона в мелком жульничестве, благодаря которому церковный канон изменили в угоду настроению публики. То же самое наследие снова дает о себе знать в нынешнем выбросе автокефалтеских газов (по собственному выражению митрополита Платона), который втягивает в хаос большинство американских православных юрисдикции.

Во всем этом прискорбном наследии митрополита Платона нет места каноническому праву, нет места принципам, нет места истине, нет даже места простой логике – кроме логики судорожной погони за всемирной славой и признанием; есть только самоволие, начисто лишенное какой бы то ни было связи с Православием и Божией благодатью. Два дня спустя после «низложения» владыки Аполлинария митрополит Платон поручает своему сирийскому викарному епископу Евфимию устройство «Святой Восточной Православной Кафолической и Апостольской Церкви в Северной Америке» – новой независимой Православной Церкви без согласия каких-либо других Церквей и потому очевидно противоканонической.

26 августа (8 сентября) 1927 г. Архиерейский Собор в Сербии, видя полное отсутствие раскаяния со стороны митрополита Платона в его противозаконных действиях, запрещает его в священнослужении и объявляет все со вершаемые им и последующим ему духовенством таинства и службы лишенными благодати. (Запрещение это было снятое 1934 г. накануне воссоединения Американской Митрополии с Зарубежным Синодом). 1 декабря 1928 г. Константинопольский Патриархат также объявил эту новую «Церковь» антиканонической и запретил Греческой Церкви всякое общение с нею. Ни одна православная юрисдикция в Америке не присоединилась к ней; в 1933 г. архиепископ Евфимий женится и сходит с церковной сцены.

Таким образом, митрополиту Платону пришлось возобновить поиски «канонической основы» для своего произвола, и он вступает в переговоры с Московской Патриархией, которая в 1927 г. объявила себя союзницей советской власти. В 1933 г. переговоры зашли в тупик: Патриархия уволила и запретила в священнослужении митрополита Платона, а тот в третий раз провозгласил «автономию» Американской Митрополии (это название он самовольно присвоил своей епархии в 1929 г.).

На следующий год митрополит Платон умер и оставил своим преемникам такое печальное наследие, что если Американская Митрополия получит теперь «автокефалию» из рук Московской Патриархии и тем самым признает ее действия законными, ей придется тем самым признать, что она сама не имела действительных церковных таинств в течение 36 лет. Тот факт, что простые верующие американцы останутся при этом в полном неведении, лишь подчеркивает политический, а не церковный характер «автокефалии»: для Митрополии это всего лишь выгодная сделка.

* * *

Как мы сейчас увидим, наследие архиепископа Аполлинария совсем другого рода. Когда в феврале 1927 г. он возвратился в Сан-Франциско из Нью-Йорка, где его «низложили» за отказ нарушить присягу верности Русской Зарубежной Церкви, духовенство и верующие приняли его весьма враждебно. В том же письме (от 12(25) февраля 1927 г.) он свидетельствует:

«Как только было объявлено решение о моем увольнении и запрещении служить на территории Америки, меня буквально выкинули на улицу излома митрополита: к моему огорчению, со мной даже не захотели проститься: душой я чувствовал, что более уже не увижу своих судей в этой земной жизни. Я сказал: «Простите меня, что я не оправдал вашего доверия», – и услышал в ответ: «Ваши извинения не нужны, мы их не принимаем. Идите отсюда!» Не говоря уж о том, как меня прогнали от накрытого обеденного стола со словами: «Мы с вами даже куска хлеба делить не станем!» Позже митрополит

написал про меня кому-то в Сан-Франциско: «Из уважения к его сану с ним обошлись вежливо, но не более того...» Это у них зовется вежливостью – вытолкать за дверь взашей».

Итак, владыка Аполлинарий в самый момент раскола оказался совершенно один, оклеветанный и низложенный, без гроша денег, без крыши над головой, без единомышленников и союзников, без видов на будущее. На его стороне оставалась только истина и справедливость, верность законной церковной власти. Это было для него важнее любых земных соображений, важнее естественной привязанности к своему наставнику, некогда посвятившему его в епископский сан. И в самом деле, трудно найти более убедительное свидетельство против митрополита Платона, чем эти горькие слова его преданнейшего ученика, сохранившего доброе отношение к своему учителю до последнего предела, допущенного совестью, – ученика, который в конце концов был вынужден прийти к заключению о необходимости лишить его архиерейского достоинства. Но если праведник страдает от людской злобы и слепоты, то Господь примет всякое свидетельство Его истины и даст возрасти из него плоду во спасение человеческих душ, в случае владыки Аполлинария – во сто крат и больше.

Архиерейский Синод на заседании 17(30) марта 1927 г. признал действия митрополита Платона противоканоническими, уволил его от управления Северо-Американской епархией и назначил на его место епископа Аполлинария. Сколь бы чуждым ни было такое назначение его естественному смирению и скромности (место это было столь ответственным, что сам митрополит Анастасий должен был занять его, но не смог в то время оставить Иерусалим), владыка Аполлинарий принял его по своей воле, ради восстановления правды, попорченной митрополитом Платоном.

В первое время казалось, что раскол был практически единогласным: опасаясь гнева всемогущего Платона, вначале почти никто не смел поддержать вновь назначенного правящего архиерея. К нему обращались по секрету, как некогда Никодим к Спасителю. Однако мало-помалу верующие стали собираться вместе, и начался рост законной епархии.

Первый приход в подчинении епископа Аполлинария был создан в Сан-Франциско, где один из прихожан поселил у себя бездомного владыку, и у него в доме тот совершил свою первую службу в качестве правящего архиерея в праздник Вознесения, 20 мая (2 июня) 1927 г. Вскоре найден был дом и приспособлен под храм, который стал кафедральным собором владыки Аполлинария. Он был освящен в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость»: это название очень верно отражало тогдашнее положение дел. В декабре того же года епископ Аполлинарий отправился в Нью-Йорк для продолжения устройства своей епархии. Там, у себя в квартире – где верхние жильцы столь шумно веселились по ночам, что владыка порой был вынужден уходить из дому и ездить всю ночь в метро, чтобы хоть немного отдохнуть, – он устроил храм в честь Святых Отцов, и в 1928 г. было создано общество в поддержку Архиерейского Синода. На Аляске о. Герасиму (Шмалыгу) было видение во время Божественной литургии, которое привело его к разрыву с митрополитом Платоном и присоединению к епископу Аполлинарию: позже он получил поддержку своему шагу со Святой Горы.

В течение следующего года приходы в Скрэнтоне (шт. Пенсильвания), Бостоне (шт. Массачусетс), Балтиморе (шт. Мэриленд) и Хартфорде (шт. Коннектикут) присоединились к законной епархии. Тогда же иеромонах (впоследствии архимандрит) Пантелеймон вместе с другом, впоследствии архимандритом Иосифом, оставив из-за раскола Свято-Тихоновский монастырь в Пенсильвании, просил благословения владыки на создание монастыря в Джорданвилле (шт. Нью-Йорк). Владыка Аполлинарий, сам знаток и любитель церковного монашеского устава, дал свое благословение при том условии, что там будет неуклонно соблюдаться дневной круг богослужений. И 30 лет спустя после смерти он сам найдет там себе упокое, когда его останки будут перенесены с нью-йоркского кладбища в Свято-Троицкий монастырь.

Так, среди притеснений и трудностей, возвращалась к жизни Православная Церковь в Америке. Митрополит Платон возбудил судебные иски об изъятии церковного имущества у тех

приходов, которые возвратились в подчинение Архиерейскому Синоду, но все они были отклонены: судьи не нашли законных оснований для независимого существования Американской Митрополии. В 1929 г. Синод возвел владыку Аполлинария в сан архиепископа, отметив его «особые труды и нравственные страдания, понесенные им в деле стояния за каноническую правду». Вскоре епархия выросла настолько, что пришлось назначить нескольких викарных архиереев, двое из которых – епископы Тихон Сан-Францисский и Иоасаф Канадский – прославились своей святой жизнью.

Несгибаемый в принципиальных вопросах, владыка был очень добрым и мягким пастырем, неизменно стремясь к миру с теми, кто отошел от канонического подчинения Архиерейскому Синоду. Случай с епископом Адамом служит наглядным примером, как воздействовали на людей его доброта и дружелюбие.

Епископ Адам, по происхождению карпато-росс, во время замешательства после незаконного Детройтского собора в 1925 г. объявил себя правящим архиереем СевероАмериканской епархии. За свои противоканонические притязания он был низложен и запрещен в священнослужении; отказ освободить помещение кафедрального собора в Нью-Йорке стоил ему месяца за решеткой. Тем не менее многие галичане и карпато-россы считали его своим архиереем. Из жалости к этим «несчастливым, вечно обманутым людям» владыка Аполлинарий обращается к епископу Адаму, пытаясь воссоединить его с Русской Церковью и добиться снятия наложенного на него запрещения. В результате его усилий в 1930 г. Архиерейский Синод возводит его в епископа Питсбургского (шт. Пенсильвания), викария Северо-Американской епархии.

Вскорости, однако, самоволие епископа Адама проявилось с новой силой, и он отказал в подчинении своему архиепископу, причинив ему тем самым немалое горе. Но, Узнав о смерти владыки Аполлинария, епископ Адам поспешил к его гробу, где отслужил по нем панихиду и в слезах просил у него прощения за все причиненное ему зло. При этом, следуя почившему

поборнику канонической правды, он усердно призывал к единству все противоборствующие юрисдикции.

Е. Г. Александрова, бывшая свидетельницей трудов владыки Аполлинария, после его смерти написала о нем следующее:

«Архиепископ Аполлинарий был предельно доступным и простым в поведении, скромным и смиренным, добродушным по природе, нестяжательным – настоящим монахом. Покойный владыка был для Америки тем редким бриллиантом чистейшей воды, который может в рассеянности миновать невнимательный взгляд; но каждый, в ком жива верующая душа, в глубоком почтении остановится перед этим исключительным пастырем...

Простота его поведения, искренность речи, то внимание, которое он уделял каждому посетителю, привлекали к нему людей... Непосредственность и душевная теплота владыки порой заставляли забыть про его высокий сан, видеть в нем просто близкого человека, отца... Старые и молодые, богатые и бедные, знаменитые и никому не известные – все находили у нашего доброго владыки тот же самый прием, то же утешение, ту же христианскую истину...

Он принадлежал к числу тех людей, которые смиренно, без шума и помпы, своим собственным трудом создают на пустом месте нечто очень важное и совершают великие дела, поскольку они живут в Законе Божием... Он избрал для себя тернистый и горестный путь, оставаясь верным Христову завету среди всех своих скорбей.

Много ли было встречавших владыку Аполлинария, когда он в первый раз приехал в Нью-Йорк, еще как временно назначенный архиерей Северо-Американской епархии? Пять-шесть человек приняли его в частном доме, где он совершал свои первые богослужения. А сколько провожало его в последний путь всего лишь пять лет спустя? Не менее двух тысяч, не считая того нескончаемого потока людей, что приходили в храм поклониться его останкам...

Каждый, кто был подле владыки, знал, что он жил в нищете и в нищете скончался. Но втайне он сделал очень много добра, отер много слез своей добротой, и только Богу ведомо,

скольким одиноким и несчастным он дал пищу и кров, смиренно скрывая это от окружающих».

* * *

Однако самым характерным свойством архиепископа Аполлинария, наложившим важнейший отпечаток на всю его жизнь, было неуклонное исповедание истины. Он сам говорит об этом в своем послании одному из приходов в Астории (Нью-Йорк), который никак не мог выбрать себе «юрисдикцию»:

«Разве могут быть сомнения по такому поводу? Разве есть тут место дискуссиям? Разве у Бога не одна-единственная правда? Уж не разделилась ли божественная истина, так что часть оказалась у митрополита Платона, часть у епископа Адама, часть у Кедровского и часть у архиепископа Аполлинария?

Нет, дорогие мои братья! Есть только одна божественная истина и правда; и если она у митрополита Платона или у епископа Адама, то ее нет у всех прочих; и если она

У архиепископа Аполлинария, то ее также нет у всех прочих». 16 января 1933 г. архиепископ Аполлинарий, в зените своего служения Церкви, перенес инсульт и был частично парализован. Рано утром 19 июня, после соборования и причастия Святых Даров, он мирно отошел ко Господу

Его бесстрашное стояние в Божией истине и правде принесло американской земле чудесные плоды: шестьдесят два прихода было создано или вернулось из раскола в каноническую Православную Церковь за время его архиерейства. Собор Всех скорбящих Радости в Сан-Франциско стал самым большим приходом русского рассеяния, кафедрой двух архиереев святой жизни, архиепископов Тихона и Иоанна (Максимовича); чудотворные останки архиепископа Иоанна в великолепном новом соборе стали общеамериканской святыней, и именно здесь состоится прославление преподобного Германа Аляскинского, первого святого Америки. Свято-Троицкий монастырь, основанный по благословению владыки двумя монахами, подобно ему избравшими путь истины, стал крупнейшей русской обителью за границей,

настоящей Лаврой: здесь жил другой выдающийся архиерей и авва Виталий (Максименко, #1960).

В результате трудов архиепископа Аполлинария, распространившего и укрепившего истинное каноническое Православие в Северной Америке, оказалось возможным перемещение сюда Архиерейского Синода. И сегодня он держит здесь знамя православной истины и правды не только ради русских людей, но и ради Америки и ради всего мира. Таково богатство зримых плодов и духовных сил, которые мы получили от одного смиренного, скромного человека, потому что он исповедовал истину.

Архимандрит Константин, непреклонный обличитель лжеправославия¹ (1887–1975)

Можно смело сказать, что со смертью архимандрита Константина ушло целое поколение. Он оставался, вероятно, последним из верующих русских интеллигентов первой половины века, и его верность Православию и глубина его религиозно-философской мысли служили яркими вехами на том пути, по которому должна была пойти – но в большинстве своем не пошла – русская интеллигенция. В его зрелой религиозной философии мы видим православный ответ на неправославие Булгакова, Бердяева и иже с ними; более того, своей непоколебимой защитой истины он заслужил известность в англоязычном православном мире, и масштаб его влияния на нас еще предстоит оценить в полной мере.

Кирилл Зайцев, как его звали до монашества, родился в принявшей Православие еврейской семье. И когда он полностью воспринял истину православной веры, в нем заговорил подлинно Израильянин (Ин. 1:47), непримиримый к любой лжи и фальши, как в религии, так и в знании, непреклонный в своем исповедании избранничества Нового Израиля – Православной Церкви.

Еще в молодые годы, сначала в Санкт-Петербурге, а потом в Гейдельберге, Кирилл выделялся своим «консерватизмом», уклоняясь от любого участия в антимонархических студенческих движениях. Но только перед самой Первой мировой войной, когда он окончил университет и поступил на государственную службу, он убедился с полной ясностью, как страшно заблуждались те, кто желал «реформировать» Россию. Популярные обвинения госу-

Просим извинения у читателей за цитаты из сочинений о. Константина в обратном переводе с английского. дарства в коррупции, бездеятельности и жестокости, по крайней мере по отношению к Сенату и Министерству сельского хозяйства, где ему довелось работать, оказались наглой клеветой: вокруг него были превосходные знатоки своего дела, с глубоким чувством

ответственности и долга, вполне наделенные свободой и инициативой. «Разительный контраст, – писал он позже, – был между величием нашего исторического порядка... и легкомысленным скудоумием в обществе, которое, питаясь хлебом нашей все еще живой и могучей «истории», фантазировало о неких новых формах жизни, которые обрекли на уничтожение всю историю целиком». (Здесь, разумеется, речь идет о марксизме и подобных ему учениях, стремившихся к разрушению прошлого и созданию нового «идеала» – имя которому ГУЛаг.) «Россия погибла, – пишет он в другом месте, – не из-за бюрократии, не из-за царского самодержавия, не из-за «отсталости» в той или иной сфере. Нет, беда была в другом: она не знала цены своему прошлому... Главная беда была в том, что Россия перестала ценить выше всего прочего свой древний жизненный уклад, наполненный благодатными плодами ее многовекового стояния в церковной Истине... Можно найти свои темные стороны в любой исторической эпохе России... но пока жива была Царская Россия, она никого не принуждала лгать, а, напротив, служила истине». (Имеет смысл сравнить это с Советским Союзом, где, по словам Солженицына и многих других, ложь стала частью повседневной жизни каждого.)

Итак, еще тогда свернул Кирилл Зайцев с «главной улицы» русской либеральной интеллигенции, которая привела сначала к революционному погрому, а затем – когда тот разгорелся серьезней, чем хотелось «либералам», – ко лжеправославному «ренессансу», позже получившему под ходящее имя «парижского православия». И ему не простили такого «предательства» (ведь, на парижский взгляд, интеллигент обязан быть «либералом»); хоть его имя упоминалось и нечасто, но его «православный фанатизм» стал олицетворять в их глазах ненавистное им духовное наследие старой России.

В 20-е и 30-е гг. Кирилл Зайцев живет в Праге и в Париже и становится известен как консервативный публицист, сотрудничая в журналах «Возрождение» и «Россия и Славянство». Эти консервативные литературно-политические журналы, органы «борьбы за национальное освобождение», шли за своим издателем, Петром Струве, который некогда

переводил Маркса, а затем пришел в себя и после революции пытался содействовать возрождению России. Под конец жизни Струве даже пытался «реабилитировать» великого православного монарха, императора Николая I, которого даже сегодня на Западе практически не знают и не понимают именно из-за его Православия. Но Струве так и не сумел утвердить Православие в центре своей историко-философской мысли, и будущий о. Константин далеко превзошел его.

В 1935 г. он едет на Дальний Восток, в Харбин, где занимает профессорскую кафедру на факультете Русского права и читает лекции по литературе и музыке (будучи сам превосходным пианистом). К тому времени замыслы о «национальном освобождении» уже утратили остроту, и его мысль все явственнее направляется в сторону религии и Православия, уточняется и углубляется, перемещаясь с «исторической России» на Святую Русь. Он начинает преподавать в Харбинской семинарии и вообще чувствует себя гораздо лучше среди простых верующих-Дальневосточников, чем среди парижской интеллигенции. В Харбине он близко сходитя с одним ясновидящим старцем – Слепым Игнатием; часами просиживает у него, читая ему жития святых, слушая его рассказы и наставления, наблюдая в потоке идущих к нему за советом и помощью множество простых, верующих сердец, настезь открытых духовным дарам истинного Православия. Тогда же пишет он свою первую православную книгу, «Понять Православие», о пройденном тернистом пути сквозь интеллектуальные джунгли современности к сокровищу святой веры – не «обновленной», не «прогрессивной», а той самой, настоящей, которой жива была великая русская земля.

Когда коммунисты захватили Китай, Кирилл Зайцев, казалось бы, уже завершал свою ученую карьеру. Ему было за шестьдесят; он мог бы спокойно прожить остаток своих дней в каком-нибудь мирном уголке безбрежного русского рассеяния – только бы туда не добралась расползающаяся по свету чума коммунизма. Но именно в эти годы начался для него самый плодотворный и важный период жизни благодаря совету и поддержке со стороны двух прозорливых иерархов –

архиепископа Иоанна (Максимовича) и архиепископа Виталия (Максименко), – прекрасно понимавших, как много он способен сделать для Русской Зарубежной Церкви.

После смерти жены, в 1945 г., его рукополагают священником, и вскоре он начинает служить в Шанхае при владыке Иоанне и участвовать в его программе православного просвещения, читая лекции в Кафедральном соборе. Вместе с владыкой Иоанном он покинул Китай, и тогда владыка Виталий приглашает его в Джорданвилл редактировать журнал «Православная Русь». Здесь в 1949 г. он принял монашество, и здесь в течение четверти века он оставался, без преувеличения, виднейшим среди православных издателей и публицистов всего мира, тех, кто хранил и поддерживал неповрежденное Православие. Давай те перечислим хотя бы периодические издания, которыми мы обязаны непосредственно ему, помимо книг, изданных Свято-Троицким монастырем в Джорданвилле при его жизни:

1. «Православная Русь», выходящая дважды в месяц газета под редакцией архимандрита Константина, была истинным голосом истинного Православия XX в., далеко превосходя любое другое издание на любом языке ясностью своей позиции, широтой интеллектуального горизонта и непоколебимым исповеданием неизменной, отеческой православной веры, наперекор обновленчеству «парижского православия» и прочих раскольнических групп русского рассеяния, наперекор трагическому, душегубительному политическому пути Московской Патриархии, наперекор все более и более явному вероотступничеству Константинополя и других зараженных экуменизмом православных объединений: для них, для всех тех, кто попал в эту яму, вырытую дьяволом на пути сегодняшнего Православия, его не в бровь, а в глаз бьющие редакционные статьи стали синонимом люто ненавидимой ими «джорданвилльской идеологии», а по существу – православной совести, которая обличала их обновленчество как подготовку царства Антихриста.

2. Трудami архимандрита Константина в Джорданвилле стали выходить и другие издания на русском языке:

ежемесячник «Православная жизнь», посвященный житиям святых и другим материалам подобного рода, плохо вписывающимся в злободневную газету, а также богословский ежегодник «Православный путь», где публикуются фундаментальные работы, превосходные по качеству, по чистоте веры и по независимости от каких бы то ни было модных академических увлечений, охвативших многие другие богословские издания. К сожалению, публикуемые здесь авторы почти неизвестны вне узкого круга русских читателей, но именно они заслуживают главное признание за развитие богословской мысли нашего века.

3. С самого начала архимандрит Константин настоял на публикации православного журнала «Orthodox Life» на английском языке. Предприятие это было крайне трудное и заметно опережающее свое время: в 1950 г. переход американцев в Православие в Русской Зарубежной Церкви был еще делом неслыханным; читать новый журнал было попросту некому, писать по-английски – тоже некому, а первые переводчики с русского зачастую были никуда не годны. Но о. Константин видел в этом прямую обязанность православных, невольно ставших миссионерами на американской земле, обязанность, которую он никогда не упускал из виду – несмотря на несправедливые обвинения со стороны некоторых в русском национализме. Преодолев трудности роста (усугубленные сложным литературным стилем самого о. Константина, которого иной раз непросто понять даже по-русски!), журнал выправился, окреп и стал первым регулярным источником серьезной православной духовной пищи на английском языке. Значение его для православной миссии в Америке неопределимо: движения к истинному Православию среди американцев, каким бы слабым и шатким оно ни казалось, без него, вероятно, не было бы вовсе.

Перу о. Константина принадлежит целый ряд книг. Упомянем прежде всего «Лекции по истории русской литературы» (Джорданвилл, 1967–1968) в двух томах, переработанные из конспекта его курса в Свято-Троицкой семинарии. Они основаны на принципе, весьма необычном для

этого жанра: всякое литературное произведение рассматривается прежде всего в его связи с Православием. Принцип этот, разумеется, в современных условиях приложим только к России: русская культура пронизана православной верой в такой степени, что даже совершенно нецерковные авторы XIX в. не могли избежать его влияния. Так же в точности журнальные статьи о. Константина о русских композиторах проникают гораздо глубже обычной музыкальной критики, исследуя саму «душу музыки», в которой отражается отношение композитора к Богу.

Другая книга на ту же тему – «Шедевры русской литературной критики» (Харбин, 1938), антология критических статей по русской литературе. В своем введении к ней о. Константин рассматривает ведущих русских, авторов XIX в. с православной точки зрения и в их связи с Православием. Следующая работа, «Этика» (Харбин, 1940), дает широкий обзор этических учений, от древности до современности, вместе с их православной характеристикой. Этими работами он доказал, что истинное Православие, при всей своей чистоте и строгости, ни в малой мере не связано с умственной ограниченностью, бескультурьем и узостью взгляда: зрелое православное мировоззрение включает в себя всестороннюю и трезвую оценку самых различных сторон человеческого знания и культуры.

Небольшая книга о. Константина «Духовный Облик прав. Иоанна Кронштадтского» (Джорданвилл, 1964), приуроченная к его прославлению, была переведена на английский. Она представляет собой глубокий внутренний портрет этого великого святого, сложенный главным образом из воспоминаний современников, и служит превосходным источником для знакомства с ним американского читателя.

Но главная книга о. Константина, по существу труд всей его жизни, – это «Пастырское богословие» в двух томах (Джорданвилл, 1960–1961), еще один читанный им семинарский курс. Жизненный опыт, интеллектуальная культура, ясный философский ум и бескомпромиссная православная совесть автора, вместе с его священным саном и монашеством,

принятыми в зрелые годы, позволили ему создать редкостное для наших дней пастырское руководство. Достаточно сравнить его, например, с книгой архимандрита Киприана (Керна) «Православное пастырское служение», вышедшей почти одновременно (1958) в Париже. Ориентируясь в основном на западные источники, она дает читателю такие инструкции по «успешному отправлению должности священника»: не отставать от модных течений общественной мысли; прикидываясь руководителем, во всем следовать за народом; тщательно заботиться о выборе подходящего внешнего облика и непрестанно проверять себя, хорошо ли этот «облик» соблюдается... Излишне говорить, что подобный подход к пастырству ничего общего с Православием не имеет; книга о. Константина, написанная, можно сказать, кровью и слезами XX в., с начала и до конца отвергает всякую показуху, игру, лицемерие и подделку, учит, как быть истинным пастырем в век революций и богоотступничества, идти к спасению души и вести за собой людей, когда все религиозные ценности вместе с самой цивилизацией разлетаются в прах.

Некоторым казалось, что о. Константин чересчур заостряет тему нынешнего отступления от веры и грядущего царства Антихриста, к которому человечество сегодня так усердно готовится. И в самом деле, эта тема, вместе с неуклонной оппозицией «советской», как он называл ее, церкви, всегда была в центре его критического внимания. Его острый ум не поддавался ни на какой обман, ни на какой камуфляж под Православие: он сразу разглядел пустоту за религиозным фасадом у Пастернака (речь, очевидно, идет о романе «Доктор Живаго», на шумевшем на Западе в конце 50-х гг.), псевдохристианскую бердяевщину у не которых православных авторов из СССР, церковное жульничество американской «автокефалии». Но не надо думать, что сам по себе он склонен был видеть все в черном цвете: такова уж, к сожалению, наша эпоха, эпоха лжи и фальши, и фальшивая вера – всего лишь прямое ее порождение.

Напротив, наряду с критическим у о. Константина был и положительный, даже оптимистический взгляд на мир, более

близкий его православному духу. Он делал все, чтобы поддержать и вдохновить молодое поколение духовенства и религиозных авторов, активно способствовал прославлению прав. Иоанна Кронштадтского (в 1964 г.), а под конец жизни – Новых Мучеников большевицкой эпохи с Царской семьей во главе (состоялось через шесть лет после его смерти, в 1981 г.), поддерживал почитание архиепископа Иоанна Максимовича († 1966, прославлен в 1994 г.), проповедовал сознательный, целенаправленный возврат к духовным ценностям православного прошлого, всегда стоял на стороне многократно оклеветанной и преследуемой Ка-такомбной Церкви в России и даже надеялся – без лишней самоуверенности – на подлинное чудо: восстановление православной монархии в возрожденной России, хотя бы на недолгое время, пока не пришел конец; без этого, как он видел, господствующие ныне исторические силы приведут человечество к царству Антихриста в самом скором будущем.

Но в первую очередь, конечно, он был твердым реалистом и видел главную надежду не в земном, а в небесном: в Христовой Церкви. Все значение его культурного и интеллектуального богатства определялось именно той православной иерархией ценностей, в которой Бог и Его святая Церковь стоят на высшем месте, а все прочее имеет смысл и цену лишь в связи с высшим. «Единственное сокровище, – писал о. Константин, – оставшееся нам, последним потомкам исторической России, это наша радость об истинной Церкви, радость о том, что мы осознанно принадлежим к Русской Церкви за границей. Что мы такое в этом многоцветье и многообразии свободного мира – или даже христианского мира ? Меньше ничтожного меньшинства, песчинка, ничто. Но в этом, на взгляд окружающих, ничтожестве нашем – пока и поскольку мы сохраняем верность истинной Церкви – у нас есть ключ к благословенной вечности, к той двери, которая откроется передо всеми спасенными при Втором Пришествии».

Ушел замечательный человек; нам, православным, продолжающим свой трудный путь во мгле богоотступничества последних времен, осталось его интеллектуальное и духовное

наследство. И православным американцам необходимо, чтобы кто-то из нас принял его и передал другим; ведь предназначено оно вовсе не какой-то «интеллектуальной элите». Сегодня, когда тысячеликое лжеправославие обложило нас со всех сторон, в этом наследстве мы найдем сокровище истинного Православия.

Хотя богословие и апологетика до конца оставались предметом трудов о. Константина, Православие было для него не только и даже не столько «ответом на философские вопросы», сколько содержанием и делом всей его жизни. В нем находил он тот глубокий внутренний покой, который был так хорошо замечен и в его сочинениях, и в его будничной жизни священника и инока. Для многих был он духовным отцом и долго оставался единственным священником в Свято-Троицком монастыре, кто мог слушать исповедь на английском. Случалось, он бывал и слишком прям, и слишком непреклонен, но даже и в этих его «слабостях» видна цельность восприятия православной истины. О. Константин когда-то предлагал своим студентам написать книгу о смерти, в частности – о том, как люди встречают смерть и как в смертный час обнаруживается их духовное состояние. И в последние годы жизни он особенно интересовался этой темой: серьезно и трезво приняв истину, он сам готовился к своему исходу. Достаточно будет сказать, что он умер в мире, приняв Святые Дары, в день великого Отца Церкви, св. Иоанна Златоуста, в то самое время, когда братия начала торжество 25-летия со дня освящения кафедрального собора.

В рассказе А. П., одного из духовных детей о. Константина, можно видеть эпилог его земной жизни: «В ночь смерти о. Константина я видел его во сне. Выглядел он очень хорошо, поправился фунтов на тридцать, посвежел, лицо светилось, но сильно сутулился. Он спросил, почему меня так долго не видно, благословил меня и сказал, что чувствует себя отлично. Утром мне позвонили и сказали, что он умер; а я даже не знал, что он серьезно болен».

Можно твердо надеяться, что о. Константин, посвятившего свой век поиску и открытию Христовой истины, приняла другая

жизнь – единственный верный выход из лихорадочного безумия современности. Со святыми упокой его душу, Господи.

Митрополит Филарет Нью-Йоркский

Лишь от одного из всех православных первосвященителей нашего времени ожидают верующие – причем не только его, но и других Поместных церквей – неизменно ясного голоса правды, голоса ничем не замутненной православной совести. Кроме него, нет среди них голоса, который можно было бы назвать безусловно православным, свободным от политики или иных посторонних соображений. Это голос владыки Филарета, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Подобно Святым Отцам древности, он выше всего ставит чистоту Православия и, верный духу Вселенских Соборов, остается посреди всеобщей религиозной растерянности одиноким защитником истины.

Защищать ее приходится от экуменизма, главной ереси наших дней. Экуменизм трудно поддается определению; бороться же с ним еще труднее. Мало кто из числящих себя православными проповедует экуменизм «в чистом виде» – учение о том, что Христова Церковь не существует как таковая, а только сейчас формируется. Чаще всего экуменизм проявляется в противозаконных поступках, особенно в молитвенном общении с инославными: это значит, утрачено понятие о том, что такое Христова Церковь и в чем состоит верность ей. Однако поступки сами по себе не могут служить определением ереси; великая заслуга владыки Филарета на этом критическом этапе истории Церкви состоит именно в том, что он, без намека на фарисейское обожествление той или иной буквы церковного закона и без малейшей склонности к выцеживанию «доказательств ереси» из высказываний епископов-экуменистов, со всей ясностью обнаружил тот самый еретический, антиправославный дух, который стоит за современным экуменизмом во всех его проявлениях, и предупредил, какую опасность они несут сегодня и какую катастрофу готовят в будущем.

Однако, к величайшему сожалению, лишь немногие из православного духовенства и мирян вполне осознали серьезность предупреждения владыки Филарета. Его не

понимают как «левые», так и «правые». «Слева» его безосновательно обвиняют в экстремизме, приписывают ему совершенно чуждые фанатические взгляды. Его умеренная и трезвая православная позиция вызывает злобные нападки у тех, чья совесть – как приходится допустить – нечиста, подточена сделками с обновленчеством. Для таких голоса владыки Филарета – серьезная угроза: он разрушает их планы и мечты о «Восьмом Вселенском Соборе», когда обновленчество станет «канонической нормой», а уния с Ватиканом и прочими западными ересями получит «официальный православный статус».

Но и «справа» владыку Филарета многие не понимают и даже осуждают. Сплошь и рядом «ревность не по разуму» требует простых и однозначных ответов на сложные, многогранные вопросы. Те, кто добивается от митрополита и Архиерейского Синода суждений о «безблагодатности Таинств» Православных Церквей, перешедших на новый стиль или попавших под пяту коммунистической власти, не отдают себе отчета в том, что подобные вопросы лежат вне пределов компетенции Синода, что церковным настроениям нашего времени таким способом не поможешь – слишком они обширны и глубоки, что анафемы – кроме нескольких бесспорных случаев – только усугубляют болезнь.

Есть и такие, кто ждет решения всех проблем от официального заявления, вроде такого: «Кроме нас, настоящих православных не осталось», – и нападает на тех, кто держится умеренной линии, с позиций совершенно неправославного формализма, что-де если «у них» есть благодать, то почему тогда мы с «ними» не объединяемся? Русская Зарубежная Церковь неоднократно предостерегала и удерживала своих членов от общения с некоторыми православными группами, а с Московской Патриархией принципиально не имеет общения; также и другие православные епископы предостерегают от контактов с теми, кто склоняется к обновленчеству, но отнюдь не по какому-то формальному критерию якобы отсутствующих у них благодатных Таинств, а лишь по соображениям заботы о

верующих, которые принимают их из уважения и послушания, без малейшей нужды в чисто формальных доводах.

В основании позиции владыки Филарета – весь его православный жизненный опыт. Он происходит из благочестивой семьи; его отец в молодости знал прав. Иоанна Кронштадтского, а впоследствии стал известен в русском рассеянии как архиепископ Димитрий Хайларский. В молодые годы на Дальнем Востоке пути будущего митрополита пересекались с такими людьми, как чудотворец и ученик преп. Варсонофия Оптинского св. Иона Хань-коуский (прославлен в 1996 г.), как ясновидящие старцы Казанского монастыря в Харбине Михаил и Игнатий (второго из которых он погребал), как игумен Руфина, чей монастырь стал известен многими чудесно обновившимися иконами, как защитник церковного календаря (старого стиля) митрополит Иннокентий Пекинский, как шанхайские епископы-чудотворцы Симон и св. Иоанн (Максимович) и митрополит Мелетий Харбинский. Его любовь к святым хранителям и защитникам веры видна хотя бы из его ведущей роли в публикации житий столпов Православия – преподобных Амвросия и Макария Оптиных, к первому из которых он к тому же написал превосходное предисловие. Во всем этом и в своей бескомпромиссной верности истинному Православию он подобен своему тезке прошлого века св. Филарету, митрополиту Московскому, защитнику святоотеческой веры от антиправославных западных влияний, покровителю Оптиной Пустыни и ее преподобных старцев.

Вот уже более десяти лет неустанно звучит голос владыки Филарета в письмах протеста, в предостережениях первосвященникам, особенно Константинопольскому Патриархату, и в двух Скорбных посланиях, адресованных православному епископству всего мира. Последнее его письмо можно рассматривать как еще одно Скорбное послание православным епископам по поводу первого православно-экуменического «исповедания», в котором прежние ошибочные тенденции вылились уже в явные ошибки.

Сколь это ни горько, на его Скорбные послания так никто ответа не дал; и тем не менее он снова обращается «к

православным епископам, к архиереям Божиим» как наименьший из их братьев. Он не обзывает их дурными прозвищами, не позорит их перед людьми; он только зовет их назад к Православию – пока они еще от него не совсем оторвались, пока еще не поздно, пока еще есть надежда. Нет в его письме ни тени легкомыслия или насмешки – как это, к сожалению, бывает даже в хороших анти-экуменических сочинениях, особенно на английском. Это документ стопроцентно серьезный, смиренный, но твердый призыв сойти с погибельного пути заблуждения, своей формой точно отвечающий важности содержания, восходящий к вековой мудрости и опыту святоотеческого Православия в защите правды и противостоянии неправде. Да будет он услышан и принят к исполнению!

Архиепископ Андрей (Рымаренко)

В 1971 г. отмечалось 50 лет пастырского служения владыки Андрея, основателя Ново-Дивеевского монастыря в Спринг-Вэлли (шт. Нью-Йорк), где свято хранится память преп. Серафима Саровского; через два года владыке исполнилось 80 лет, и он был возведен в архиепископский сан. И то и другое событие было поводом к чествованию владыки; многим он известен как «последний русский православный старец», и люди идут к нему за благословением, в надежде прикоснуться к духовному источнику истинного православия, который в наши дни иссякает на глазах. В самом деле, он буквально и есть та самая живая связь со Святыми Отцами: он был учеником двух последних Оптиных старцев, Анатолия и Нектария (прославлены в 1990 г. – Пер.), и у него под епитрахилью отошел ко Господу в 1928 г. старец Нектарий. Но не только и даже не столько этим важен для нас владыка Андрей, сколько тем учением, которое он получил от своих учителей: как сохранить святое Православие в наш безбожный век.

Учение это полностью святоотеческое по содержанию – учение не книжное, а живое. Помещенные ниже четыре отрывка из его работ рассказывают об основных событиях его жизненного пути – пути испытаний и страданий, через революцию, анархию, застенки, катакомбы, бомбежки, бегство, чужбину. Но сами по себе эти страдания, как бы ни способствовали они духовной жизни, еще не дают ключа к его учению: многие ведь страдали не меньше, да без толку. Он же, где бы ему ни пришлось оказаться – в Киеве, в Берлине, в Вендлингене, в окрестностях Нью-Йорка, – оказывался в центре тесно сплоченной православной общины. Такие общины у православных в наше время редкость; возникают они не сами по себе, а лишь в особых условиях, вокруг источника сознательного православного мировоззрения. Именно такому осознанному свято-отеческому мировоззрению мы и должны в первую очередь научиться у владыки Андрея. Попробуем сформулировать основные пункты этого мировоззрения –

мировоззрения не в абстрактном, философском смысле, но живого, действенного мировоззрения, выросшего из православного духовного опыта. Первое. Православие – это не просто обряд, верование, поведение или что-то в этом роде, что носят как некий признак христианства, оставаясь при этом духовно мертвыми. Нет, это живая стихия, которая преображает человека, сообщает ему силы жить в самых трудных и ужасных условиях и готовит его к мирному переходу в вечность.

Второе. Существо православной жизни – благочестие, в определении старца Нектария, основанном на этимологии слова («содержать в чести то, что Божие»). Это понятие глубже, чем правильное вероучение; это значит, что Бог входит в каждую сторону человеческой жизни, и жизнь наполняется страхом Божиим.

Третье. Из подобного расположения души вырастает православный образ жизни, православный быт. Он отнюдь не сводится к внешним порядкам и обычаям, типичным для православных христиан; в нем – стратегия духовной борьбы каждого, кто в центре своего бытия и мышления ставит Церковь и ее законы. Именно такой совместный образ жизни, сознательно построенный на дневном круге церковных служб, лежит в основе настоящей православной общины с ее радостью, теплом и внутренним покоем. Ино-славные, а подчас и мало осведомленные православные, не имея понятия о подобных чертах, могут, пожалуй, назвать их «иллюзорными», но тот, кто знаком с жизнью подлинной православной общины, в монастыре или в миру, ни на минуту не усомнится в их реальности. Владыка Андрей рассказывает, как он всю жизнь искал, находил и даже создавал заново утраченный мир своего православного детства; в его словах мы слышим нашу собственную жажду найти такое место, окружение и внутреннее состояние, чтобы Жить полноценной православной жизнью, душа в душу с близкими по духу людьми. Пусть это трудно достижимо, Но именно к этому и следует нам стремиться. Четвертое. Без постоянной, сознательной духовной борьбы православная жизнь может превратиться в «оранжерею» с искусственной атмосферой, где внешние атрибуты Православия

успокаивают и расслабляют душу, никак не воздействуя на нее, – вместо того, чтобы мобилизовать ее на путь к спасению. Как часто даже самые лучшие общины, приобретая благосостояние и известность, теряют сердечный жар и единодушие прежних трудных лет! Для подлинной богоугодной христианской жизни нет и не может быть никакой «формулы успеха»; любая внешняя особенность рискует оборотиться фальшью, если душа не идет по верному пути, не трепещет перед Господом, не держит на первом месте Его святых заповедей и всего, что Божие, во всякое время.

Пятое. Главной опасностью для православной жизни в наше время владыка Андрей называет «гуманизм», обозначая этим термином всю широту интеллектуального (а ныне и политического) движения, которое силится уничтожить христианство и заменить его земным, рационалистическим мировоззрением, где человек, по существу, становится сам себе богом. Проявления гуманизма в таком понимании весьма многообразны, от европейского «возрождения» и ереси жидовствующих в России XV в. до наглого атеизма и французской революции XVIII в., до коммунизма и всех прочих «измов» современности, провозглашающих царство человеческое вместо Царства Божия. Гуманизм идет в наступление многими путями, реже открытым, осознанным обращением в свою веру, чаще невниманием и невежеством в духовной жизни. Дальняя цель этого удара – воцарение Антихриста; защита от него – сознательное православное мировоззрение.

Учение это весьма глубокое, и далеко не все способны следовать ему до конца. Владыка Андрей уже на склоне своих лет; живая связь с Православием лучших времен, которая у нас есть в его лице, скоро прервется. Но его учение не должно уйти вместе с ним. Божиим усмотрением, в этом году в Новодивееве был знаменитый писатель Солженицын, типичный пример пробуждающегося – но еще не сформированного – религиозного сознания в сегодняшней России, и владыка Андрей имел возможность побеседовать с ним, хотя бы вкратце. Русских, лично знакомых с истинным Православием или

ищущих на ощупь (подобно Солженицыну) нечто утерянное их предками, владыка Андрей, естественно, привлекает к себе; но его учение – это живая вода для всякого сознательного православного.

Давайте же, если мы любим и ценим святое Православие, примем его и станем жить по нему – так же как сам владыка Андрей жил по учению горячо любимого им св. Тихона – и вернем в наш безбожный, варварский век православный образ жизни.

Устав

Когда мы приходим в наши святые православные храмы и славим Бога, как Он Сам научил нас славить Его, – что, скажите мне, восхищает нас всего более? Та ли ошеломляющая красота и величие Божественной службы, тысячу лет назад настолько поразившие послов св. Великого князя Владимира, что они утратили различие земли от неба? То ли необъятное богатство и разнообразие богослужений, сравнимые лишь с бесконечной щедростью и неисчерпаемостью самой природы, в которых словно отражается щедрость Небесного Творца? Или же неизменно пребывающий в центре этого разнообразия изумительный порядок, благодаря которому православная служба обретает гармоничную целостность и возносит нас в единомысленном поклонении Богу?

Как же огорчительно, что столь немногие из православных христиан в полной мере проникаются смыслом и духом богослужений, которые, по мысли создавших их с Божией помощью Святых Отцов, будучи для нас постоянным источником вдохновения, должны сохранять в нас искру спасительной православной веры и разжигать из нее великое пламя любви. Сколь немногие знают и любят Церковный Устав, который указывает правила и порядок церковных служб и, если мы умеем понять его, приводит в порядок сами сердца наши, указывает путь на Восток Свыше, к Которому и зовет нас Церковь!

И как же вдвойне огорчительно за тех, кто хоть и называет себя православными христианами, но возлагает вину за обычное в наши дни плачевное состояние православной веры не столько на теплохладных верующих, отвергающих идеалы Устава, сколько на сам Устав, который, по их мнению, следует -«пересмотреть» и «обновить».

Один из наиболее серьезных сторонников такого пересмотра, О.Александр (Шмеман), в своем «Письме владыке»⁴ Митрополиту Американскому Иринею выражает сожаление, что тот возвращает Митрополию (ныне –

Автокефальную Американскую Православную Церковь. – Пер.) к уровню «дореволюционной России», к «стандартным служебным книгам... Русской Православной Церкви».

В определенном смысле можно согласиться с возражениями о. Александра: как видно, владыка имеет в виду не истинный возврат к живому и осознанному участию верующих в церковной службе, а просто сохранение элементарного порядка богослужений, согласно с церковнославянскими богослужебными книгами, что необходимо в связи с охватившей Митрополию лихорадкой обновленчества.

О. Александр (Шмеман) убежден в том, что одним лишь внешним порядком делу не помочь: слишком глубок охвативший Митрополию кризис. Он утверждает, что ее «финансовая несостоятельность лишь демонстрирует и отражает ее духовное состояние, ее разочарование и безразличие... глубочайшее невежество в самых основах нашей веры». «Наша Церковь больна, – пишет он, – болезнь охватила и богослужебную, и духовную сферу». Это горькое признание, неприменимое ко Христовой Церкви как таковой, по-видимому, верно характеризует Митрополию и другие церковные группировки, далеко уклонившиеся от истинного Православия.

Митрополит Ириней призывает к хотя бы частичному сохранению богослужебной практики Русской Церкви: нескольких стихов вместо положенного по Уставу псалма, одного канона на воскресной утрени вместо предписанных трех или четырех и т. д. На это о. Александр справедливо замечает, что, с одной стороны, этим нарушается Устав, а с другой – прихожане Митрополии не видят смысла даже и в сокращенных службах. Следовательно, полагает он, Устав должен быть пересмотрен в свете наших знаний о его исторической эволюции, о других богослужебных традициях и т. п. Словом, церковную службу требуется приспособить ко вкусам духовно несостоятельных людей!

При всем понимании бедственного положения дел о. Александр только усугубляет его, предлагая принять новый Устав, то есть снизить уровень требований, которые следующим

поколением прихожан Митрополии, без сомнения, будут тоже отвергнуты как излишне строгие и «лишенные смысла».

Сказанного довольно, чтобы извлечь урок из духовного краха Американской Митрополии: причины его – в миролюбии, безразличии и глубоком невежестве. Стремящиеся же к истинному Православию, будь то в Русской Зарубежной Церкви либо в другой сходной с нею Церкви, обязаны помнить, что те же самые явления способны и нас сделать теплохладными и вовсе лишить Божией благодати.

* * *

Необходимо признать, что ни прихожане Американской Митрополии, ни ее предполагаемый реформатор о. Александр (Шмеман) не имеют верного понятия о смысле Устава церковной службы и о его назначении. Серьезное историческое исследование Устава отнюдь не привело бы нас к идеям его «пересмотра», а, напротив, исполнило бы нас восхищения перед его согласованностью, глубиной и целесообразностью. Именно к такому выводу приводит книга профессора М. Скабаллановича – одна из лучших работ на эту тему, которую сам о. Александр упоминает как особо ценную. Она убеждает читателя в великой мудрости Святых Отцов – создателей Устава.

Ошибка прихожан Митрополии – в невежестве и безразличии к Уставу; ошибка о. Александра (Шмемана) – в формальном и академическом отношении к нему, будто бы к системе произвольных правил и инструкций, которые надо слепо соблюдать или умело обходить – наподобие правил уличного движения. Но это вовсе не так!

Чтобы разобраться в истинном смысле Устава, надо понять, что он сам из себя представляет. Формально говоря, Устав – это книга предписаний о проведении богослужений и сочетании четырех циклов церковной жизни;

- суточного цикла;
- восьминедельного цикла Октоиха;
- годового цикла неподвижных праздников;
- подвижного цикла Пасхи и Великого Поста.

Но по сути Устав этим не ограничивается. Греческое его название «Типикон» можно перевести как «книга образцов», задача которой, по справедливому замечанию профессора М. Скабаллановича, «нарисовать высокий идеал богослужения, который красотой своею вызывал бы всегдашнее невольное стремление к его осуществлению, в полной мере, быть может, и не всегда возможному, как и осуществление всякого идеала, следование всякому образцу. Таков, по существу, и весь закон Христов, неосуществимый вполне во всей его небесной высоте, но божественным величием своим возбуждающий неудержимое влечение в человечестве к его осуществлению и чрез то животворящий мир»⁵.

Полное заглавие этой столь важной для нас книги – «Типикон сиесть Устав. Типикон, сиречь изображение церковного последования в Иерусалиме святых лавры преподобного и богоносного отца нашего Саввы. Тожде последование бывает и в прочих в Иерусалиме честных обителях, подобие и в прочих святых Божиих церквах».

Таким образом, Устав – это богослужебные правила обители св. Саввы в Иерусалиме, которые были впоследствии приняты в качестве стандарта другими монастырями, а потом и всей Православной Церковью. Недаром именно монастырскому богослужению отводится роль стандарта: ведь именно монашество яснее всего выражает идеал Церкви. Состояние монашества всегда было и остается надежным индикатором положения дел во всей Церкви или в любой поместной Церкви; и наоборот, по тому, насколько миряне стремятся следовать образцу монастырской службы, легко оценить богослужебную жизнь приходских церквей.

* * *

Богослужебный Устав – это наш идеал; и давайте не будем себя обманывать, что, дескать, у нас «все в порядке», если в канун праздника у вас всегда бывает всенощная или на службе «все поют» (что и вправду полагается по Уставу, как мы увидим ниже). Мир идет на нас войной непрерывно, неутомимо и с яростью, неслыханной в истории Церкви.

В Америке особенно ясно видно, как газеты, радио, телевидение, школы, музыка, реклама, мода – словом, все до единого средства воздействия на наши умы и вкусы прямо или косвенно истребляют в людях православное мировоззрение, убеждают нас, что православная вера «фанатична», что она «не идет в ногу со временем», что нам остается только отбросить высокий идеал соединения, слияния всей нашей жизни со святым Православием и взамен как следует «приспособиться» к окружающему миру, «найти общий язык» с другими исповеданиями и мировоззрениями.

Против этого яростного наступления православный христианин обязан держать внимательную и крепкую оборону – иначе он и сам лишится своего Православия, и детей своих обречет на верную гибель. Ряд американских православных юрисдикций (лишь с большой натяжкой называемых «православными» – и Митрополия среди них еще далеко не в худшей форме!) – печальный пример для всех тех, кто не бьется за сохранение своей веры, а принимает ее как должное, будто бы называться православным уже достаточно, чтоб быть им. Совсем не так судит Спаситель наш Христос! «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на погребение людям» (Мф. 5:13).

Святые Отцы – создатели Устава – прекрасно знали об этой непрестанной битве за сохранение христианства в нас самих. Мы увидим сейчас, как православное богослужение благословляет нас на битву своим грозным оружием – оружием, вопреки распространенному мнению, самым Практичным и действенным в современных условиях.

* * *

Ведущие архипастыри нашего столетия неоднократно призывали верующих возвратиться к подлинно православной уставной церковной службе: вспомним хотя бы св. новомученика архиепископа Арсения Новгородского, блаженной памяти архиепископа Иоанна Шанхайского (Максимовича) и настоятеля Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле архиепископа Аверкия Сиракузского. Поучения этих истинно

православных архиереев, вкупе с основами православного богослужения, демонстрируют нам, последним на этой земле христианам, сколь далека наша жизнь от нормы христианского благочестия, сколь тернист путь возврата к нормальной жизни. Но зато и сколь заманчив этот путь!

Давайте убедимся в том, что богослужение – это не только сокровище церковных догматов и душеполезных наставлений, но и даже в большей мере – школа благочестия, где мы не только узнаем, но также и ощущаем свою жизнь и путь ко спасению. Полное раскрытие этого незаменимого источника благочестия стало одной из задач сегодняшнего движения к истинному Православию.

Да будут же древние чинопоследования православных богослужений всегда напоминать нам идеал церковного Устава: прийти в храм Божий со страхом, трепетом и великою радостью и славить Господа, как Богоносные Отцы наши научили нас славить Его!

* * *

Чтобы сохранить дух православного богослужения (или возвратиться к нему), недостаточно лишь противостоять бессмысленным реформам модернистов, которые на смену вдохновляющему образцу церковного Устава несут некий «современный минимум». Требуется еще ясно сознавать, какую цель преследовали Святые Отцы, когда они, руководимые Святым Духом, создавали для нас Божественные службы.

Набраться формальных знаний – истории церковных служб, отличия греческого Устава от русского и пр. – дело, прямо скажем, не самое важное: станешь первостатейным «уставщиком», да и только. Истинная же цель изучения Устава такова: духовная пища богослужения должна стать для верующих источником вечной жизни. По отношению к этой цели все прочее второстепенно.

В сегодняшнем отчаянном положении православные христиане не могут позволить себе просто «точное» следование церковному Уставу. Лучше уж допускать «неточности» и отступления, но, зная истинные уставные требования и честно

отдавая себе отчет в своих слабостях, тем не менее молиться Богу и воспевать Его со всею любовью и искренностью.

Стало быть, «внешнее знание», содержащееся в данной статье, не предназначается для «уставщиков» и не дается поэтому в формальном виде. Систематическая информация о церковных службах изложена во многих руководствах и учебниках⁶ Здесь же речь пойдет в основном о вдохновении верующих, о том, как идеал церковного Устава находит практическое применение в сегодняшней жизни.

Нет нужды идеализировать современную богослужебную практику Русской Зарубежной Церкви: наши архипастыри откровенно говорят о недостатках в повседневном богослужении и о потребности приблизить его к идеалу Устава. Так, архиепископ Аверкий сделал ряд острых и конкретных замечаний в своем докладе о «внутренней миссии» Церкви, принятом Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви в 1962 г.⁷:

«Чрезвычайно важно для успеха внутренней миссии привлечение по возможности всех молящихся к тому или иному деятельному участию в богослужении, дабы они не чувствовали себя только праздными зрителями или слушателями, приходя в церковь как в театр, для того лишь, чтобы послушать красивое пение хора, исполняющего, как это теперь часто бывает, совершенно нецерковные, бравурные, театральные композиции. Совершенно необходимо восстановить древний, требуемый самим нашим Уставом обычай всенародного пения за богослужением... Стыдно православным верующим не знать своего дивного, ни с чем не сравнимого православного богослужения, а потому святой долг пастыря – знакомить своих пасомых с богослужением, что легче всего и может быть достигнуто путем привлечения к практическому участию в нем».

Далее в той же статье владыка Аверкий опровергает распространенное заблуждение о том, что православным христианам не разрешается совершать богослужение без участия священника – в результате чего верующие оказываются совершенно беспомощными и «лишенными молитвы» во все более и более обычной для наших дней ситуации, когда в

приходе нет постоянного священника. На той же странице читаем:

«Ведь по нашему Уставу все богослужебные чинопоследования суточного круга, кроме, само собой разумеется, Божественной литургии и прочих Таинств церковных, могут совершать и лица, не посвященные в иерейский сан. Это широко использовали в своей молитвенной практике все иноческие обители, скиты и пустынножители, среди которых не было иноков, облеченных в сан иерея, и до последнего времени наблюдалось это, например, на отличавшейся своим высоким народным благочестием Карпатской Руси, где, в случае болезни или отлучки священника, сами верующие, без священника, читали и пели и полунощницу, и утреню, и часы, и вечерню, и повечерие, а вместо Божественной литургии ее обедницу».

В этом никак нельзя видеть ничего предосудительного, ибо сами наши богослужебные книги предусматривают такую возможность в такого рода, например, часто встречающемся указании: «Аще иерей, глаголет: Благословен Бог наш, аще ли ни, глаголи умиленно: Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь». И дальше следует все богослужебное чинопоследование полностью, кроме, конечно, ектиний и священнических возгласов. Великая, сугубая и просительная ектиний заменяются при этом чтением 12 раз подряд «Господи, помилуй», а малая ектиния – троекратным чтением «Господи, помилуй».

Общественная молитва, как ни что другое, крепко объединяет молящихся. Итак, во всех тех приходах, где нет постоянного священника, совершенно необходимо не просто допускать, но действительно рекомендовать верующим, дабы они собирались по воскресным и праздничным дням в церкви, а где нет церкви, то и в домах, для совместного совершения таких общественных молитв, в соответствии с установленным чинопоследованием».

Такой нормальный церковный обычай (как и многое Другое из лучших традиций Православия) стал ныне настолько в редкость, что принимается многими за новость. Тем не менее он

принят в ряде приходов Русской Зарубежной Церкви и в некоторых частных домах. Он нуждается в распространении и укреплении, будь то в приходах, по той или иной причине не имеющих священника, или в группах верующих, не оформленных еще в приход, или в семьях, лишенных возможности добраться до церкви по воскресным и праздничным дням.

Именно этот обычай позволяет поддерживать богослужебную жизнь в отдаленных уголках русского рассеяния, вне пределов досягаемости ближайшего православного храма, а также и среди истинно православных христиан как в США, так и в других странах, отдающих себе отчет в невозможности молитвенного общения с отступническими группировками, православными лишь по названию.

Богослужебные навыки желательно перенимать у тех, кто сам совершает богослужения согласно с церковной традицией и Уставом. Но если таких людей и не найдется, каждый верующий, при невозможности быть в церкви, с большой пользой для себя может читать некоторые службы вдобавок к обычным утренним и вечерним молитвам, а именно:

- часы (1 -й, 3-й и 6-й – в первую, 9-й – во вторую половину дня), которые, за исключением тропаря и кондака, остаются неизменными изо дня в день;
- стихиры Великих праздников (в соответствующие дни);
- псалмы, предписанные на данный день.

В приходских церквях дореволюционной России вечерня с утреней, полунощница, повечерие и часы служились строго ежедневно, что и представляет собой норму православной жизни. С этой нормой надлежит соотносить нашу сегодняшнюю практику.

Богослужения по воскресеньям, праздникам и накануне этих дней — вот тот минимум, без которого церковная жизнь невозможна и православное благочестие не способно утвердиться и сохраниться. Дни эти нужно проводить соответствующим образом. Еще остаются отдельные приходы и семьи, где по воскресеньям регулярно поется акафист, но старинный благочестивый русский обычай собираться вечером в

праздник для «псалмопения» уже исчез в повседневном водовороте.

А кто из нас соблюдает кануны праздников, неуклонно посвящая их всенощному бдению (или вечерне) и молитве, а не мирским развлечениям? Блаженной памяти владыка Иоанн Сан-Францисский (Максимович) никогда не допускал до участия в воскресном богослужении никого, кто бы развлекался в субботу вечером (даже побывав перед этим в церкви, словно «для исполнения долга»!). И как же горько было тем русским, что собрались отмечать праздник хеллоуин в 1964 г., накануне прославления св. Иоанна Кронштадтского, когда владыка Иоанн появился на праздничном балу и строгим, безмолвным своим взглядом обличил их безверие!

* * *

Факт нашего отхода от идеала (то есть от нормы) православной жизни должен быть поводом не для уныния, но для настойчивого стремления к этому идеалу, насколько это возможно в условиях всячески отвлекающей нас современной жизни. И прежде всего нужно понять, что идеал этот вполне достижим и не требует от нас ни сверхъестественных усилий, ни какого-то особо возвышенно «духовного» состояния, без которого якобы нельзя и начинать славить Господа.

В самом деле, одним из препятствий распространения православных служб суточного круга в повседневной жизни является ошибочный дуализм, закравшийся в православное мировоззрение, а именно, что Православие есть нечто абстрактно «духовное», а в жизни православные христиане «такие же, как все». На самом же деле, напротив, Святые Отцы со всею ясностью учат нас, что истинный христианин отличен ото всех остальных как внешне, так и внутренне, причем одно выражается через другое. Так, св. Макарий Великий поучает:

«У христиан – свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои; инаковы же и образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное ее христиане, иное ее миролюбцы; между теми и другими расстояние велико... поскольку ум и разумение христиан всегда заняты мудрствованием о небесном, по общению и причастию Св. Духа

созерцают вечные блага; поскольку рождены они свыше от Бога, в самой действительности и силе сподобились стать чадами Божиими... Обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесною приверженностью ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь ее Христианин... У христиан другой есть мир, иная трапеза, иные одеяния, иное наслаждение, иное общение, иной образ мыслей, почему и лучше они всех людей»⁸

Давайте сопоставим свою жизнь с этими стандартами Православия:

- В самом ли деле имеем мы иную трапезу и иные одеяния, чем этот мир наглого непотребства и чревоугодия? Иные ли у нас дела и слова, образы жизни и молитвы? Если нет, то наверняка и духовно мы не отличаемся от миролюбцев.

- Отличны ли наши праздники по смыслу от праздников людей мира сего? Посвящаем ли мы их неуклонно Богу и Его славословиям, житиям Его святых и писаниям Боговдохновенных Отцов?

- Уделяем ли мы часть каждого дня, по мере наших сил и времени, молитвенному подвигу, следуя данному Богом суточному кругу богослужений и освобождая себя от тяжелого бремени современной мирской жизни?

Можно ли спастись без такого подвига? Св. Макарий Великий отвечает:

«Весьма многие из людей хотят сподобиться Царствия без трудов, без подвигов, без пролития пота; но сие невозможно»⁹.

Великие подвиги недостижимы для живущих в мире и связанных мирскими заботами. Сколь же важно для нас воспользоваться возможностью благодатного и вдохновляющего подвига, которую Церковь предоставляет для наших ищущих душ, – дневным циклом церковных служб. Даже небольшое, но регулярное участие в нем способно сделать христианина поистине отличным от других и открыть ему доселе неведомый мир мыслей и чувств – земную жизнь Христовой Церкви.

Современное монашество и православная Галлия

Предисловие к книге «Жития Отцов» св. Григория Турского

Какова связь между тем и другим? Что говорят нам примеры святых Романа и Люгицина, творения великих Отцов западного монашества, вся православная монашеская Галлия V–VI вв., времен св. Григория? Обратимся для начала к нашему времени.

Сегодня православное монашество появляется на Западе как нечто доселе неведомое, привлекая к себе все большее внимание, особенно среди новообращенных в православную веру. Вплоть до середины XX столетия Православие на Западе распространялось без участия монахов; но за последние пару десятков лет, когда на европейских языках, особенно же на английском, стали печататься серьезные произведения на эту тему, мы видим не только интерес к православному монашеству в Западной Европе и Америке, но и появление самих ростков его. В то же самое время заметно и «возрождение» монашества в Греции и на Афоне. Такое иноческое движение (если еще не слышно рано называть его так) весьма часто и естественно сочетается с сохранением православного наследия в целом, наперекор бытующим ныне течениям религиозного модернизма и обновленчества; оно уже в какой-то мере повлекло возрождение старинных образцов православного благочестия – почитания святых и их мощей, изучения житий и святоотеческой литературы о духовной жизни, стремления к полноте православного богослужения и т. п. Сегодня, в отличие от совсем недавнего прошлого, новообращенный православный может принять на себя иноческий подвиг с реальной надеждой на успех.

Перед тем, кто сегодня желает подвизаться в монашестве, открываются три характерных пути.

1. Обитель с издавна сложившейся репутацией в той или иной церковной иерархии. Центральное место занимает здесь, как правило, устоявшийся уклад: люди приходят и уходят, а жизнь течет по-прежнему. Любые идеи перемен или

«обновления» в монастырях принято рассматривать с большим недоверием и относить излишнее рвение молодых послушников за счет их духовной незрелости, преодолеваемой только временем и опытом. Здесь совершается важнейший, труднейший и подчас неблагодарный подвиг: посреди непримиримо враждебного мира бережно сохраняется монашеское наследие. Такие монастыри – это, по существу, православные крепости на чужой земле. Зачастую, однако, они не удовлетворяют новоначальных искателей иноческого пути, не в меру критический взгляд которых усматривает здесь различные нарушения (как подлинные, так и мнимые), неувязки и отклонения от истинной монашеской традиции; тем, кто остается здесь, приходится нести особенно тяжелое бремя, главным образом из-за принципиальной несогласуемости православной духовной жизни с сегодняшней жизнью мирской. Но неразрывные связи с прошлым, сохраняемые в такой общине, и сами те испытания, которым подвергаются ее члены, продолжают приносить духовные плоды. Тот, кто сумеет удержаться в ней, не впадая ни в бездействие, ни в безразличие, ни в уныние, способен достичь духовных высот; но многие из новоначальных уходят отсюда в поисках чего-то более «правильного» или «совершенного».

2. Одиноким подвижник, как правило из новообращенных, движимый высоким идеалом монашеской жизни (скитской или затворнической), сам «открывает монастырь» и начинает жить по своему разумению или по примеру старинных великих подвижников, иногда привлекая к себе последователей. Это – самый опасный путь; на нем путника подстерегает соблазн самонадеянности и угроза потери древнего монашеского наследия. XX век уже видел немало таких своеобразных «старцев», для которых нет выше авторитета, чем их собственное мнение. Профессор И. М. Концевич в своей классической работе о старчестве в Православной Церкви («Оптина Пустынь и ее время», Джорданвилл, 1970) счел необходимым посвятить целую главу (с. 10–13) лжестарцам, калечащим и губящим множество душ своими духовными притязаниями. Особенно опасны они для новообращенных

православных. Даже если подобный «старец» и не заходит слишком далеко, он, как правило, не способен предложить новонаначальному ничего, кроме своего собственного неопытного мирского взгляда на монашеский подвиг. Зачастую при таких обстоятельствах душевные раны не вылечиваются по вине взаимного недоверия между духовным отцом и его детьми; таким образом, глубоко укоренившиеся грехи и пристрастия могут остаться неисповеданными и незамеченными. (То же самое, впрочем, может случиться и в обычном монастыре, но с менее тяжкими последствиями, поскольку подлинное монастырское окружение само по себе способно хотя бы отчасти компенсировать любые недостатки в личных отношениях.) Кроме того, неведомо для самого подвижника подвиги его могут подогреваться более страстями, особенно скрытой гордостью и тщеславием, нежели истинным стремлением к Господу.

Разумеется, путь этот нельзя считать невозможным, что подтверждается множеством примеров из прошлого; но в условиях нашего времени вероятность успеха и духовной пользы от подобного предприятия весьма невелика. Когда духовные ресурсы следующего в одиночестве по такому пути искателя подходят к концу, он падает и прекращает борьбу, теряя все ее плоды, а заодно подчас и православную веру. Житие св. Романа Юрского (и многих других, как, например, св. Сергия Радонежского) показывает нам, что необходимо для успеха на самостоятельном иноческом пути: глубоко укоренившаяся с детских лет православная вера и привычка к простоте и повседневным тяготам; уравновешенный характер и умение вырабатывать в себе добродетели; достаточный уровень духовного образования и опыта; твердая решимость пожертвовать всем ради Христа; восприятие физических трудностей как должного; намерение уйти от мира, отвращение всякой молвы, всякого желания «чего-то достичь» или отличиться «открытием монастыря»; и, наконец, глубокое смирение и отсутствие самонадеянности. Предупреждаем каждого, кто решает идти таким путем, не имея за собой перечисленных качеств: будьте осторожны!

3. В наше время чаще всего бывает, что двое или более новоначальных искателей древнего монашеского наследия начинают свой путь совместно и, как правило, общежительно. С особым интересом и тщанием относятся они к таким составляющим иноческой традиции, как Иисусова молитва, старчество, откровение помыслов, абсолютное послушание, сознательная духовная жизнь, регулярное причащение Святых Тайн – ко всему тому, что в обычных монастырях зачастую остается без достаточного внимания. Такая группа создает свой монастырь или же принимается в существующий и «обновляет» его. Случается, она достигает значительных успехов, в особенности если ее возглавляет одаренный лидер; состоять она может как из православных от рождения, так и из новообращенных, более или менее способных читать православные источники во всем их разнообразии (на греческом или на русском). У лидера, скорее всего, Православие будет «врожденное», пусть даже вся остальная группа и покажется типично «прозелитской» (особенно с точки зрения монахов существующих монастырей).

Хотя подвижники в таких условиях имеют хорошие виды на успешный и стабильный духовный рост, нельзя забывать и об угрожающих им опасностях. К таковым можно в первую очередь отнести потерю способности видеть свои внутренние недостатки за счет быстрых внешних достижений, ложную самонадеянность как следствие налаженного и дружного общежития, а также самодовольство и высокомерие в отношении к окружающим, которые уступают им в «истинности святоотеческой традиции». Если не преодолеть этих искушений, личная гордость каждого грозит перейти в смертельную болезнь, называемую коллективной гордостью: ее губительное действие протекает незаметно, потому что никто конкретно – в отдельности – в ней не повинен. В результате «обновленная» группа может настолько оторваться от всей остальной необновленной Церкви, что образует как бы собственную юрисдикцию или вовсе уйдет в раскол, вследствие своего преувеличенного интереса к «соблюдению правил». Чем менее такая группа проявляет себя в церковных дискуссиях и чем меньше пытается

она подчеркнуть свои претензии на «правильность» и отличие от всех остальных православных, тем больше у нее шансов остаться на верном пути.

Рассмотрев все три пути со своими искушениями и опасностями, не будет преувеличением сказать, что, несмотря на некоторые признаки внешнего процветания, в целом для православного монашества второй половины XX столетия характерны слабость, неустойчивость, отсутствие глубоких корней и незрелость, несформированность. Бывает, любой из описанных путей (как, впрочем, и другие, различающиеся деталями) приносит добрые плоды; но в наше время угроза поражения или впадения в самообман велика как никогда, и пренебрегать ею было бы крайне неразумно – в первую очередь тому, кто сам избрал такой путь.

Хотя цель монашества и вне этого мира, само по себе оно все-таки остается в мире и не может не отражать состояние последнего. Избалованное, самовлюбленное, эгоистическое молодое поколение, за счет которого сегодня в основном пополняется монашество (по крайней мере, на Западе), неизбежно приносит с собой весь свой «багаж» мирских взглядов и привычек, что, в свою очередь, неминуемо воздействует на монастырскую жизнь. Это воздействие можно ограничить беспощадным и неустанным противоборством; в отсутствие же сопротивления оно способно исподволь овладеть даже самым крепким монастырем.

Православному монашеству по существу его чуждо такое понятие, как комфорт. Дело монаха – не давать себе послабления, жертвовать собой, и душой и телом, ради чего-то высшего; но это в корне противоположно главному принципу современности, проистекающему из хилиастической фантазии о легкой жизни на земле. Сознательное сопротивление принципам и привычкам мирского комфорта – явление ныне редкое и небезопасное. Потому и неудивительно шаткое состояние нашего монашества: оно не может не отражать шаткости всей нашей сегодняшней православной жизни.

Прежнее поколение искателей монашеского пути на Западе могло рассчитывать только на свои собственные силы и

суждения: у него не было свободного доступа к подлинному православному иноческому наследию. Множество новообращенных, не имея ни должного руководства, ни твердых духовных и практических основ для монашеского подвига, пытались предпринять его самостоятельно (включая продолжительные посты, длинные молитвенные правила с земными поклонами, ношение вериг и т. д.), и даже пробовали «открывать монастыри». Попытки эти почти неизменно заканчивались неудачей: помимо всего прочего, они были слишком индивидуальны и изолированы, слишком далеки от живого Православия.

Сейчас, однако, положение переменялось: стало больше монастырей, больше книг, больше наставников, и тем самым православное монашество на Западе становится более или менее обычным делом. Немногие ныне рискуют вступать на монашеский путь в одиночку, не имея руководства и основных познаний. По крайней мере, извне Запад познакомился с православным монашеством; теперь разве что самые неопытные из новоначальных могут не знать, что требуется найти духовного отца, что ничего нельзя предпринимать (и особенно «открывать монастыри»!) без благословения и надзора со стороны опытного наставника, что следует остерегаться духовного самообмана – прелести. Поучения православных Отцов недавнего прошлого – в частности, епископа Игнатия Брянчанинова и епископа Феофана Затворника – охладили головы многих потенциальных жертв «монашеского романтизма»; такие адресованные верующим наших дней книги, как «Невидимая брань» или «Приношение современному монашеству», благотворно повлияли на тех, кто излишне увлекся высшими ступенями монашеской науки в творениях св. Исаака Сирина, св. Симеона Нового Богослова и других Отцов. Можно сказать, что устремления монашества стали более уравновешенными.

Прискорбно, однако, что эти знания и интересы в большинстве остаются поверхностными. Иисусова молитва, старчество, прелесть – все это скорее предмет для разговоров, нежели реальность плодотворного монашеского подвига. В

самом деле, возможно перенять все внешние признаки самого чистого и возвышенного иночества: беспрекословное послушание старцу, ежедневное откровение помыслов, продолжительные церковные службы или келейные правила с Иисусовой молитвой и земными поклонами, частое причащение Святых Тайн, сознательное чтение святоотеческих книг – причем исполнять это с ощущением внутреннего мира и гармонии на психологическом уровне – и при всем том не двигаться вперед на Уровне духовном. Возможно скрыть все свои неисцеленные страсти за фасадом формально «правильной» духовности, не имея подлинной любви ко Христу и к ближнему. Это, пожалуй, самое коварное искушение для современного монаха, по вине холодного сердца и разума всего нашего поколения. Пускай на Западе и насаждаются формы Православия и православного монашества, но где, скажите, их существо: покаяние, смирение, любовь к Господу нашему Иисусу и неутолимая жажда Его Царствия? Давайте со смирением признаем нищету нашего христианства, хладность нашей любви к Богу, пустоту наших духовных притязаний и положим эту исповедь в начале нашего монашеского пути, пути исправления. Нам, монахам последних времен, ведомы наши слабости и грозящие нам опасности; давайте же при виде их не терять мужества, но тем более сосредоточенно и смиренно молить Бога, да простит Он наши грехи и исцелит наши страждущие души.

На примере древней православной Галлии мы видим, что монашеский подвиг вовсе не есть что-то специфически «восточное»; напротив, он присущ всему христианству в целом и некогда с успехом практиковался на Западе. Учение восточных и западных Отцов православного монашества совершенно одинаково: для имеющих ухо слышать в нем открывается не что иное, как наикратчайший путь в Царствие Божие.

Далее, важная черта православных галльских иноков – это близость к истокам и неуклонное следование цели монашества. Они не позволяли себе увязнуть в формализме, в спорах о букве. Их ясность и целеустремленность вдохновляют нас вплоть до сего дня.

И, наконец, православная Галлия показывает нам, сколь тесно связано монашество со Святым Евангелием. Особенно последователен в этом св. Григорий Турский: каждое из написанных им житий открывается евангельским отрывком, и все поступки святых естественным образом берут начало в Евангелии. Какую бы сторону жизни православной Галлии он ни описывал – будь то писание икон, монашеские подвиги, поклонение святым мощам, – всем управляет единая всепроникающая и неизменная движущая сила: любовь ко Христу.

В самом деле, даже в наши дни шаткой веры монашество – это прежде всего любовь ко Христу, в чем и со стоит идеал христианской жизни, открываемый в скорбях и страданиях. Даже сегодня, чаще через терпение скорбей, чем за счет внешнего «соблюдения правил», удастся некоторым проникнуть в тайну этого земного рая, недоступного мирскому пониманию и воображению. Пусть эта книга поможет вам последовать их примеру и преисполнит всех любовью ко Господу, Иже воистину дивен есть во святых Своих.

Православие в Америке: прошлое и настоящее

Доклад на Зимней Свято-Германовской молодежной конференции 12(25) декабря 1979г. в Свято-Троицком монастыре, Джорданвилл (шт. Нью-Йорк)

Почему русскому читателю так важно узнать, что рассказывал молодым американцам о. Серафим про Православие в Америке почти четверть века тому назад? Можно указать этому несколько причин.

Первая причина – непосредственная. Русские должны знать историю своей Церкви, которая после революции в значительной мере разворачивалась за границей, среди русского рассеяния и окружающих народов. Свидетельство о. Серафима очень существенно для понимания происшедшего – и происходящего по сей день.

Вторая причина – радостная. Сегодняшняя Россия, вырвавшись из большевицкого застенка, после долгих и мучительных блужданий возвращается в Церковь, и русская молодежь, подобно ее американским сверстникам, остро нуждается в просвещении, в ликвидации христианской безграмотности. И не только, впрочем, молодежь. Третья причина связана со второй, но печальная. Выйдя на свободу, Россия получает сполна и от сладких, и от горьких ее плодов, о худшем из которых – ядовитом духе омирщения – так подробно говорит о. Серафим. Русские испытывают их пока в привычном виде – потеря совести, утрата дружбы, удушающая мерзость по телевизору, половое «воспитание» в школах, – а на Западе между тем распространяются новые, прежде незнакомые формы: вместо национализма – подчинение «международному сообществу», вместо любознательности и жажды знаний – массовый идиотизм, вместо свободы слова и мысли – «политическая корректность». О. Серафим не зря предупреждал американцев о потере горячо любимой свободы: сегодня учителя выгоняют с работы за Библию на рабочем столе, судью смещают с должности за табличку с Десятью Заповедями над креслом, а за демонстрацию у входа в

абортарий по федеральному закону дают трехлетний тюремный срок.

И наконец, четвертая причина – самая глубокая. Она состоит в том, что наша православная вера, независимо от места, времени, национальности, языка и обычаев, остается верою Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, истинным христианством, – если, конечно, мы исполняем свое многократное обещание «сами себя и друг друга и всю нашу жизнь отдать Христу». А если нет – то и говорить не о чем.

Иеродиакон Макарий

Иваново, 2002 г.

Сегодня мы собрались здесь чтобы почтить память Преп. Германа, первого святого на американской земле, Первого православного миссионера в Америке, который принес православную веру в Новый Свет. Совершая празд ник в его честь, давайте посмотрим, какие всходы дали посеянные им семена истинной веры: как росло и развивалось Православие в Америке, в каком состоянии оно сегодня и что ждет его – и нас, сегодняшних православных, – почти двести лет спустя.

Об истории Православия в Америке я скажу совсем коротко, чтобы основное внимание уделить нынешнему дню.

Американское Православие в прошлом

Все началось, конечно, с миссии самого преп. Германа и других монахов-миссионеров из Валаамского и Коневского монастырей, которые прибыли на Аляску в 1794 г. Если вспомнить о том, что их было всего восемь человек, и о тех препятствиях, которые им пришлось преодолеть, то уму непостижимо, как удалось им заложить твердые основы Православия на Аляске. Один из них, о. Иоасаф, был посвящен в епископы для распространения Православия в Америке, но он погиб на обратном пути из России, не успев даже приступить к своим обязанностям. Священников на Аляске было очень мало, преп. Герман не был священником, а местные русские власти не очень-то беспокоились, но в те годы крещены были тысячи местных жителей, и их потомки доныне твердо хранят Православие. Сам преп. Герман – его монашеский подвиг, проповедь, забота об осиротевших детях – был для Америки первым примером православной веры и благочестия, всего того, чем жила Святая Русь. И в этом – первый урок сегодняшнему дню, урок живого личного примера православной жизни.

Другим знаменитым православным миссионером был свт. Иннокентий. Его священничество и епископство – образец для православного миссионера: он переводил Евангелие на местные языки, заботился и о земной, и о духовной жизни своих людей на необъятных просторах Аляски и Алеутских островов. Позже, став уже Митрополитом Московским, он поддерживал миссионерство и в других краях.

В 1867 г. Аляска была продана Соединенным Штатам; хотя правительство России продолжало поддержку православных на Аляске, епархию перенесли в Сан-Франциско, и впервые началась миссионерская работа на английском языке. Выдающимся миссионером начала нынешнего столетия в Сан-Франциско был архимандрит Севастиан (Дабович), родом серб. Он умер в Югославии в 1940 г.; его книги о Православии до сих пор издаются на английском. Епископ Тихон (будущий Патриарх

Московский) тоже всячески поддерживал миссионерство среди американцев; кроме того, как и другие русские архиереи, он создавал миссии и среди иммигрантов из Сирии, из Сербии и пр.

Но уже в те времена стали проявляться слабости американского Православия. Америка – огромная страна, где православное население разбросано лишь небольшими островками; духовенство рассредоточено еще более, но что важнее всего – не было больше таких святых подвижников, как преп. Герман, кто бы сам, из первых рук, мог насаждать семена святости в американской почве. Далее, американцы коренным образом отличались от простосердечных алеутов, и почти все они уже принадлежали к тем или иным христианским вероисповеданиям. Все это послужило причиной ужасной болезни, зародившейся еще До 1917 г. и ясно видимой сегодня в православной Америке, – болезни омирщения. Снаружи православное духовенство стало все более и более напоминать обычных протестантских проповедников; изнутри забота была главным образом о замещении вакантных должностей на приходах, а об укреплении веры прихожан, о публикации православной литературы на английском языке, об открытии для неправославного мира, все еще способного слышать и видеть, неслыханного и невиданного на Западе сокровища истинного христианства, святой православной веры, – об этом речи не было.

Революция 1917 г. нанесла православному миссионерству страшный удар: пресеклась помощь из России, единая Церковь в Америке распалась на этнические юрисдикции, и духовенство осталось без помощи перед напором окружающего неправославного мира. Когда архиепископ Виталий в 30-х гг. прибыл в США в качестве правящего архиерея, он обнаружил, что американскому Православию грозит превращение в «протестантизм восточного обряда»: сохраняя кое-какие внешние признаки, по существу стать еще одной типичной для Америки протестантской церковной группой.

После Второй мировой войны, когда в Америке появилась новая волна русских иммигрантов и основанное архиепископом

Виталием Братство преп. Иова Почаевского переселилось из Чехословакии в Джорданвилл, впервые за все наше столетие возникла сила противодействия всеобщему омирщению. Но их влияние в основном ограничивалось Русской Зарубежной Церковью; другие юрисдикции сохраняли по преимуществу все то же мирское направление, отдаляясь от нас все более и более.

Стоит зайти в любую церковь такой модернизированной юрисдикции, чтобы увидеть, куда это направление привело: скамьи (по образцу современных западных церквей. – Пер.), нередко органы, сокращенные службы подчас с добавкой театральных эффектов, всевозможные уловки для стимуляции пожертвований, причем сплошь и рядом главное внимание – не духовной, а национальной стороне, включая и новейшую форму национализма: американизм.

Храмы нашей Зарубежной Церкви совсем другие: здесь вы не увидите ни скамей, ни органа; здесь чувствуется стремление следовать старинным образцам в иконографии и в декоративном искусстве; здесь благолепие прошлого. Влияние православной традиции видно и в одежде нашего духовенства, и даже в обычае носить бороду. Чтобы православный священник не брил бороду или носил на улице рясу, еще лет тридцать назад было в Америке почти немыслимо; и хотя это все внешняя форма, малозначительная на первый взгляд, она оказывает серьезное воздействие на склад ума и души. Теперь же мы видим, что кое-кто из духовенства других юрисдикции, возвращаясь к православным корням, тоже начинает носить рясы и бороды; по их собственным словам, они делают это под влиянием Русской Зарубежной Церкви, в которой они видят образец истинного Православия.

Наша с вами задача, однако, взглянуть глубже этих внешних особенностей и определить место нашего Православия в сегодняшней Америке, более того – найти путь к укреплению, очищению нашего Православия, к тому вечному образцу, который когда-то оставил нам преп. Герман.

А для этого нам необходимо прежде всего знать, кто наш главный враг: это, конечно, дьявол. Его цель – сбить нас с пути;

его самое верное средство на сегодняшний день – дух омирщения. Именно этим оружием подточено и ослаблено американское Православие, причем вовсе не только в других юрисдикциях. Дух омирщения – в самом воздухе, которым мы дышим; от него не укрыться. Смотрим ли мы телевизор, едем ли за покупками, идем ли по

улице – всюду он нас настигает. Во многих больших магазинах, к примеру, непрерывно звучит особого рода «музыка», бессвязный, беззаботный, навязчивый набор звуков, не дающий сосредоточиться и подумать о чем-нибудь серьезном. (Еще пару лет назад под Рождество кое-где она сменялась рождественскими мелодиями: сколь бы избитыми и примитивными они ни казались, контраст был ошеломляющим. Сегодня, кажется, с такими вольностями покончено. – Пер.)

Вся наша Церковь, и каждый из нас в отдельности, находится под ударом. От него не укрыться ни в больших городах, в кругу близких людей, ни в отдаленных поселках: все это лишь ослабляет внешние влияния, но без внутренней духовной борьбы мы, безусловно, обречены на поражение. Поэтому перед православными Америки – да и всего мира, конечно, – стоит главный вопрос: как сохранить и вырастить Православие наперекор всепроникающему духу омирщения?

А чтобы на него ответить, давайте зададим другой вопрос, на первый взгляд несколько неожиданный: что такое Православие? Но ведь если у нас нет на него четкого ответа, то мы не поймем, что же именно нам надлежит сохранять и растить. Итак:

Что такое Православие?

Вряд ли удастся определить Православие лучше, чем св. Тихон Задонский, русский святитель XVIII в. (Как нам не хватает сегодня его пламенного сердца! Нужно больше читать его – и следовать его словам.) Св. Тихон называл Православие Истинным Христианством и даже написал целую книгу под таким заглавием. Но «истинное христианство» – это отнюдь не только правильные взгляды и суждения: сами по себе они вам не помогут. В главе о Евангелии и вере св. Тихон пишет:

«Аще бы кто сказал, что истинная вера есть правое содержание и исповедание правых догматов, правду бы сказал: ибо верному неотменно нужно есть православное содержание и исповедание догматов веры. Но сие единое знание и исповедание не делает человека верным и истинным христианином. Содержание и исповедание православных догматов всегда заключается в истинной во Христа вере, но истинная вера во Христа не всегда заключается во исповедании православных догматов...

Знание правых догматов имеется в разуме; оно часто бывает бесплодно, надменно и возносливо... Истинная же во Христа вера есть в сердце; она плодovitа, смиренна, терпелива, любвеобильна, милосердна, человеколюбива, алчущая и жаждущая правды, от мирских похотей удаляется и единому Богу прилепляется, всегда к небесным и вечным стремится и ищет их, подвизается противу всякого греха и от Бога помощи непрестанно ищет».

Далее св. Тихон цитирует блаж. Августина: «Вера с любовью – вера христиан; вера без любви – вера демонов» (гл. 287). Апостол Иаков напоминает нам в своем Послании, что «и бесы веруют, и трепещут» (Иак. 3:19).

Таким образом, св. Тихон намечает основные вехи на подходе к Православию: это нечто живое и горячее (а не абстрактно-холодное), что относится к сердцу (а не только к разуму) и постигается всей жизнью (а не только изучением).

Каждого, кто всерьез принимает Православие, кто начинает восхождение к нему у себя в сердце, кто берется за Работу над собой, – того непременно можно отличить, так сказать, по аромату истинного христианства: он не похож на тех, кто живет одними интересами мира. Преп. Макарий Великий, египетский пустынник IV в., пишет в своих «Духовных беседах»:

«У христиан – свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои; инаковы же и образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное – христиане, иное – миролюбцы; между теми и другими расстояние велико... поскольку ум и разумение христиан всегда заняты мудрствованием о небесном, по общению и причастию Святого Духа созерцают вечные блага... У христиан другой есть мир, иная трапеза, иные одеяния, иное наслаждение, иное общение, иной образ мыслей» (Беседа 5: 1,4, 20).

Ниже я скажу пару слов о том, как православные должны усваивать этот иной мир и образ мыслей. Православие, истинное христианство, это не просто еще одно вероисповедание: это образ жизни, это жизненный путь, который отличает нас от мира и который полностью зависит от наполнения нашей повседневной жизни вечным, небесным содержанием.

Если ты православный и не отличаешься от мира – дело плохо: уж лучше бы ты не был православным. Нет горше зрелища, чем те, кто, владея сокровищем истинной веры – сокровищем, которое в наши дни ищут и не могут найти столь многие, – не знает ему цены, не имеет для него применения.

Расскажу вам об одной протестантской общине неподалеку от нашего монастыря в Северной Калифорнии. Мне думается, что это пример для нас или даже предупреждение, а более всего – напоминание о нашем долге и ответственности за то, что нам вручено истинное христианство.

У этой общины – простая и теплая христианская вера, без типичной сектантской ограниченности. В отличие от многих, у них нет доктрины о том, что они «спасены» и поэтому «свободны»; они верят в необходимость духовной борьбы и совершенствования. Они принуждают себя прощать друг друга

и забывать обиды; они принимают к себе бродяг и нищих и устроили для них специальную ферму, где их учат трудовым навыкам и ответственности. Иными словами, христианство для них – смысл и содержание всей их жизни. У них нет полноты Православия, но в том, что у них есть, они на верном пути: это добрые, любящие и боголюбивые люди. Мы должны следовать их примеру и превзойти их.

Приведет ли их такое христианство к спасению – ведомо Богу, а не нам: далеко не все в их жизни и вере согласно с тем, что передано истинной Православной Церквью от Христа и Его апостолов. Но в любом случае они напоминают нам о нашем наследии. Ведь, случается, наша молодежь, не зная об истинном сокровище Православия, уходит в такие протестантские группы, а то и гораздо дальше: среди девятихот жертв Джоунстауна (популярная секта «Нового века» совершила массовое самоубийство в Южной Америке в 1978 г. – Пер.) была дочка греческого православного священника.

Я говорю вам об этих протестантах, чтобы напомнить, во-первых, о том, как легко теряется духовное наследие, если не знать или забыть про него, а во-вторых и в-главных, о том истинном христианстве, которое есть у нас и отсутствует у них. Ведь не только наша молодежь уходит к ним: многие из них переходят в Православие. И что же в этом удивительного, спрашивается? Всякий, кто любит истину и всерьез ищет ее, должен увидеть посреди нас нечто говорящее о сокровище истинного христианства.

У нас в монастыре мы крестили несколько человек из той общины; в Церковь их зовет благодать, зовут Святые

Таинства, присутствие которых они чувствуют в Православии. А став православными и оглядываясь назад, они уже видят протестантизм совсем в ином свете: все то, что прежде виделось им таким живым и реальным, теперь оказывается довольно-таки пустым и поверхностным. Там им дают практические уроки на евангельском материале, которые скоро исчерпываются и начинают повторяться; здесь они обнаруживают неисчерпаемую глубину христианского духовного опыта, недоступную даже самым серьезным инославным

верующим. Сокровище Православия поручено нам, и мы обязаны научиться лучше его использовать. Это вопрос жизни и смерти – духовной жизни или духовной смерти – как для нас самих, так и для тех, кто вокруг нас еще способен услышать голос истинной веры.

Только что из окна вагона я оглядел всю Америку, весь ее неохватный простор и разнообразие. И мне вспомнилось, как преп. Серафим видел просторы русской земли, над которой, словно кафельный дым, поднимались к небу молитвы верующих. Тут, наверное, кто-нибудь запротестует: «Типичные фантазии новообращенного! Америка – это Америка, страна протестантов и безбожников. Православных здесь ничтожное меньшинство, мы замкнуты в себе и не имеем ни малейшего влияния на жизнь страны». Что ж, я вовсе не говорю, что мы «обратим» Америку: это было бы слишком самонадеянно. Но ведь и сам преп. Герман думал о том же. После первого «миссионерского съезда» на американской земле, когда монахи распределяли между собой территорию Аляски и спорили, кому достанется больше трудов, он написал в письме, что чувствовал, будто находится среди апостолов, распределяющих для проповеди всю тогдашнюю вселенную.

Однако совсем не нужно обращаться к таким возвышенным образам, чтобы увидеть, как молитвы могут вознестись к Господу и над Америкой. Достаточно нам самим – православным христианам – вспомнить, кто мы такие, всерьез отнестись к нашей вере и саму нашу жизнь сделать истинно христианской. Тогда мы станем отличаться от других, окружающие заметят это, заинтересуются, почему мы не такие, как все, и найдут у нас ответ на неразрешимые, как им казалось, вопросы.

В поезде у меня было несколько интересных встреч и разговоров о Православии, Я, конечно же, не раздавал брошюр по вагонам, но сам мой вид – в рясе, с крестом и с бородой – привлекал внимание. Сплошь и рядом это было праздное любопытство, что, впрочем, типично для сегодняшнего отношения к православным в Америке: маленький мальчик был убежден, что я Дед Мороз, а какая-то женщина назвала меня

«Аятоллой» (в это время происходила революция в Иране. – Пер.). Еще я повстречал несколько человек, которые должны были быть православными: женщину, замужем за греком, и еще мужчину, женатого на гречанке, причем ни муж, ни жена неправославные потому, что предки жены перешли в лютеранство, «чтобы быть, как все»: еще одна православная семья стала жертвой омирщения.

Но были и плодотворные встречи. Я рассказывал людям о Православии (о котором им до сих пор не приходилось слышать), поделился несколькими номерами нашего журнала. Вот одна из историй, особенно трогательная для православного сердца.

В тот день мы проезжали штат Вайоминг – пустую, промерзшую равнину, только стада антилоп там и тут, – и я разговорился с серьезным молодым человеком. Он обнаружил, что «харизматическое» христианство – не от Бога, и теперь повсюду искал истину. Успев уже разочароваться в римском католицизме и различных протестантских исповеданиях, он взялся учить русский язык, чтобы поехать в Россию и послушать, что скажут те, кто страдает за веру. «Уж там-то, наверное, все всерьез», – надеялся он, видя крутом столько религиозного лицемерия. Он подробно расспрашивал меня обо всем, от православной догматики до обычаев и нравственного учения; потом прочитал главу о харизматическом движении из нашей книжки «Православие и религия будущего» и подтвердил, что она точно соответствует его собственному опыту, который он сам не умел выразить. Вот вам ситуация, когда Православие, истинная христианская вера, может буквально спасти человеческую душу, доведенную до отчаяния бессильным западным христианством. Посеяно еще одно семя; пускай не весь Вайоминг, но хоть кто-то здесь станет православным.

Снова и снова убеждаемся мы, что Православие, по определению св. Тихона, это и есть истинное христианство, необходимое сегодня, как никогда. Это бесценное наше богатство не может лежать без дела. Совсем не обязательно ходить по домам, как «Свидетели Иеговы», или проповедовать

на улицах. Наша вера найдет себе естественное внешнее выражение, коль скоро мы станем работать над ней, коль скоро мы предоставим ей возможность изменить нашу жизнь.

Вот что я услышал недавно от одного искренне верующего человека: «Православие – это истина, но она слишком сложна для нашего времени. Поэтому я мало с кем говорю о Православии». В этих словах есть зерно правды: Православие действительно гораздо сложнее западных вероисповеданий, но тем не менее каждый, в ком есть стремление к живой, требовательной вере, способен принять его. Так что надо гуще сеять, чтобы был богаче урожай. Но прежде всего надо обратиться к своей собственной жизни и в самом центре ее поставить и укрепить истинную православную веру.

Вглубь Православия

Как этого добиться? В какой-то мере ответ известен каждому, кто не удаляется от Церкви и ее учения: ходи на службы, храни веру, причащайся Святых Даров, читай православные книги. Но, бывает, люди делают все это почти механически, не углубляясь в Православие.

Ходить в церковь и соблюдать внешнюю форму Православия – этого мало: надо еще ясно отдавать себе отчет во всем, что бы вы ни делали. Если вам приходилось говорить с протестантами или атеистами, которые всерьез хотят узнать о православной вере и обычаях, вы согласитесь с тем, как это важно. Ведь, отвечая на их вопросы, вы можете хотя бы слегка приоткрыть им глубину Православия и тем самым, по существу, спасти их души. Почему вы осеняете себя знаком Креста? Почему вы молитесь святым? Почему у вас в церкви стоят или кланяются до земли? Почему у вас всегда поют «Господи, помилуй»? Что такое Причастие? Почему вы рассказываете о своих грехах священнику? Особенно в наши дни, когда вокруг нас столько не знакомых с истиной, но упорно ищущих ее людей, нельзя допускать, чтобы все это происходило просто по привычке: мы должны уметь, по словам апостола Петра, дать отчет обо всем, во что мы верим и что делаем. Задавайте вопросы, читайте, разбирайтесь в церковных службах по книгам – тем или иным путем, но углубляйте свои знания.

Далее, недостаточно изучать Православие: необходимо буквально пропитываться им. Преп. Серафим учил, что христианин должен «весь как бы погружаться в Закон Божий»; это требует от нас гораздо большего, чем думают некоторые. Но нельзя, конечно, хвататься за все сразу. Если вы ходите в церковь по воскресеньям, начинайте бывать на всенощной по субботам и в канун праздников; если вы поститесь Великим постом – постарайтесь попасть на замечательные великопостные службы – Литургию Преждеосвященных Даров, Андреев канон, Похвалу Пресвятой Богородицы.

И еще очень важная вещь: надо читать. Иоанн Златоуст говорит даже, что без чтения духовных книг невозможно спастись. Почему так? Все дело опять-таки в мощном влиянии мира, которому мы бессознательно подвергаемся день за днем и час за часом: мы неминуемо поддадимся ему, если не будем сознательно сопротивляться, наполнять свой разум и сердце христианскими образами. Для этого есть множество книг, и на русском, и на английском. Прежде всего, конечно, Священное Писание и его православные толкователи. Далее, жития святых и современных подвижников; «Моя жизнь во Христе» прав. Иоанна Кронштадтского; «Невидимая брань» в изложении Никодима Свято-горца и Феофана Затворника; «Душеполезные поучения» аввы Дорофея; «Духовные беседы» Макария Великого; богослужебные книги, все в большем числе выходящие на английском языке; «Лавсаик» с житиями пустынников, чьи слова звучат сегодня так же свежо и верно, как и полторы тысячи лет назад; жизнеописания новомучеников России; «Единое на потребу» архиепископа Андрея (Рымаренко). Все эти книги и множество других вы можете купить в монастырском книжном магазине. Они вносят изумительную ясность в душу каждого, в ком есть хоть искра живой веры, они раскрывают дверь навстречу свежему ветру невидимого мира, без которого душа чахнет и гибнет.

Но, разумеется, стержень углубления веры – это целительные средства церковного покаяния и Святой Евхаристии, которые вы должны принимать во всей возможной полноте, как рекомендует вам священник. А вместе с ними и каждодневные проявления христианской любви: пожертвования на церковные нужды, помощь больным и бедным. Если вслед за вашими добрыми делами идет и сердце, то они помогут вам защититься от омирщения, подняться над этим временным миром к Небесному Царству.

Есть, конечно, и обратная сторона у нашего движения в глубь Православия: чего надо избегать, чему сопротивляться. Когда невидимая брань станет для вас реальностью, когда вы убедитесь в том, что христианство у вас в душе терпит непрестанные удары невидимых врагов, особенно через дух

омирщения, вам станет ясно, с чем именно в вашей жизни никак нельзя мириться и с чем надлежит бороться в первую очередь. Но эта борьба сильно облегчается всеми благодатными, вдохновляющими элементами христианской жизни, о которых мы говорили выше. Мы не имеем права забывать, что окружающий нас мир в значительной мере подчинен дьяволу, «князю мира сего», и что его главное оружие против нас – это наше пристрастие к земному. Но если мы остаемся православными и не отступаем в борьбе, мы получаем от Бога Его благодать, только она способна оторвать нас от земли и поднять в небо.

Некоторые предостережения

Теперь давайте поговорим об опасностях, подстерегающих нас на пути к живой и глубокой православной вере. Слушая наши разговоры, можно было бы подумать, что достаточно разгореться ревностью о Православии, как дело сделано: ты уже в Царствии Небесном. Но, к сожалению, у нас есть противник – дьявол; стоит нам сделать шаг – и он тут как тут. Я расскажу о трех направлениях, откуда можно ждать его удара; это поможет к тому же лучше понять, что такое истинное христианство. Первая опасность подстерегает того, кто начинает читать православные книги, увлекается ими, но ошибается в применении прочтенного к своей собственной жизни. Свт. Игнатий Брянчанинов (которого вместе со свт. Феофаном Затворником можно назвать путеводной звездой для нынешнего века) написал книгу под заглавием «Приношение современному монашеству», к его словам должен прислушаться каждый православный нашего времени. Он предостерегает неопытных читателей от излишнего увлечения примерами из жизни Святых Отцов и подвижников, иначе, пишет он, «несбыточная мечта о совершенстве» затмит, заслонит собой скромные задачи повседневной христианской жизни (гл. 10).

Это крайне распространенный недуг. Мы думаем об отшельническом подвиге, а рядом, прямо перед носом, кто-то попал в беду, но чтобы помочь – это в голову не приходит. Или же «с позиции возвышенного христианства» начинаем поносить других, забывая о христианской любви и доброте, без которых всей нашей «возвышенности» грош цена. Необходимо научиться на опыте, как применять святоотеческое учение и само Святое Писание к нашему уровню и практическим обстоятельствам. Духовная жизнь – не теория, не алгоритм. Все, что мы узнаем в Православии, должно войти, вращаться в нашу жизнь. Бывает, мы читаем об исихазме и Иисусовой молитве, с усердием произносим ее – и остаемся по-прежнему слепыми к своим собственным страстям и глухими к нуждам ближнего, а ведь это надо было надежно усвоить, прежде чем приступать к исихазму.

Каждый должен читать книги по своим силам и уровню подготовки (те, что я перечислил выше, подходят для начинающих), читать без фантазий, со смирением, с ясным сознанием того, насколько мы сильно подвержены влиянию мира и насколько далеки от христианского совершенства. Вторая болезнь современного Православия тесно связана с первой: это болезнь «соблюдения правил». В какой-то мере это естественная реакция всех тех, у кого только что открылись глаза на христианскую веру и духовную жизнь: чем больше они узнают о православном учении и обычаях, тем яснее им становятся заблуждения и ошибки их прошлой жизни и тем сильнее желание исправиться. Это, разумеется, похвально, хотя поначалу одолевает формализм и возникает множество новых ошибок из-за гордости (которую всем нам так трудно в себе обнаружить). Но если вы твердо уверены в своей собственной правоте и постоянно поправляете других, если вы направо и налево цитируете каноны в доказательство чужих нарушений, если неизменно оказывается, что вы все знаете лучше других, – вы заразились вирусом «соблюдения». По этим симптомам распознается духовная незрелость, и в нормальных условиях они проходят сами собой по мере духовного роста.

К сожалению, однако, в наше время, когда дух омирщения отравляет даже церковную жизнь, многим грозит хроническая, неизлечимая форма «соблюдения правил». Теперь это уже не только болезнь новообращенных: епископ Киприан (ныне митрополит Оропско-Филийский. – Пер.), один из достойнейших архиереев Греческой старостильной Церкви, свидетельствует о неисчислимом ущербе, который «соблюлательство» причинило греческому Православию в виде нескончаемых ссор и расколов. Такие борцы за «Православие» могут смело принять на свой счет замечание русской старушки об одном активисте из новообращенных американцев: «Православия-то у него хоть отбавляй, вот только христианства не видно...»

У «Православия без Христа» есть другое, более распространенное название: фарисейство. Для фарисея, с головой ушедшего в формализм, в букву церковных законов, исчезает связь с их животворящим духом, духом истинного

христианства. Я не хотел бы критиковать никого в отдельности: все мы так или иначе страдаем от этой болезни. Моя цель – предупредить вас об опасности, предостеречь от потери контакта с бесценным сокровищем, которое Церковь сохранила для нашего спасения вплоть до нынешних зловещих времен.

Даже в умеренной, не самой злокачественной форме, дух «соблюдения ради соблюдения» оказывается совершенно бесплодным. Приведу вам в пример одного нашего доброго знакомого, афонского монаха из числа так называемых зилотов. В целом, по сравнению с прочими, он далек от фанатизма: признает благодатность Святых Таинств православных церквей нового стиля, принимает благословение от нашего духовенства и пр. Однако что касается основного зилотского принципа о литургическом общении, он соблюдает его совершенно неукоснительно, а именно: избегает общения не только с теми епископами, которые уклонились от православной истины (как, например, Константинопольский патриарх), и не только с теми, кто общается с ними, но также и со всеми теми, от кого так или иначе, через любое число промежуточных звеньев, можно протянуть к ним цепь общения. Тем самым, например, вся Русская Зарубежная Церковь в его глазах оказывается «зараженной» за счет случаев литургического общения с другими православными церквями; поскольку в наше время желаемая им степень «чистоты» практически недостижима, он состоит в общении только со своим священником и небольшой группой афонских монахов: вся остальная Православная Церковь, по их мнению, «загрязнена».

Что ж, быть может, и вправду осталась на земле всего только горстка хранителей совершенно «строного» и «чистого» Православия; но чтобы во всем мире было лишь с десятков православных христиан, с кем можно поддерживать единство веры и Святого Причастия, – этого, безусловно, не может быть. Ясно как день, что это тупик, даже если разум и согласится с таким формальным Православием, верующее сердце никогда не примет его – в нем нет места подлинной христианской жизни. Нужно найти способы поменьше беспокоиться о «соблюдении» и побольше – о самой сущности Православия.

И в частности болезнь «соблюдения правил» тоже дает о себе знать. Хорошо, что мы предпочитаем иконы традиционных византийских образцов, но плохо, когда мы демонстрируем пренебрежение более современными иконами живописного стиля, которые еще сохранились у нас во многих церквях. То же самое должно быть сказано и о церковном пении, об архитектуре, о правилах поста, о коленопреклонении и пр. Стараясь по возможности придерживаться принятых правил, мы обязаны помнить, что это внешние стороны Православия, они имеют смысл лишь тогда, когда за ними – дух истинного христианства, о котором говорит св. Тихон. Антихрист в повести Вл. Соловьева, чтобы привлечь к себе православных верующих, открывает музей христианских древностей. Не исключено, что и облик самого Антихриста (Откр. 13:14) будет выдержан в строго традиционном византийском стиле, стоит поразмыслить над такой печальной возможностью.

И наконец, третья опасность: о ней я упомяну лишь вкратце, потому что для нашей Церкви она, к счастью, не характерна. Речь идет о так называемом харизматическом движении, претендующем на «стяжание Святого Духа» по той или иной протестантской методологии. Здесь столько надутого самодовольства, столько знакомых по православным источникам признаков духовного самообмана (пре-лести), что и говорить об этом не стоит: с Православием тут мало что найдешь общего.

Несколько примеров истинного христианства

Разобравшись с этими предупреждениями, давайте возвратимся к нашей основной теме и посмотрим, что дает нам сегодня Русская Зарубежная Церковь, чтобы мы могли лучше узнать, оценить и употребить в дело наше сокровище Православия.

Путь распространения православной веры мы называем «традицией» – преданием. Это значит, она не просто усваивается из проповедей и книг, она передается – от отца к сыну, от старшего поколения к младшему, от одних верующих к другим – в каждодневном молитвенном общении. Если мы постоянно общаемся с живыми носителями традиции, болезнь

«соблюдения правил» нам уже не так страшна: традиция нас поправит. Но это не значит, конечно, что нужно принимать на веру все, что мы слышим от благочестивых с виду людей; в случае сомнений и разногласий надо обращаться за помощью к Отцам Церкви и всеобщему церковному преданию.

Некоторые из тех, кого принято называть носителями традиции, сообщают нам нечто особенно важное. Я упомяну из них лишь троих: двое, хорошо знакомые кое-кому из слушателей, уже умерли, третий пока жив. Все трое так или иначе связаны с Россией, с ее страданиями под ярмом богоборческой власти, и это, разумеется, не случайно.

Первый – владыка Андрей (Рымаренко), архиепископ Ново-Дивеевский; он умер в прошлом году, без остатка отдав Церкви свою долгую и плодотворную жизнь. Когда в России разразилась революция, он был совсем еще юношей, и ему пришлось переосмысливать свою молодую жизнь в новых условиях. Для чего жить и к чему стремиться, если разрушены все основы нормального бытия? С детства он помнил тепло православной веры; теперь он снова стал искать ее, но не мог найти до тех пор, пока сам не убедился: нужно искать гораздо глубже, не минуя страданий по дороге к цели.

Достоевский углубил его мировоззрение; неправославная христианская группа показала ему пример горячей веры, но не заполнила пустоту в душе. Наконец один священник раскрыл ему смысл, существо церковных служб и обрядов. Он стал читать Отцов Церкви и ожил, вернулся к жизни из пропасти отчаяния. Вот тогда-то повстречались ему последние Оптиные старцы: Нектарий, который научил его, что истинное благочестие – это благая честь всему, что Богово, и Анатолий, который дал ему книжку св. Тихона «Об истинном христианстве» и велел жить по ней.

И с тех пор, где бы он ни был – в Советской России, в Германии, в Америке, – повсюду целью его было создать среду той живой христианской веры, которая спасла его самого и могла спасти других. Он видел, что наша христианская жизнь в значительной мере поверхностна и теплохладна, и всегда старался пробудить в нас подлинную внутреннюю

православную веру, горячую, с глубоким и точным смыслом. «Парниковое христианство», какое-то облако приятных ощущений вместо непрестанной борьбы и стремления к истине, было ему глубоко противно. Да и нам, новообращенным православным, тоже недалеко до такого «парникового христианства». Мы будем жить возле церкви, где хороший священник служит по-английски, ходить регулярно в церковь, принимать Святые Тайны, даже принадлежать к «правильной» юрисдикции – и все же оставаться холодными, бесчувственными, бесплодными, надменными, точно как сказал св. Тихон. Такими мы и останемся, раз у нас нет того жара, той готовности к борьбе, о которой говорил владыка Андрей. Как-то раз, только заподозрив одного молодого человека в том, что тот начал сползать в этом направлении, владыка схватил его за плечи и буквально начал трясти, со словами: «Не смей быть лицемером!»

Недавно вышедшая книжка «Возрождение православного образа жизни» подробнее расскажет вам про владыку Андрея и его православную философию: Православие – дело жизни и смерти, без полного напряжения всех сил души оно невозможно. Если Православие служит в качестве источника приятных ощущений – это не Православие.

Другой замечательный человек долгие годы жил прямо здесь, в Джорданвилле. Я говорю о философе Иване Михайловиче Андрееве. Подобно многим своим интеллигентным современникам, в годы революции он держался либеральных взглядов; лишь постепенно, лет за десять, возвратился он к Православию и открыл в нем для себя философию жизни, недоступную западным школам. Поездки в Саров, в Дивеево и в другие русские монастыри, как раз перед тем, как большевики уничтожили их, укрепили, углубили его молодую веру. Потом, в страшные двадцатые и тридцатые годы, сделав свой выбор в пользу истины, он оставался в Катакомбной Церкви.

У Андреева был тонкий философский ум, но, что главное, у него было живое православное сердце, полное боли за всех тех, кто теряет веру, любовь к Богу и ближнему. Как-то в Нью-

Йорке молодая мать зверски убила своего маленького ребенка; в статье под названием «Плачьте!» Андреев написал следующее:

«Все виноваты за каждого, и каждый – за всех... Пусть каждый подумает о себе... что вы делали в тот вечер, когда совершилось это немыслимое, но вполне реальное зло? Может статься, это ваш грех, ваша безнравственность или злоба оказалась той последней каплей, которая переполнила чашу зла. Именно так мы обязаны думать, если мы хотим быть христианами... Плачьте, братья и сестры! И не стыдитесь своих слез... чтобы они стали для вас источником противоположной энергии, энергии добра, которая противодействует энергии зла... и пробудили многих равнодушных»,

Андреев доказывает нам, что без живого, сострадательного сердца мы не имеем права называться христианами.

Наконец, третье имя – о. Димитрий (Дудко), который живет в России. Он родился уже после революции; к Богу привели его мучительные годы большевицкого атеизма и восьмилетний лагерный срок. Последние его выступления с особенной силой поддерживают нас, православных за пределами России. Пускай мы расходимся с ним по ряду богословских вопросов, но сердцем своим он полностью наш, полностью православный. У о. Димитрия – то же горячее сострадание, которого Андреев не смог найти на Западе; та же целеустремленность в духовной борьбе, которую проповедовал владыка Андрей. Однажды, во время беседы после всенощной, как записано в его книге «Наша надежда», кто-то спросил о. Димитрия: «Скажите, христианство на Западе, в свободном мире, не лучше ли оно нашего, русского?» – «Нет, – ответил он, – там христианство с комфортом, от него многого не жди. В России, где мученики, где страдания, – тут и Воскресение, тут и новая жизнь».

Если вдуматься в слова таких учителей Православия, как владыка Андрей, профессор Андреев или о. Димитрий, может показаться, что наше дело совсем безнадежно: слишком уж мы изнеженны, расслаблены, невнимательны, поверхностны... Что ж, в некотором смысле даже полезно так думать: по крайней

мере, есть шанс проснуться и подняться в бой. Эти горящие души протрубили для нас тревогу.

В ответе за дар свободы

Мы живем в благодатных условиях мира и свободы, и это опасно для нас. Вокруг нас – сокровища Святого Православия, спасительные сокровища, каких нигде больше нет, а мы с чувством полного удовлетворения остаемся совершенно бесплодными. Если встречается препятствие на нашем православном пути – надо только радоваться: впереди борьба, а вместе с ней – и надежда, что мы не зачахнем, не погибнем.

Мы часто впадаем в характерное заблуждение. Нам кажется, «вот если бы мне куда-нибудь уехать, переменить обстановку – тогда у меня все наладилось бы...», но смысла в этом, как правило, никакого. Начинать надо прямо здесь, прямо сейчас. Чем это труднее, тем лучше: преодоление трудностей, борьба за веру – этого нам как раз больше всего не хватает.

Но в нашей ситуации есть и положительные возможности, и надо ими пользоваться. Вам, наверное, известно, что сейчас у нас расширяются контакты с православными в России; мы все больше, все лучше узнаем о том, что там происходит. Возьмите, например, книги о. Димитрия (Дудко) или его информационный бюллетень. Есть и на Западе источники сведений о России: «Православный наблюдатель» о. Виктора (Потапова), «Кестон Ньюз», «Помощь Русской Церкви» и пр. Старайтесь побольше узнавать о тех, кто страдает за веру в России, и молитесь о них. Знаете ли вы, например, про монахиню Валерию – ее арестовали и заперли в сумасшедший дом за то, что она продавала пояски с вышитым 90-м псалмом «Живый в помощи Вышняго»? Или про румынского священника о. Георгия (Кальчиу) – его посадили в тюрьму за проповеди? Или про Александра Огородникова – он сидит за кружок христианской беседы? Про Владимира Осипова, русского патриота и издателя нелегальной литературы? Про о. Василия (Романчука), Сергея Ермолаева, Игоря Огурцова – списку нет конца. Надо начинать молиться о них, о тех, кто страдает за веру.

И не только молиться. У нас есть их тюремные адреса, можно им писать. Пусть даже наши письма не дойдут до

адресатов, до тюремного начальства они точно дойдут, и обращение с заключенными, у которых есть «друзья за границей», заметно улучшится. Группа «Православное действие» посылает церковную литературу по почте в обычных конвертах. Можно даже передавать книги. Можно писать о. Димитрию (Дудко): письма иногда доходят до него, и он отвечает. Любая помощь пойдет на пользу, каждый может сделать хоть что-нибудь. Мы тут на Западе привыкли к бездействию; настало время очнуться и помочь тем, кому приходится плохо.

И не только им, но и себе. Мы должны многому учиться у верующих России и других коммунистических стран. Не хочу ни в коем случае пугать вас, но нельзя забывать про такую возможность: что сегодня происходит у них, то вскорости, в той или иной форме, будет и у нас. В наши дни Антихрист ближе, чем когда-либо, и советская действительность – уже не диво, а норма нашего времени. Здесь, на Западе, мы как в сказочной стране дураков: но раньше или позже – скорее раньше, чем позже, – сказке придет конец.

К этому надо готовиться – не запастись консервы, как некоторые наши наивные сограждане, а всерьез, с полным православным пониманием происходящего. Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что с вами будет в концлагере, в одиночке, в карцере? Вы попросту сойдете с ума, если ваш разум не готов к такому испытанию, если в нем нет правильного заряда. А чем заряжен ваш разум? Если там только земные, мирские образы и понятия, если ваша жизнь катится день за днем без мысли о Христе, о Церкви, о сути Православия и вдруг вы попадаете в одиночную камеру – нечем заняться, некуда пойти, ни кино, ничего, только голые стены, – вам не выжить.

Об этом есть очень интересная проповедь Рихарда Вурмбранда, румынского пастора-протестанта. Когда мы лишены всех книг, вообще всех внешних источников информации, мы вынуждены полагаться только на свой внутренний «багаж». Пастор Вурмбранд говорит, что отрывки из Библии, которые он знал наизусть, мало чем помогли ему в тюрьме; не много помощи было и от формального знания

христианских истин. Но если у нас в душе, в самом сердце – Христос, мы найдем, что делать. Можно не помнить весь церковный календарь, но, вспоминая нашу повседневную жизнь, мы вызовем в памяти основные события годового богослужебного круга: что сохранится в сердце, с тем мы и останемся. Какие из молитв и песнопений мы сумеем запомнить, те нам и будут в помощь: день за днем нам придется читать и петь одно и то же.

Нужно, чтобы было, за кого молиться. Русское рассеяние дает для этого превосходную возможность: мысленно перемещаясь по планете, с материка на материк, из страны в страну, мы можем молиться обо всех, даже не зная их имен, – о епископах и игумениях, о приходах и священниках, и русских, и миссионерских, о монастырях на Святой Земле, о заключенных в России, в Румынии и в других странах под ярмом коммунизма, о миссионерах в Африке, где столько трудностей и бед, об афонских монахах, о православных в Греции, которых преследуют за старый стиль. Чем больше вы о них знаете, тем больше вам будет помощи, когда на вас самих накатит беда, тем больше у вас будет друзей в камере одиночного заключения.

У нас, как говорит Андреев, каждый за всех и все за каждого: мы остаемся христианами в мире, где воцарилось безбожие, – пусть даже нас и преследуют еще не всюду.

Каждый христианин получает от Бога свой дар – талант, за который потом нужно перед Ним держать ответ. В Советской России этот дар – страдание за Христа и верность Ему среди гонений. У нас же, в свободном мире, этот дар – сама свобода; она дается нам для исповедания нашей веры и для углубления в нее благодаря доступности и изобилию православных источников. Но мы обязаны при этом, чтобы наша православная вера была истинным христианством, как определил его св. Тихон: Православие сердца, а не одного только ума. Для такой веры требуется время, требуется страдание, терпение, духовный опыт, но более всего требуется наша собственная решимость. Если каждый из нас серьезно и сознательно положит у себя в сердце такую решимость, посреди нас будет

то самое возрождение истинного христианства, о котором пишет из России о. Димитрий (Дудко).

Под конец хочу напомнить вам слова преп. Германа, чью память мы сегодня празднуем и чьи целеустремленность и решимость так хорошо нам известны. Однажды, беседуя с офицерами на военном корабле, он спросил, что они любят больше всего, а затем пристыдил их, заметив, что самая большая любовь подобает к одному только Богу, Беседу свою он окончил знаменитыми словами, которые сегодня можно найти на многих его иконах: «Давайте же, от сего дня, от сего часа, от сей минуты, любить Бога пре выше всего». Как просто – и как точно для всех нас, Да укрепит нас в этом Сам Господь, молитвами святого Своего преп. Германа. Аминь.

В поисках православия

Лекция для слушателей летней школы в монастыре преп. Германа Аляскинского в Платине (шт. Калифорния) в 1981 г.¹⁰

I. Введение

О поисках Православия в наши дни говорит само число собравшихся здесь слушателей: те, что еще не нашли его, продолжают искать, а те, что уже нашли, ищут путей вглубь.

Наше время – вторая половина XX в. – это время духовных поисков. Люди недовольны тем, что имеют, – теми или иными формами христианства, нехристианскими религиями, безверием и атеизмом. Вопреки всему в людях живет надежда, что есть другая жизнь, другая духовная реальность, помимо той, что известна им из повседневного опыта. И все чаще они находят ее в Православной Церкви.

1. Жители Уганды, Кении, Танзании, Заира и других африканских стран, где действуют православные миссионеры, убеждаются, что «истинная древняя вера» – это именно Православие, а вовсе не секты и культы, наводняющие сегодняшнюю Африку.

2. Молодежь советской России и других коммунистических стран после долгих лет атеистической тирании и удушья находит в Православии источник живительного кислорода и ключ к своему историческому прошлому.

3. Молодые греки, обнаруживая идеал православного монашества посреди мертвящего омирщения современной Греции, наполняют афонские монастыри.

4. Американцы, как младшего, так и старшего поколения, разочаровавшись в поверхностных и произвольных доктринах современного протестантизма, открывают глубины истинного христианства в Православии.

5. Римо-католики, по мере развала ватиканского церковного здания, убеждаются, что в Православии полностью воплощена та идея Истинной Церкви, которую они в простоте сердца приписывали Риму.

6. Еврейская молодежь, и в советской России, и на Западе, все чаще принимает крещение в Православной Церкви как выход из духовного вакуума окружающей их современной еврейской среды.

И многие другие ищут православную веру в наши дни. Что означает это для нас, православных, уже пришедших к святой вере? Мы обязаны помнить про этих искателей, обязаны знать про это движение к Православию, которое охватывает сегодня буквально всю нашу планету. Оно еще не слишком сильно, кое-где едва-едва заметно, но уже становится одним из знамений нашего времени. Оно и вдохновляет нас, и отрезвляет; оно способно помочь православным выдержать страшные испытания нынешних и будущих времен.

Давайте посмотрим на него внимательнее и выясним, чему оно учит нас, а также – что еще более существенно, – чем мы можем откликнуться и помочь ему.

II. Движущие силы

Какие факторы воздействуют на людей столь разных наций и континентов в их движении к Православию?

1. Корни

Поиски собственных корней стали нормой для современного человека. В России этот процесс очевиден; он связан с национальным возрождением русского народа после шести с лишним десятилетий безбожия и разрушения русских святынь. Возвращаясь к прошлому, которое скрыто сегодня безбожной властью, человек неизбежно открывает для себя Православие.

Примерно то же самое, хотя и в меньших масштабах, происходит сегодня и в Греции. Молодежь, отвергая западное влияние, отравляющее греческое общество вот уже более ста лет, обращается к православному прошлому Греции, и в первую очередь к центральному устою православной жизни – к монашеству.

Но Африка?.. Какие могут быть православные корни у африканцев? Однако, сколь бы это нас ни удивляло, Православие – вместе с другими христианскими исповеданиями – распространяется в Африке быстрее, чем где бы то ни было, и в недалеком будущем Африка, возможно, станет ведущим христианским континентом и по количеству верующих, и в еще большей степени по качеству их веры.

Тертуллиан, знаменитый церковный писатель древности (кстати, африканец по происхождению), заметил, что душа человека по природе своей – христианка. Это подтверждается той энергией, с которой некогда языческие африканские племена обращаются сегодня к христианской вере, которую к югу от Сахары проповедуют не больше ста лет. И если римокатолицизм и различные формы протестантизма находят себе здесь много приверженцев, то те, кто ищет подлинные корни христианства, обнаруживают Православную Церковь.

Возможно, вам незнакома история двух англиканских семинаристов из Уганды: еще в 20-х гг., изучая историю Церкви, они пришли к заключению, что именно Православие представляет собою «истинную древнюю веру», от которой произошли все современные западные исповедания и секты. В

наши дни церкви Уганды, Кении и других стран Восточной Африки служат примером плодотворных поисков Православия. Не получая почти никакой помощи извне, они раскрылись в полноте православной веры, избежав тех ловушек, в которые попадают многие новообращенные православные Запада. Ниже об этом пойдет речь более подробно.

Что касается Америки, то и здесь стремление к корням очевидно, продолжающееся дробление христианства на секты, растущие вероучительные и практические разногласия за счет индивидуальной трактовки Священного Писания и христианского образа жизни – все это указывает на необходимость возврата к исходному, неразделенному христианству, то есть к Православию. И за последние годы протестанты все чаще стали приходить в Церковь. Есть даже целая организация под названием «Евангелическая Православная Церковь»; она прошла долгий путь от протестантизма в стиле Билли Грэма до глубокого осознания потребности в Святых Таинствах, церковной иерархии, исторической связи с древней Апостольской Церковью и всего того, что содержит в себе Православие. Эта группа занимает немалое место в сегодняшней Америке, и православные верующие способны им помочь. Как именно – будет сказано ниже. (Впоследствии члены Евангелической Православной Церкви приняли Православие. – Пер.) Итак, в разных местах и на разных направлениях люди сегодня ищут и находят корни христианства в Православии. Все то, к чему мы привыкли, что мы воспринимаем как должное, оказывается для них ошеломляющим открытием: дивный строй наших богослужений, восходящий к древности, приспособленный к потребности человеческой души поклоняться Господу в духе и истине; духовная глубина творений Святых Отцов; непрерывность самой нашей связи с прошлым, поскольку мы берем начало не от какой-то недавней исторической фигуры, а от Христа и Его Апостолов, и рукоположение наших священнослужителей сохраняет прямое апостольское преемство. Если мы сами, кому вручены все эти корни, ведем при этом сознательную христианскую жизнь, мы можем оказать колоссальную помощь

тем, кто, отказавшись от «персональной трактовки Писания», всем сердцем ищет «истинную древнюю веру» – Святое Православие.

2. Постоянство

Стремление к корням соединяется со стремлением к постоянству православной веры.

На фоне бурлящей изменчивости сегодняшних сект и конфессий и даже некогда монолитного римо-католичества, которое все шире пересматривает свои основы, само по себе постоянство вероучения и жизненных правил Православия на протяжении многих столетий служит красноречивым свидетельством наших апостольских корней и неуклонного стояния в истине, ненарушимого «всяким ветром учения».

Хотя в нашей православной среде есть свои немалые трудности с модернизмом и экуменизмом, но даже и при них такие популярные в наши дни предметы, как новая нравственность или ситуационная этика, в Православии совершенно немыслимы; «джазовые мессы» и прочие безобразия, совершаемые ради «приближения христианства к духу нашего времени», не смогли бы проникнуть ни в одну православную общину. Вспомним, что, когда в России в 20-х гг. при поддержке коммунистических властей началось церковное обновленчество с той же целью – «приспособить» Церковь к «нынешним условиям», причем вполне консервативными по современным стандартам средствами, именно сами верующие отказались принять его.

Настолько силен в Православии инстинкт сохранения древнего, всеми почитаемого, освященного традицией и передаваемого из рода в род наследия, что потерять его означает для людей потерять само Православие. Такая неслыханная в наше время степень постоянства и связи с прошлым придает православной вере свойство надежной скалы посреди зыбкой трясины современности. Более того, если вспомнить, что часть православной традиции – это истина, принятая от Самого Спасителя и Его апостолов и сохраненная в неизменном виде до нынешнего дня, становится ясным, почему Православие привлекает к себе столь многих, алчущих и жаждущих в первую очередь истины – истины, которая исходит

от Бога и позволяет человеку проложить курс и найти якорную стоянку в бурном море нашей земной жизни.

3. Любовь

Однако самая важная и глубокая притягательная сила Православия в сегодняшнем мире – это слово любви, ведь самая печальная черта нашего мира – это холод и бессердечие. Сам Спаситель предупреждает нас, что в последние времена «охладеет любовь многих», и апостол Иоанн Богослов указывает на взаимную любовь как на главную отличительную особенность христиан. Величайшие православные авторитеты нынешних времен были известны в первую очередь своей любовью: они привлекали людей к святой вере своим собственным примером щедрой жертвенной любви. Такими были прав. Иоанн Кронштадтский и св. Нектарий Пентапольский; таким был и наш владыка Иоанн (Максимович).

Оглядываясь на движущие силы, которые ведут сегодня к Православию, мы видим, как помочь приходящим в Церковь людям и как укрепить нашу собственную православную веру.

Предостережение

Теперь надо сказать несколько слов предупреждения. Нам вручена святая православная вера, мы видим, как многие ищут и находят ее, но не надо себя обманывать: Православие – это не технологический процесс. Каждый из нас может отпасть от веры; или же мы окажемся столь скверными образцами Православия для себя самих и для окружающих, что оно не принесет плодов; или же новообращенный верующий останется в стороне от православной жизни. Поэтому давайте разберем наши типичные промахи, ошибки, которые лишают нас плодов святой веры и заглушают голос нашего свидетельства о ней. Знать о них должны все – и те, кто в Церкви издавна, и новообращенные верующие, и те, кто приблизился к Православию, и даже те, кто еще далек от него.

1. Либерализм

Первый серьезный промах – это свободное, «либеральное» отношение к Православию. Происходит оно от невежества: некоторые представляют себе Православную Церковь наподобие, например, Епископальной – только для русских или греков. При таком образе мыслей, разумеется, навряд ли кто станет трудиться над обращением людей в Православие.

В этом состоит дефект экуменического движения, которое организует всякие встречи и конференции с неправославными не ради того, чтобы привести их к Православию, а для улучшения общественных отношений. Обсуждают второстепенные предметы общего характера, а на различия закрывают глаза – между тем как осознание этих различий могло бы привести их к православной вере. Ошибкой было бы утверждать, что любые контакты или официальные встречи такого рода недопустимы, однако эти встречи и контакты обязаны нести православное свидетельство неправославному миру. А в той форме, какую они обычно принимают, такого свидетельства нет.

При всем уважении к другим конфессиям мы должны показать окружающему миру, чем Православие от них отличается. При этом вовсе не обязательно вступать в дискуссию о вере (хотя такие дискуссии могут возникнуть по мере роста интереса к Православию): если мы всерьез принимаем свою обязанность жить так, как того требует наша вера, то одно это уже служит веским свидетельством о Православной Церкви.

2. «Болезнь новообращенных»

Другой промах, в чем-то близкий к первому, поскольку он также сопряжен со свободным взглядом на Православие, характерен для новообращенных. Его можно определить как фантазерство – как попытку жить в собственных фантазиях вместо реального мира. Наверное, вам приходилось слышать такую фразу: «болезнь новообращенных». Идет она от самих новообращенных в Православие и с состраданием говорит об их духовной борьбе. При этом не надо думать, что речь только об американцах и западноевропейцах: ведь сегодня основная масса верующих, серьезно верующих – это в той или иной мере новообращенные, пришедшие или возвратившиеся в Церковь в результате поиска. Так что в России новообращенные подвержены тем же самым промахам, что и в Америке, и на Западе.

Выражение это указывает на вполне определенную опасность, которая угрожает каждому из нас, если мы, пытаясь вести православный образ жизни, нетвердо стоим на ногах – иными словами, не выработали в себе трезвого взгляда на мир и на самих себя. Лет двадцать-тридцать тому назад у новообращенных американцев это нередко выливалось в неправославные богословские домыслы, в мешанину Православия с чуждыми идеями. Сегодня мы, как правило, более осторожны с вероучением и наши фантазии направляем к духовной жизни, к миссионерскому подвигу и т. п., при этом остаемся слепы к реальному положению дел в собственной душе.

Так появляются у нас отшельники-пустынножители, неспособные провести хотя бы неделю в послушании в обычном монастыре; иные толкуют о возвышенных молитвенных состояниях, не упуская возможности огрызнуться по любому малейшему поводу; другие мечтают об обращении целых городов и штатов, не в силах ужиться даже со своими ближними, и т. д. Сами по себе такие мечты еще не грех: они действительно вдохновляли православных подвижников

прошлого. Но если они отрываются от конкретной решимости день за днем вести православную жизнь в ее самой простой, будничной форме – они останутся бесплодными. Исходя из своего собственного подчас горького опыта, один русский епископ, воспользовавшись игрой слов (convert – «новообращенный»), как-то сказал: «Я не против конвертов, но уж слишком легко они расклеиваются...» В этой шутке – важная правда. Мы должны серьезно учиться на опыте повседневной духовной борьбы, учиться хранить и укреплять нашу православную веру. Тогда даже самые дерзкие мечты обратятся в реальность, принесут плоды и нам самим, и окружающим.

3. Холодный формализм

Еще один промах, встречающийся среди православных и особенно болезненный для тех, кто еще не пришел к вере, можно назвать «холодным формализмом»: все внимание – внешней стороне Православия, словно наша вера заключается в помпезных церемониях и официальных актах. В такую же ошибку впадали первосвященники и фарисеи во времена Спасителя: если церковная жизнь организована и отлажена, если все делается по официальному указанию священноначалия, если службы выполняются без ошибок и выглядят внушительно, тогда можно преспокойно забыть, о чем говорит Евангелие, и распять Самого Христа без зазрения совести...

Нередко холодный формализм соединяется с полным равнодушием к практической работе: зачем такие усилия? зачем помогать ближнему? зачем беспокоиться о каком-то общем православном деле? Именно под такой личиной сплошь и рядом выступает Православие на экуменических встречах, что, конечно, не может привлекать к себе искателей истины. Недавно мне пришлось разговаривать с одним протестантом, горячо верующим, чье знакомство с Православием долгие годы было ограничено такой «официальной» стороной; надо было видеть его радость, когда он убедился, что суть Православия вовсе не в этом, что она – в горении сердца и проповеди Евангелия, по примеру всех наших великих святых.

4. «Осадное положение»

Последнее заблуждение – это склад ума, который можно назвать «осадным положением»: иным кажется, что если Православие – это истинная вера, то в наши тревожные времена все усилия надо сосредоточить на защите ее от подступившего со всех сторон врага. Очень часто подобный взгляд распространяется на поиски «предателей» и «еретиков» в православной среде; причем столь много внимания уделяется собственному «соблюдению правил» и «несоблюдению» у оппонентов, что не остается никаких сил на проповедь Евангелия спасения даже среди православных, не говоря уж об окружающем мире.

Нужно, разумеется, помнить, что Православие – это истинная вера: потому-то так легко впасть в подобную ошибку. Но нужно также помнить, что первосвященники и фарисеи постоянно обвиняли Самого Христа в «несоблюдении правил» и что «соблюдение» само по себе ничего нам не дает (и может даже послужить нашей гибели), если у нас нет важнейшего, «единого на потребу» для спасения – живой веры. А живая вера неотделима от другого сокровища, которого так не хватает сегодня в Церкви: от горячей проповеди Евангелия. Если мы, после долгого, трудного поиска, нашли истинную веру, можем ли мы не делиться ею с людьми?

Нам, американцам, еще в каком-то смысле повезло, что православных у нас так мало по сравнению с инославным, а в последнее время и с иноверным населением. По везло потому, что это неправославное большинство, эти массы людей, ищущих истинной веры и ждущих живого православного свидетельства, всегда у нас перед глазами. Так что мы, стремясь работать Господу, волей-неволей обращаем на них внимание, говорим с ними о Православии, выбирая доступные для них слова. А вот в Греции, например, почти все население православное, там никто не ищет истинной веры; в результате распространяются внутри-церковные споры и ссоры и впустую

уходит драгоценная энергия, которая так нам нужна для миссионерской проповеди,

IV. Что от нас требуется?

Человечество сегодня ищет истину, ищет Христа, ищет Православие. Если мы называем себя православными, мы должны оказать людям помощь в их поисках.

Время на исходе. Не нужно быть пророком, чтобы заметить апокалиптические черты нашей эпохи. Хозяйство и политика даже самых благополучных, цивилизованных стран находятся в весьма шатком состоянии, и даже у нас в Америке можно ожидать мгновенных перемен, наподобие того, что произошло в России после 1917 г., когда процветающая богобоязненная страна превратилась в гигантский концлагерь, где в ожидании явления Антихриста ставились опыты по выведению новой породы людей без понятия о Боге. Современный уровень вооружений достаточен для уничтожения всего человечества. Гангрена безверия настолько источила современный мир – причем не только коммунистические страны, но и свободный мир в равной мере, – что даже повседневная жизнь становится опасной: на вас могут напасть на улицах больших городов, ваш сосед может оказаться убийцей. Ни одна страна мира не пытается больше построить свою жизнь на христианских началах; вся политическая деятельность направлена к созданию единого всемирного правительства, которое будет только всемирным рабством. И тысячи людей у нас в процветающей Америке сегодня делают запасы продуктов и готовятся защищать их с оружием в руках на случай грядущей со дня на день катастрофы.

У православных есть свой источник надежды: у нас есть Господь, Который хранит нас посреди любых непредсказуемых катастроф и несчастий. Нет нужды заботиться о заготовке продуктов «на черный день». Однако христианин должен постоянно готовить себя в другом смысле: нужно быть внутренне готовым к внезапной перемене образа жизни, как это было в России, к потере свободы, изъятию духовной литературы, даже Библии.

Итак, если Православие – эта вера, открытая Господом для нашего спасения, то что нам следует делать? Как сохранить эту живую веру в себе, как поделиться ею с теми, которые ее ищут, которых, поверьте мне, даже у нас, в протестантской Америке, с каждым днем становится все больше и больше? Вот несколько конкретных слов о том, в чем мы нуждаемся острее всего:

1. Православное образование

Надо шире и глубже узнать нашу веру. Православная учеба не кончается с Крещением: с Крещением, по существу, она только начинается.

Св. Иоанн Златоуст говорил: «Тот, кто не читает духовных книг, не способен спасти свою душу». Путь к Небесному Царству, открытый Божией благодатью, – это путь длиною в жизнь. Надо постоянно питать себя живительным Словом – Священным Писанием, другими право славными книгами, – чтобы, по слову преп. Серафима Саровского, буквально «плыть в Законе Божиим», чтобы наука о том, как угодить Господу и спастись, стала глубокой, неотъемлемой частью нашей души.

Православное образование начинается с младенчества, с воспринятых от родителей первых библейских и житийных историй, и не кончается до гробовой доски. Если мы уделяем столько сил своей профессиональной подготовке, то насколько больше сил подобает нам уделить подготовке к вечной жизни, к Небесному Царству, которое дается нам за победу на недолгом земном поприще?

Жители стран за «железным занавесом», где Слово Божие под запретом и православная литература – неслыханная редкость, изумляются: сколько сил и времени мы тут, в свободном мире, тратим впустую, имея такие богатейшие возможности изучать православную веру. Словно замороженные прелестями материального мира, мы не видим сокровищ вечной жизни прямо у нас перед глазами. Давно пора прийти в себя и взяться за книги.

2. Миссионерская проповедь

Далее в процессе учебы мы должны готовить себя, по слову св. апостола Петра, дать ответ всякому, кто спрашивает нас о Православии. В наши дни каждому приходится отвечать на вопросы о его религиозных убеждениях. Наша вера должна быть глубокой, сознательной и серьезной, чтобы мы отдавали себе ясный отчет, почему мы православные, и это само по себе будет ответом на вопросы извне.

Мы должны быть готовы к встрече с ищущими, такие встречи происходят в самых неожиданных местах. Мы должны быть миссионерами. Это вовсе не означает пересыпать речь библейскими цитатами или задавать направо и налево глупые вопросы: «Скажите, пожалуйста, вы спасены?» Это означает жить по Евангелию, несмотря на все наши слабости и упущения, жить как того требует православная вера. Наша решимость жить по другим законам, чем живет окружающий языческий и полужазыческий мир, послужит для многих стимулом к знакомству с Православием.

3. Сострадание

И наконец, из евангельского учения и жизни по Евангелию мы должны извлечь любовь и сострадание к людям. Ведь никогда, наверное, человек не был так несчастен, как сегодня, несмотря на весь внешний комфорт и технический прогресс. Люди страдают и гибнут без Бога, и мы способны помочь им найти Его.

Воистину в наши дни во многих охладела любовь, не допустим же охладеть нашему сердцу, пока Господь посылает нам Свою благодать. Если мы холодны и равнодушны, если вместо христианского отклика на страдания ближнего мы пожимаем плечами: «Это не мое дело. Пускай беспокоятся другие, мне не до того!» (поверьте, я слышал такие слова от людей, называющих себя православными!), то мы превратились в соль, потерявшую силу, и нас остается выбросить вон на поприще людям.

V. Решимость

Непросто жить в наше время, особенно непросто сохранить искру истинного Православия. Наша вера сегодня (как, впрочем, и всегда) – это «страждущее Православие», как назвал ее св. Григорий Богослов. В страданиях, в борьбе за сохранение святой веры и богоугодного образа жизни, глядя на неизмеримо более тяжкие страдания и борьбу верующих других стран, давайте исполнимся решимостью не сдаваться, чего бы нам это ни стоило.

В этой жизни все проходит. Остается только Господь, только ради Него имеет смысл вести борьбу. Перед нами два пути: путь современного мира, ведущий прочь от Бога, и путь жизни, ведущий к Нему. Господь зовет нас, и наше сердце ищет Его. Какой путь мы выбираем?

Пускай глубоко в наших сердцах укоренится решимость преп. Германа Аляскинского: «Давайте же от сегодня, от сего часа, от сей минуты любить Бога превыше всего».

Когда Бог открывается сердцу

Лекция в Санта-Крузе

За год с небольшим до кончины, в мае 1981 г., о. Серафима пригласили выступить с лекцией в Университете штата Калифорния в Санта-Крузе, перед слушателями курса сравнительной истории религии под названием «Религии мира в США».

Санта-Круз издавна был центром общеамериканского движения духовных поисков, пережившего наивысший подъем в конце 60-х – начале 70-х гг. и продолжавшегося до 80-х, так что опыта у юных слушателей о. Серафима было хоть отбавляй. В те годы в Санта-Крузе славились разного рода гуру, обещавшие всем подряд просвещение и поражавшие своими чудесами: Раджниш, Муктанандра, Шри Чинмой и множество других. Но немало искателей, оставив гуру с их наукой, напрямую приобщались к религиозным переживаниям посредством галлюциногенных наркотиков. Иные же, разочаровавшись в духовно нищей западной культуре, искали высшее бытие в тибетском буддизме, цзен-буддизме или же в современных формах шаманизма американских индейцев. Были, впрочем, и такие, которые стремились найти истину в своем родном христианском наследии. Однако современное западное христианство, утратившее живую связь с древними корнями и духовными метафизическими основами, оставляло известное чувство неполноценности по сравнению с адаптированными на массового потребителя восточными религиями, где, как говорится, за метафизикой в карман лезть не нужно.

На таком перекрестке духовных дорог и появился о. Серафим, принеся нечто совершенно новое, прежде неведомое большинству слушателей. Он говорил о христианстве, до сего дня влияющем (хоть и неявно) на всю западную культуру; но как непохоже оно было на то безжизненное, поверхностное американское христианство, которое многие оставили позади в своих поисках. О. Серафим черпал от полного, незамутненного откровения Христовой истины, сохраненной для нас боговдохновенными наставниками на протяжении двадцати

столетий. Сколь же многие из тех, кто отвернулся от христианства из-за его «дурной репутации», безоговорочно обратились бы к нему, узнай они всю правду!

Некогда и сам о. Серафим, подобно нынешним своим слушателям, был молодым американским идеалистом-правдоискателем. Воспитанный в протестантстве, он отверг религию своей юности и погрузился в изучение культурного наследия Востока, в частности древнекитайского языка, имея целью переводить священные тексты. Но душа человеческая, как он понял впоследствии, по природе своей стремится к живому Богу; итак, почти против собственной воли, его снова повлекло ко всепобеждающей правде Христа. Вероятно, однако, обращения не произошло бы, не узнай он о Православной Церкви, в то время практически неведомой Западу. Он убедился, что это та самая Церковь, которую основал Христос и Его апостолы, сохранившая в полноте и неповрежденности древнее христианское учение. Но не в этом свидетельстве истории был ключ к обращению будущего о. Серафима: ведь и другие религии хранят верность своим историческим корням. Прежде всего, Православие насытило его жажду правды: здесь он испытал живительное воздействие Божьей благодати, здесь открылся ему необъятный простор для духовного роста, и здесь же обнаружил он те метафизические принципы, благодаря которым мир представился его пытливому разуму связным и согласным целым.

Если прежде о. Серафим посвятил свою жизнь поиску истины, то теперь, найдя ее, он столь же беззаветно посвятил себя служению ей. Вместе с еще одним православным единомышленником они основали в Сан-Франциско миссионерское братство, книжный магазин и журнал «Православное слово». Через несколько лет, желая избежать мирской суеты и искать Господа в уединении, братство обосновалось в горах Северной Калифорнии, где и продолжало свою миссионерскую издательскую деятельность. Здесь, в пустыне, в монашестве, прошли оставшиеся 13 лет недолгой жизни о. Серафима, жизни, которую смело можно назвать чудом нашего времени. Глубочайшую внутреннюю перемену

произвело в нем непрестанное участие в круге церковных богослужений, тщательное изучение бессмертных творений Отцов Церкви и следование их наставлениям. Он приобрел способность мыслить, чувствовать и верить, как мыслили, чувствовали и верили Святые Отцы, и в конце концов уподобился им, став одним из тех немногих, кто хранит подлинное Слово Божие и возвещает его современному миру. Таков был человек, сидевший перед группой студентов в Санта-Крузе. Пронзительно глядящие глаза, длинная борода, черная ряса – выглядел он столь же необычно, как и любой гуру, кумир молодежи. Но он вовсе не ставил себе целью произвести внешнее впечатление: путь правды к его слушателям лежал через глубины их душ.

О. Серафим прекрасно знал степень духовного обнищания своих современников, знал, что они легче отзываются на какое-либо сверхъестественное «явление», на некое по сути чувственное, но по видимости духовное переживание. Поэтому и строилась репутация учителей и религиозных групп среди молодых искателей на чудесах и чудесных «результатах»; тем и объясняется распространение в их среде галлюциногенных препаратов, оккультных экспериментов и «харизматических» собраний. О. Серафим хотел бы донести до них, что подобный неразборчивый псевдодуховный интерес ко всему подряд, что бы ни выходило за рамки повседневности, еще не достаточное основание для духовного поиска. Честный человек будет искать истину во всей ее полноте (как некогда и сам он) и не остановится на полпути, в обманчивом самоудовлетворении.

Известно, что в жизни своей о. Серафим был свидетелем многих чудес. Один из его наставников, блаженной памяти архиепископ Иоанн Сан-Францисский (причислен к лику святых в 1994 г. – Пер.), был чудотворцем наподобие первых апостолов. Но рассказ о нем мог служить лишь как средство к дальнейшему движению вглубь. Задача его, без сомнения, была воззвать людей ко Христу, к истинной Цели их стремлений. И, несмотря на всю скованность духа в современном западном мире, обращение происходит, по существу, так же, как и сотни лет тому назад. Обращение происходит, когда что-то трогается в

человеческом сердце и оно возгорается от соприкосновения с Богооткровенной истиной. Но для этого человеку предстоит обнаружить ее отсутствие и испытать страдания от жажды истины. Эта духовная жажда на материально пресыщенном Западе обычно подавлена и заглушена физическими удовольствиями и развлечениями. Напротив, в странах бедных и поработанных духовная жажда особенно велика и остра, и такие страны способны дать урок возрождения веры свободному миру. Но могут ли жители его, привыкшие к своему «раю для дураков», понять и пережить происходящее за его пределами, за «железным занавесом»? О. Серафим надеялся, что да, могут, твердо зная, что нет иного пути ко Христу, кроме как через Голгофу, где Он был распят.

Обращаясь к слушателям, о. Серафим стремился показать им, что духовной жизнью нельзя «интересоваться» и «увлекаться»: она – поле битвы, в которой очищается душа. Для многих это было ново: кому бы в наше время пришло в голову привлекать к себе последователей непрестанной борьбой и страданиями? Таков, однако, был путь Самого Христа, заповеданный Им для всего человечества. И некоторые из слушавших лекцию о. Серафима, взяв свой крест, последовали этим узким путем.

К сожалению, если судить по вопросам, заданным после лекции, большинство студентов упустило ее суть. О. Серафим говорил о самых основаниях христианской жизни, о том, что значит обратиться и переродиться во Христе. Поиск Истины он назвал «делом жизни и смерти». А вопросы слушателей, казалось, были вызваны всего лишь праздным любопытством. Они допытывались его мнения о тех или иных христианских исповеданиях, о том, где присутствует Святой Дух, а где – нет, о «тысячах мелких отличий» между Православием и латинством и пр., словно желая «оценить» услышанное, вместо того чтобы внять ему. Но, что замечательно, о. Серафим отвечал на все их вопросы, по апостольскому слову, в любви по истине, как и на протяжении всей своей лекции, направляя их разум к духовному мировосприятию. Иеромонах Дамаскин

1. Поиск

Почему мы изучаем религию? По целому ряду причин, но вполне серьезная из них лишь одна: мы хотим найти нечто более глубокое, чем окружающая нас повседневность, столь зыбкая и непостоянная, исчезающая без следа, не оставляющая в душе нашей счастья, – словом, найти иную, подлинную реальность. Прикоснуться к ней – стремление всякой неподдельной религии. Я хочу рассказать вам о том, как достигает этого Православие, каким образом раскрывается здесь духовная реальность.

Поиски реальности – опасное занятие. Вам, наверное, приходится слышать о молодых людях, буквально сгорающих в погоне за нею и в итоге либо гибнущих, либо влачащих жалкое существование, похоронив свои интеллектуальные и душевные возможности. Вспоминаю старого друга, еще с давней поры моих собственных исканий: тогда, 25 лет назад, Олдас Хаксли как раз обнаружил некую «духовность» в наркотике ЛСД и многих увлек за собой. Мой друг, типичный искатель религиозной истины, – можно было бы встретить его в такой аудитории, как ваша, – сказал мне однажды: «Что бы там ни говорили о наркотиках, согласись: лучше уж они, лучше все, что угодно, только бы не наша привычная американская жизнь, то есть духовная смерть». Я не согласился, уже тогда я стал замечать два направления духовной жизни. Одно ведет вверх, поднимая нас над тленом повседневности, другое же – вниз, к самой настоящей духовной, равно как и физической, смерти. Мой друг пошел своим путем и к тридцати годам превратился в форменную развалину: рассудок его помутился, о поисках реальности нечего было и думать.

Подобные примеры легко найти среди тех, кто увлекается экстрасенсорными или «внетелесными» экспериментами, кто пережил близкую встречу с НЛО и пр.; массовое самоубийство 1980 г. в Джоунстауне – еще одно напоминание об опасностях религиозного поиска. В нашей православной литературе за 2000 лет описано немало поучительных случаев такого рода. Я

приведу вам пример из жизни преп. Никиты Киево-Печерского, жившего в России почти тысячу лет тому назад:

«Увлекаемый ревностию, преп. Никита просил игумена благословить его на подвиг в затворе. Игумен – был тогда игуменом преподобный Никон – возбранил ему, говоря: «Сын мой! бесполезно тебе, молодому, быть в праздности. Лучше жить с братией; служа ей, ты не погубишь мзды своей. Ты сам знаешь, как Исаакий-пещерник был прельщен бесами в затворе; он погиб бы, если бы не особенная благодать Божия, по молитвам преподобных отцов наших Антония и Феодосия, не спасла его».

Никита отвечал: «Я никак не прельщусь чем-нибудь подобным, но желаю крепко стать против бесовских козней и молить человеколюбца Бога, чтоб Он и меня сподобил дара чудотворения, как Исаакия-затворника, который и поныне совершает многие чудеса». Игумен опять сказал: «Желание твое выше твоей силы; блюди, чтобы, вознесшись, не ниспасть. Я, напротив того, повелеваю тебе служить братии, и ты получишь венец от Бога за твое послушание». Никита, увлекаемый сильнейшею ревностию к затворническому житию, нисколько не хотел внимать тому, что говорил ему игумен. Он исполнил задуманное: заключил себя в затворе и пребывал в нем, молясь и никуда не выходя.

По прошествии некоторого времени, в час молитвы, он услышал голос, который молился вместе с ним, и обонял необыкновенное благоухание. Обольстившись, он сказал сам себе: если бы это не был ангел, то он не молился бы со мною и не было бы слышно обоняния Святого Духа. Затем Никита стал прилежно молиться, говоря: «Господи! Явись мне Сам разумно, да вижу Тебя».

Тогда был к нему глас: «Ты молод! Не явлюсь к тебе, чтобы ты, вознесшись, не ниспал».

Затворник со слезами отвечал: «Господи! Я никак не прельщусь, потому что игумен научил меня не внимать бесовской прелести, а сделаю все, что ты мне ни прикажешь».

Тогда душепагубный змей, прирав над ним власть, сказал: «Невозможно человеку, находящемуся во плоти, видеть меня,

но вот! я посылаю ангела моего, чтобы пребывал с тобою: ты исполняй его волю».

С этими словами предстал пред затворником бес в виде ангела. Никита пал к ногам его, поклоняясь ему как ангелу. Бес сказал: «Отселе ты уже не молись, но читай книги, через что вступишь в непрестанную беседу с Богом и получишь возможность преподавать душеполезное слово приходящим к тебе, а я буду непрестанно молить Творца всех о твоём спасении».

Затворник, поверив этим словам, обольстился еще более: он перестал молиться, занялся чтением, видел беса непрестанно молящимся, радовался, что ангел молится за него. Потом он начал много беседовать с приходящими из Писания и пророчествовать подобно Палестинскому затворнику.

О нем пошла слава между мирскими людьми и при великокняжеском дворе. Собственно, он не пророчествовал, а сказывал приходящим, будучи извещаем соприсутствовавшим бесом, где положено украденное, где что случилось в дальнем месте. Так он дал знать великому князю Изяславу об убиении Новгородского князя Глеба и совет послать в Новгород на княжение великокняжеского сына. Этого достаточно было для мирян, чтоб провозгласить затворника пророком. Замечено, что миряне и сами монахи, не имеющие духовного рассуждения, почти всегда увлекаются обманщиками, лицемерами и находящимися в бесовской прелести, признают их за святых и благодатных.

Никто не мог сравняться с Никитою в знании Ветхого Завета, но он не терпел Нового Завета, никогда не заимствовал своей беседы из Евангелия и Апостольских посланий, не позволял, чтобы кто из посетителей его напомнил что-либо из Нового Завета. По этому странному направлению его учения отцы Киево-Печерского монастыря уразумели, что он прельщен бесом. Тогда в монастыре было много святых иноков, украшенных благодатными дарами. Они молитвой своей отогнали беса от Никиты; Никита перестал видеть его. Отцы вывели Никиту из затвора и спрашивали, чтоб он сказал им что-нибудь из Ветхого Завета; но он с клятвою утверждал, что

никогда не читал этих книг, которые прежде знал наизусть. Оказалось, что он забыл даже читать от впечатления, произведенного бесовскою прелестию, и едва, с большим трудом, снова выучили его чтению. Молитвами Святых Отцов приведенный в себя, он познал и исповедал свой грех, оплакал его горькими слезами, достиг высокой меры святости и дара чудотворения смиренным житием посреди братства. Впоследствии св. Никита был хиротонисан во Епископа Новгородского»¹¹.

История эта вызывает вопрос: как избежать заблуждений и ловушек на пути религиозного поиска? Ответ однозначен: пускаться в путь следует не ради тех или иных ощущений, способных обмануть нас, а лишь ради самой истины. Вопрос этот возникает перед каждым, кто всерьез изучает религию, и ответить на него – дело жизни и смерти.

Нашу православную веру, в противоположность западным исповеданиям, часто называют «мистической»; достижимая в ней духовная реальность знаменуется сверхъестественными явлениями, выходящими за всякие рамки земной логики и опыта. Нет нужды обращаться к древним источникам за примерами: перед нашими глазами протекала полная мистики жизнь современного чудотворца, архиепископа Иоанна (Максимовича), занимавшего Сан-Францисскую кафедру совсем недалеко отсюда и скончавшегося всего 15 лет тому назад. Владыку Иоанна видели в неземном сиянии, видели в воздухе во время молитвы; он обладал дарами ясновидения и исцеления... Но само по себе это еще мало что значит: мастера ложных чудес легко делают то же самое. Откуда мы знаем, что ему была открыта истина?

2. Откровение

В любом учебнике православного богословия вы найдете, что для обретения истины усилий самого человека недостаточно. Можно читать Священное Писание или любую другую духовную литературу, ничего при этом не понимая. Вот история св. апостола Филиппа и эфиопского евнуха из книги Деяний Апостольских:

«Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. Он встал и пошел. И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приехавший в Иерусалим для поклонения, возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исайю.

Дух «сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице. Филипп подошел и, услышав, что он читает пророка Исайю, сказал: разумеешь ли, что читаешь? Он сказал: как могу разуметь, если кто не наставит меня? И попросил Филиппа взойти и сесть с ним. А место из Писания, которое он читал, было сие: «как овца веден Он был на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст своих. В уничижении Его суд Его совершился, но род Его кто разъяснит? ибо вземлетсЯ от земли жизнь Его».

Евнух же сказал Филиппу: прошу тебя сказать, о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом? Филипп открыл уста свои и, начав от сего писания, благовествовал ему об Иисусе. Между тем, продолжая путь, они приехали к воде, и евнух сказал: вот, вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказал остановить колесницу; и сошли оба в воду, Филипп и евнух, и крестил его. Когда же они вышли из воды, Дух Святый сошел на евнуха; а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь» (Деян. 8:26–39). Здесь мы видим несколько сверхъестественных, мистических элементов: ангел указывает Филиппу путь (хотя для евнуха это

была просто случайная встреча на пустынной дороге), и потом, после крещения, Дух Божий уносит Филиппа прочь. Но вовсе не они привели Ефиоплянина к решению креститься и стать христианином. Не чудеса подействовали на него, а нечто в его собственном сердце. Хотя чудеса, бывает, и помогают обрести веру, они не могут служить ее основанием. В той же книге Деяний Апостольских мы читаем рассказ про Симона Волхва, желавшего за деньги быть принятым в Церковь и получить впечатляющие и чудесные Дары Святого Духа. Ведь Симон был колдуном, высоко оплачиваемым «специалистом»; сверхъестественные же явления, от которых зависели его престиж и прибыль, происходили все более в христианской, а не в языческой среде. Как известно из книги Деяний, апостол Петр отказал Симону; нам на память осталось слово «симония» – тщетная попытка приобрести за деньги Божию благодать.

Совсем не то случилось с Ефиоплянином, когда он слушал Филиппа: что-то переменилось у него в самом сердце. Мы читаем, что он уверовал, то есть сердце его оттаяло от услышанной им истины. Слова Писания имеют большую силу: сопровождаемые верным объяснением, они способны раскрыть в человеке нечто доселе скрытое, если сердце его готово. Как видно, эфиопский вельможа воспринял Христа всей душою; не чудеса преобразили его, а сама Христова истина, ради которой Господь и сошел на землю.

То же самое находим и в другом месте Нового Завета, как двое из учеников Иисуса шли по дороге в Еммаус (Лк. 24). Это было в самый день Его Воскресения, и Христос шел с ними вместе, расспрашивая о причине их тревоги. Те были крайне удивлены, встретив едва ли не единственного, кто бы не знал о последних событиях в Иерусалиме. Они рассказали Ему о знаменитом пророке, который был накануне казнен, а теперь как будто бы воскрес, – но они сами не знали, чему верить. Тогда Господь, взывая к их сердцам, стал объяснять им смысл ветхозаветных пророчеств о судьбе Мессии. Никаких чудесных знамений при этом не происходило, и никто Его не узнавал. Когда же они дошли до Еммауса, Он хотел было идти дальше и так бы и ушел неузнанный, если бы ученики – просто чтобы

помочь страннику в пути – не предложили Ему остаться на ночлег. И лишь когда Он сел с ними ужинать и, как на Тайной Вечере, преломил хлеб, глаза их открылись, они увидели, что это Сам Христос, – и в этот момент Он исчез. Тогда они стали вспоминать: все время, пока Он шел рядом с ними, что-то горело в их сердцах. Потому ученики и узнали Воплощенного Бога; растаять же в воздухе способен и колдун. Так что вовсе не только и не столько чудеса открывают человеку Бога, сколько горение сердца, готового к встрече, как у двух путников по дороге в Еммаус.

Это мы и называем откровением, когда Сам Бог или кто-либо, исполненный Его Духа, или же слово Его истины достигает человеческого сердца и трогает его. Такова была сила, данная апостолам по Воскресении Христа; они обошли практически весь мир в тогдашних пределах – на восток до Индии и, быть может, Китая, на север до России, населенной тогда скифами, на запад до Британии, на юг до Абиссинии, – проповедуя Евангелие всем народам.

То же самое остается и по сей день, пусть мы и утратили прежнюю чувствительность, легкость и простоту сердца, прежнюю отзывчивость к правде. Если вспомнить владыку Иоанна, он приводил людей к вере не столько чудесами, сколько воздействием на их сердца. Вот случай еще со времен войны, когда владыка был епископом Шанхайским; о нем рассказала наша давняя знакомая, покойная ныне, доктор-логопед, по имени Анна. Согласно ее словам, владыка Иоанн очень строго постился, в результате чего во время постов нижняя челюсть у него теряла подвижность и речь его становилась крайне неразборчивой. Перед войной Анна занималась с владыкой, чтобы научить его говорить яснее. Он приходил в установленное время и по окончании урока всегда оставлял ей американскую двадцатидолларовую бумажку. Во время войны, получив тяжелое ранение, Анна умирала во французской больнице в Шанхае. Стояла поздняя ночь, снаружи бушевала гроза, и связи с городом не было. Но она упорно думала об одном. Доктора сказали ей, что все кончено, и вот была лишь одна надежда: придет владыка, причастит ее

Святых Тайн и спасет... Она умоляла разыскать его, но это было совершенно невозможно. Телефоны не работали из-за грозы, и больница, по правилам военного времени, была заперта на ночь; ей только и оставалось, что взывать впустую: «Помогите! Владыка Иоанн, пожалуйста, помогите!» Всем было ясно, что это чистейший бред. Но вдруг, в самую грозу, двери распахнулись и вошел владыка Иоанн со Святыми Дарами, Излишне говорить о ее радости; владыка успокоил ее, исповедал, причастил Святых Тайн и ушел.

Проспав после этого восемнадцать часов, Анна проснулась и почувствовала себя здоровой. «Спасибо, владыка Иоанн навестил меня», – сказала она сестрам. «Какой владыка Иоанн? – изумились те. – Вчера всю ночь больница была на замке». Сосед по койке сказал, что в самом деле приходил кто-то, но ей все равно не поверили. Анна засомневалась: уж не привиделось ли ей? Но когда стали перестилать ей постель, нашли под подушкой американскую двадцатидолларовую бумажку. «Ну вот, – торжествовала Анна, – говорила ведь я вам, что он приходил!»

Как он узнал? Каким образом добрался до нее, не имея мыслимой возможности даже услышать о ней? Не ошибемся, если скажем, что ему это было открыто; немало было случаев, когда такие вещи открывались владыке Иоанну. Но каким образом и почему именно ему? Вроде бы одним истина открывается, адругим – нет. Почему так? Что, разве есть у нас специальный орган для восприятия откровений от Бога? Пожалуй что и есть, только обычно мы заглушаем и подавляем его. Орган этот – любящее сердце. В Священном Писании вы читали, что Бог есть любовь, и знаете, что христианство – это религия любви (быть может, глядя на псевдохристианство и псевдохристиан, вы и не согласитесь с этим, тем не менее так оно и есть по отношению ко христианству подлинному и неповрежденному). Сам Христос сказал Своим ученикам, что по их любви будут отличать их люди.

Спросите любого, кто знал владыку Иоанна: что притягивало к нему окружающих? что продолжает притягивать к нему тех, кто никогда о нем прежде не слышал? Вам скажут

одно: избыток любви, самоотверженной, жертвенной любви к Богу и к людям. Потому-то и открывалось ему скрытое для других и недоступное разуму. Сам владыка учил, что сколько бы «мистического» ни содержали жития святых или творения Отцов Церкви, Православие требует от нас постоянной собранности и трезвости, готовности откликнуться на каждую житейскую ситуацию. Откликаясь и отворяя свое сердце, человек узнает Бога.

Истина открывается любящему сердцу, пусть даже Господь и вынужден смирять, сокрушать его, чтобы дать ему чуткость. Так было, к примеру, с апостолом Павлом, некогда гонителем и душителем Церкви. Но Богу равно ведомы настоящее, прошедшее и будущее наших сердец, и Он находит время для внезапной встречи.

А на другом полюсе лежит холодный расчет: чем мне интересен данный человек? что можно извлечь из него? В религии это оборачивается подлогом и шарлатанством всех видов, ставшими почти что нормой религиозной жизни сегодняшнего дня: одно увлечение сменяется другим, и все спешат вдогонку за модой, на ходу рассчитывая, как лучше приспособиться к ее прихотям. Правда лежит куда глубже.

3. Страдание

В прошлом году у меня вышел долгий разговор со случайным попутчиком в поезде (на самом-то деле ничего чисто случайного не бывает), сообщившим мне, что он изучает русский язык. Этот американский юноша прошел в своих религиозных поисках целый ряд группировок и сект, называвших себя христианскими, и не обнаружил ничего, кроме подделки и лицемерия. Совсем было разочаровавшись в религии, он вдруг узнал, что в России люди страдают за веру. «Где страдания, – решил он, – там, наверное, и есть настоящая религия, а не фальшивка, как тут у нас в Америке». И вот он взялся учить русский, чтобы отправиться в Россию и найти настоящих христиан.

Можете себе представить, как поразили меня, священника Русской Зарубежной Церкви, его слова! Ведь он не имел понятия о Православии, ни разу не видел православной службы, не слышал православной проповеди. Мы долго говорили с ним о религии, и я убедился, что он был прав: не что иное, как страдание, способно дать начало подлинной вере, в то время как наше благополучие порождает фальшь. Один из великих православных богословов IV в. св. Григорий Назиансский (он же Григорий Богослов) назвал нашу веру «страждущим Православием». И в самом деле, так оно и было с самого начала и по сей день. Первые последователи распятого Бога подвергались гонениям и пыткам. Почти все апостолы приняли мученическую смерть: Петра распяли вниз головой, Андрея – на косом кресте. Христиане первых трех столетий прятались в катакомбах и переносили немыслимые страдания. Православные службы, которые мы и сегодня служим почти так же, сформировались именно тогда, в катакомбах, в атмосфере непрестанного ожидания смерти. Потом настала эпоха борьбы за чистоту веры, когда многие пытались своим авторитетным мнением заменить открытое свыше учение Господа Иисуса Христа. Вслед за тем православные страны подверглись нападению арабов, турок и других нехристианских племен и,

наконец, в наши дни – коммунизма. Коммунизм, обрушивший небывало жестокие гонения на религию, в первую очередь поразил именно православные народы Восточной Европы. Как видите, наша вера – поистине вера страждущая; и в самом этом страдании содержится нечто, что открывает сердца людей для Бога.

О чем же говорит нам сегодня страждущее русское Православие, та самая страдающая вера, которую искал мой юный попутчик? Есть ли там любящие сердца, которым открывается истина? По логике вещей – нет. Ведь коммунизм держит Россию мертвой хваткой вот уже 60 лет, с самого начала поставив себе целью «искоренить» религию. И к концу 30-х гг., когда почти все церкви в стране были закрыты, дело было как будто сделано. Если бы из-за вторжения Гитлера от русского народа вместо коммунистической идеологии не потребовались бы патриотизм и боевой дух, Церковь бы полностью загнали в катакомбы.

И пусть сегодня положение несколько лучше, жизнь верующих по-прежнему крайне трудна. Гонения возобновились в 60-х гг., при Хрущеве, когда вновь было закрыто три из каждых четырех действующих церквей. В данный момент, если не считать центров международного туризма (в Москве или в Ленинграде, скажем, открыто несколько десятков храмов), крупные областные центры церквей почти не имеют. Чтобы крестить ребенка, подчас приходится ехать за сотни миль.

Расскажу вам о том, как Господь сегодня открывается страдающим христианам России. Все вы, конечно, слышали про Александра Солженицына, крупнейшего русского писателя и мыслителя: в 1975 г. его выслали из своей страны за то, что он говорил о ней правду.

Биография его ничем не примечательна. Ровесник революции, он не вынес из детства никаких «пережитков прошлого». Он вырос без отца, убитого еще на Первой мировой войне, учился математике в университете, служил в армии во Вторую мировую войну и попал с советскими войсками в Германию. В 1945 г. он был арестован за неуважительные замечания об «усатом» (то есть о Сталине) в частных письмах и

приговорен к восьми годам лагерей. По окончании срока, в 1953 г., он был отправлен в ссылку (уже не в заключение, но еще и не на свободу) в Южный Казахстан, где начинается пустыня. Там у него обнаружили рак, он лежал в больнице почти без шансов выжить, но выздоровел (позже он описал это в своем романе «Раковый корпус»). В ссылке Солженицын преподавал математику и физику и в тайне ото всех писал романы и повести.

Когда умер Сталин и началась кратковременная «оттепель», Солженицын был освобожден, и в 1961 г. вышла его первая книга. Коммунисты быстро поняли, что его диссидентство превышает допустимые нормы, и перестали его публиковать. Но он стал печататься за границей, причиняя тем самым массу неудобств для властей, особенно после присуждения ему в 1970 г. Нобелевской премии, за получением которой ему не разрешено было ехать. В конце концов, дав пару дней на сборы, его насильственно вывезли в Западную Германию,

Сейчас Солженицын живет в Вермонте и продолжает писать. Снова и снова обращается он к Западу с очень важным вопросом: о смысле атеистического эксперимента в России. На этот эксперимент он смотрит не столько под политическим, сколько под практическим и даже под духовным углом зрения. Можно сказать, что Солженицын олицетворяет русское православное возрождение наших дней: 60 лет, как и вся Россия, терпел он страдания и выстоял, вынес из них твердую веру и ценнейший для всего мира опыт. Его монументальный труд «Архипелаг ГУЛаг» необходимо прочесть каждому, кто желает понять, как насаждалось безбожие в России, как воздействует оно на душу человека.

Без ожесточения пишет Солженицын о своем лагерном прошлом и остальных испытаниях: он вышел из них победителем, потому что в нем возникла вера. Он убеждается, что безбожие вовсе не есть какая-то исключительно русская черта, напротив, это общее состояние души как таковой. Лишь только приходит мысль, что атеизм прав и что Бога нет, как тотчас же – по Достоевскому – все становится позволено:

любой эксперимент с чем бы то ни было, любое новое увлечение, новый взгляд, любая новая общественная система.

Солженицын показывает нам, что стоит утвердиться безбожию и возникнуть идее об искоренении всякой религии (на чем и держится идеология коммунизма), как без концлагерей уже не обойтись. Если вера под запретом, а люди продолжают искать ее, то надо ведь как-то избавляться от нарушителей. Раз безбожие основано на злом начале в человеческой природе, то и атеистический эксперимент естественным образом принимает форму ГУЛага.

Но главное – не в этом. Главное, я должен рассказать вам, что произошло с Солженицыным в заключении: ведь именно здесь открылся ему Бог. ГУЛаг, обнаруживая в людях зло, вместе с тем дает начало духовному возрождению человека. Поэтому нынешнее духовное возрождение России несравненно глубже по своему существу, чем всевозможные религиозные «обновления» на Западе. Сам Солженицын описывает свой приход к вере следующим образом:

«Согнутой моей, едва не подломившейся спиной дано было мне вынести из тюремных лет этот опыт: как человек становится злым и как добрым. В упоении молодыми успехами я ощущал себя непогрешимым и оттого был жесток (он служил в офицерском звании. – и. С). В переизбытке власти я был убийца и насильник. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащен был самыми стройными доводами. На гниющей тюремной соломке ощутил я в себе первое шевеление добра».

Так сердце его смягчается, делается чутким, способным воспринять откровение истины:

«Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями – она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца... Даже в сердце, объятom злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце – неискорененный уголок зла» (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. ИМКА-пресс, т. 2, с. 602–603). Насколько это наблюдение глубже всего того, что мы

можем извлечь из нашего собственного жизненного опыта в западном мире! Глубже, потому что в основе его – страдание, неотъемлемая часть земной жизни и начало жизни духовной: ведь Сам Христос явился на страдания и крестную смерть. Всерьез осознать это дано тому, кто страдал и терпел вместе с Россией. Здесь-то и есть корень русского христианского возрождения.

4. Возрождение

Теперь расскажу вам о русском человеке менее известном, по имени Юрий Машков, который тоже пишет о своем обращении к Богу, к вере, о том, как Бог открылся ему через страдание.

Три года назад он был выслан из России, попал в Америку и в прошлом году, сорока с небольшим лет от роду, умер от рака. Всего через три месяца по приезду, в 1978 г., его пригласили выступить на русской конференции в Нью-Джерси. Обращаясь к слушателям, он признался, что вплоть до последнего момента не знал, о чем будет говорить:

«Я растерялся, мне казалось, что мне нечего сказать вам. Первую половину жизни я учился, а вторую сидел по тюрьмам и политическим концлагерям ГУЛага. В самом деле, что я могу сказать людям, шире образованным, более сведущим и даже лучше информированным о событиях в Советском Союзе, чем я?»

Уже здесь мы видим разницу между двумя мирами. Пусть многие на Западе обращаются в Православие и имеют богатую теоретическую подготовку, но они не испытали страданий, не знают почем фунт лиха. А Юрий знает, и отнюдь не из книг, не понаслышке. «Поэтому я решил не готовить выступления заранее, а просто рассказать, что Бог на душу положит. И вот, пока наша превосходная машина мчалась из Бриджпорта по восхитительному шоссе среди великолепия природы, я понял: моя духовно-мучительная жизнь в коммунистическом «раю», мой путь от атеизма и марксизма к православной вере... и есть та единственно ценная информация, которая может представлять для вас интерес. Моя жизнь интересна лишь постольку, поскольку она – капля в море русского религиозного и национального возрождения.

Я родился в кровавом 1937 г. в деревне Клишева, в 45 км от Москвы... Отец, кузнец по профессии, пропал на войне, и я его не помню; мама, разнорабочая, к религии относилась, по моему, равнодушно. Бабушка, правда, была верующей (у

большинства русских есть такая верующая мама или бабушка, иной раз возвращающая к Богу всю семью. – и. С), но она не имела в моих глазах никакого авторитета, так как была совершенно неграмотна. Меня, конечно, в детстве крестили, но в школьные годы я крестик снял и до 25 лет был убежденным атеистом. По окончании 7-летней школы мне посчастливилось поступить в Московское высшее художественно-промышленное училище, и я проучился там пять лет из семи. Таким образом, внешне моя жизнь начиналась весьма удачно... Со временем я должен был получить диплом художника и работать в любимой области».

Это типичная советская школьная биография. К учебе в Советском Союзе отношение весьма серьезное: поступил, сдал экзамены – получай «путевку в жизнь» и доступ ко многим материальным благам; провалился – отправляйся мести улицы.

«Но скучная советская жизнь и духовная неудовлетворенность не давали мне покоя, и в конце 1955 г., когда мне шел 19-й год, случилось событие, внешне незаметное, которое, однако, перевернуло мою жизнь и привело меня сюда. Это событие произошло в моей душе: я понял, в каком обществе я живу. Наперекор всей оголтелой советской пропаганде я понял, что живу в режиме абсолютного бесправия и абсолютной жестокости. К этому выводу в то время приходили очень многие студенты, и со временем у меня появились единомышленники, которые, как и я, считали своим долгом сообщить народу о своем открытии и как-то противодействовать торжествующему злу. (В этом, конечно, проявилась волна юношеского идеализма, позже накатившая и на Запад. – и. С.) Но КГБ очень внимательно следит за всеми гражданами СССР, и, когда мы 7 ноября 1958 г. собрались на организационное собрание для решения вопроса о подпольном самиздате, шестерых из нас арестовали, и всем нераскаивающимся дали высшую меру наказания за антисоветскую пропаганду – по 7 лет концлагерей. Так начался новый путь в моей жизни».

Заметим, что до сих пор речь не идет ни о каком религиозном обращении. Юрий был просто молодым

идеалистом, когда его вдруг схватили и бросили в ГУЛаг.

«Все мы тогда были атеистами и марксистами «еврокоммунистического» толка, то есть мы верили, что марксизм сам по себе верное учение, ведущее народ к светлому будущему, в царство свободы и справедливости, а московские злодеи почему-то не хотят осуществлять это учение в жизни. И вот в концлагере такое представление у всех у нас совершенно и навсегда умерло».

Не буду вдаваться в коммунистическую философию, отмечу только, что, утратив свои прежние убеждения, Юрий дошел до отчаяния. Если когда-то ему было внушено, что коммунизм – это альтруистическое учение, несущее всем счастье и мир, то теперь на практике он убедился, что это ложь. И тогда в его душе наметился некий сдвиг.

«Я хочу немного раскрыть процесс духовного возрождения, чтобы вы увидели, с какой неизбежностью он происходит в русских людях. Ведь не только я и мои единомышленники прошли духовный путь от марксизма к религиозной вере... Это типичное явление для советских политлагерей.

Так что же происходит с русскими людьми? Процесс духовного возрождения имеет два этапа. Сначала мы распознаем сущность марксизма и освобождаемся от всяких иллюзий на его счет. При глубоком и вдумчивом анализе мы узнаем, что марксизм по своей сути есть законченное учение тоталитаризма, то есть абсолютного коммунистического рабства, и любая компартия в любой стране, взявшаяся осуществить марксистскую программу, вынуждена будет повторить все то, что сделали и делают московские коммунисты, либо должна отказаться от марксизма и самоликвидироваться. Поняв эту, в общем-то простую истину, мы теряем ту идеологическую почву, на которой мы противостояли марксистскому рабству. Мы попадаем в духовный вакуум, который влечет за собой кризис еще более глубокий... А после освобождения из лагеря (то есть по окончании семилетнего срока. – и. С.) перспектива для нас такова, что не дай Бог и врагу: либо опять садиться в лагерь и

сидеть там до конца жизни, либо погибнуть в психушке, либо быть убитым чекистами без суда и следствия.

И в этой обстановке духовного кризиса и безысходности перед русским человеком неизбежно всплывает главный вопрос мировоззрения: а для чего, собственно говоря, жить, если нет никакого спасения? И когда наступает этот страшный момент, каждый из нас чувствует, что смерть во истину схватила его за горло: если не наступит какого-то духовного взлета, то жизни конец, потому что без Бога не только «все позволено», но жизнь как таковая не имеет никакой ценности и никакого смысла.

Я наблюдал в лагере, как люди сходили с ума и кончали самоубийством. Я и сам ясно чувствовал, что если в конце концов я приду к твердому и окончательному убеждению, что Бога нет, то я просто буду обязан покончить самоубийством, поскольку разумному существу стыдно и унижительно тянуть бессмысленную и мучительную канитель. Таким образом, на втором этапе духовного возрождения мы узнаем, что атеизм, продуманный до своего логического конца, неизбежно приводит человека к гибели, потому что это – законченное учение безнравственности, зла и смерти.

И мне тоже подготавливался трагический исход (самоубийство или сумасшествие), если бы, на мое счастье, 1 сентября 1962 г. не произошло в моей жизни величайшее чудо. Никаких событий в тот день не происходило, никаких внушений со стороны не было – я в одиночестве размышлял над своей проблемой: «Быть или не быть?» К этому времени я уже до конца осознал спасительность веры в Бога, я очень хотел верить в Него, но я не мог себя обманывать: веры не было.

И вдруг наступила секунда, когда я как бы впервые прозрел (как бы открылась дверь из темной комнаты на солнечную улицу), – и в следующую секунду я уже точно знал, что Бог есть и что Бог – Иисус Христос Православия, а не какой-нибудь индуcский, буддистский, или прочий бог. Я называю этот момент величайшим чудом потому, что это точное знание пришло ко мне не через разум (я это знаю точно), а каким-то иным путем, и рационально объяснить этот момент я не могу... Таким вот чудом нача лась моя новая духовная жизнь, которая помогла

мне выдержать еще 13 лет лагерной и тюремной жизни, вынужденную эмиграцию и, надеюсь, поможет выдержать все трудности эмигрантской жизни.

И этот «момент веры», это величайшее чудо переживают сейчас в России тысячи людей, и не только в концлагерях и тюрьмах. Ведь Игорь Огурцов, создатель Социал-христианского союза, уверовал не в лагере, а в университете. Религиозное возрождение – типичное явление для нынешней России. Все духовно-живое неизбежно возвращается к Богу. И совершенно очевидно, что такое спасительное чудо, наперекор всей могучей коммунистической политике, может совершить только всемогущий Бог, не оставивший наш народ в страшных страданиях и в полной, казалось бы, беззащитности от многочисленных врагов» («Русское возрождение». 1978, вып. 4, с. 12–17).

5. Итоги

Пример Юрия Машкова самым наглядным образом показывает нам, как Бог открывается человеку. Что-то должно для этого перемениться в сердце, и, хотя страдание способствует такой перемене, готового рецепта не существует. Вспомним хотя бы о тех, кто переносил страдания, но тем не менее не обратился к вере, множество таких случаев описано в России за последние 60 лет. На английском вышла замечательная книжка «Мои показания». Ее автор – простой русский человек по фамилии Марченко – не выдержал атмосферы советской лжи, этого зловещего ощущения, что каждый тебя обманывает. В результате он стал говорить правду и попал в лагерь. Его, как водится, допрашивали и убеждали: «Знаете-ка что, с вашими идеями вы не долго пробудете на свободе, даже если вас выпустят. По чему бы вам не стать как все?» – «Не могу, – отвечал он, – я честный человек!» Он пришел к выводу, что только верующие могут быть счастливы в лагере. «Мы страдаем ради Христа», – говорят они и принимают как должное, что бы ни случилось. «Но я-то не могу, как они, – объясняет Марченко, – я ведь в Христа не верю». Ему оставалось только копить злобу на тюремщиков. На свободу он вышел ожесточенным, думая, как бы расправиться со всеми своими угнетателями. Он ждал, что его вот-вот возьмут, и в самом деле, уже после написания книги снова был арестован.

В этом случае, как видно, сердце не поддалось, осталось твердо. Конечно, сердце устроено непросто, и когда-нибудь он тоже, наверное, переменится. Но из свидетельства Марченко явствует, что нельзя бросать человека в лагерь с намерением сделать из него христианина. Кто-то станет христианином, а кто-то – нет. Однако если истина открывается человеку, это не сопровождается ничем внешне примечательным: посреди нужды и страдания внезапно растворяется окно в другой мир. Чем сильнее нужда и острее страдание, чем отчаяннее душа жаждет Бога, тем скорей Он даст о Себе знать, придет нам на помощь и выручит.

Стало быть, не поразительных явлений и не чудес нам надо искать. Повествование о св. Никите, которое я прочел вам, предупреждает, что это самый опасный и обманчивый путь. А на верном пути – тот, кто смиряет сердце и терпит страдание, зная: есть где-то высшая правда, способная не только утолить боль сердца, но и перенести его совсем в другое измерение.

Этот путь от страдания к высшей реальности напоминает нам о земной жизни Христа: он взошел на Голгофу, на страшную и позорную смерть, а затем, совершенно неожиданно даже для ближайших своих учеников, воскрес из мертвых, вознесся на небеса, ниспослал им Святого Духа и основал Свою Святую Церковь.

Вот, собственно говоря, и все, что я хотел рассказать вам об откровении истины в Православии. Готов ответить на ваши вопросы и замечания.

6. Вопросы и ответы

Вопрос: Если бесы выглядят и говорят как ангелы, то как определить, где правда?

Ответ: Очень хороший вопрос. Прежде всего, требуется смирение, нужно просить правды у Бога, а не искать «высоких ощущений». Более того, нужно стать православным и овладеть учением о христианской жизни. Только ведь и это не гарантия: православные тоже обманываются.

Немало советов можно найти у Отцов Церкви. Если, к примеру, вы увидите явление светлого ангела, рекомендуется не доверять ему. Господь не осудит вас, если Он в самом деле пожелал явиться вам, а вы Его не узнали: если нужно, Он всегда найдет способ известить вас. Напротив, Он будет рад вашей осторожности и бдительности на случай обмана.

Те же, кто преуспел в духовной жизни, кто имеет опыт в этом деле, могут вести себя по-другому. Вот пример из жизни преп. Антония Великого, которого непрестанно осаждали бесы. Когда его спросили, как он отличает бесов от ангелов, он сказал: «Если является мне ангел, я чувствую мир в душе; когда же я вижу беса, пусть даже на вид он как ангел, я чувствую тревогу». Но для начинающих, конечно, это крайне опасно: не имея опыта, можно быть в полнейшем мире и с бесами.

Вкратце ответ на ваш вопрос таков: требуется освоить учение Православной Церкви. Читая о таких событиях, как случилось с преп. Никитой, и о многих других и на бираясь знаний о бесовских обманах и нападениях, можно научиться распознавать их с первого взгляда.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, что Православие говорит о Святом Духе, а также о взгляде на неправославные христианские Таинства: присутствует ли в них Святой Дух?

Ответ: Святой Дух был ниспослан Господом Иисусом Христом в день Пятидесятницы, на 50-й день после Воскресения и на 10-й после Вознесения, и останется в Церкви

до конца времен. Эта Церковь, основанная Самим Христом, – одна.

В наше время бывают случаи, когда эту Церковь пытаются найти по историческим данным. Вот, например, как возникла церковь в Уганде. В 20-х гг. в одной англиканской семинарии два студента из Уганды обнаружили, что их учат не совсем так, как написано у древних Отцов Церкви. Тогда они решили, что, наверное, римский католицизм – это и есть древняя Церковь. В поисках «истинной древней Церкви» (как они ее называли) студенты перешли в римско-католическую семинарию, но и там их стали учить не тому, чему учили Святые Отцы. Они начали сомневаться: если правду можно так легко менять, то нет, наверное, больше Христовой правды? Тогда они впервые услышали о Православии, но прежде чем найти его, им пришлось многое преодолеть.

Сначала им попался какой-то жулик, называвший себя православным. Они получали от него нечто под названием Таинств, пока один грек не заметил, что тот «немного чудной». Тогда они разобрались, в чем дело, рассказали и начали искать заново. Первый православный епископ у них на пути тоже оказался не на высоте. «Ну что вы, – сказал он, – не беспокойтесь, все Церкви одинаковые. Возвращайтесь-ка лучше в свою, англиканскую». Но даже и такое их не остановило, и в конце концов они разыскали православного епископа, который учил тому, что нужно, и приняли Православие. Сейчас Церковь распространяется в Уганде, Кении, Заире, Танзании и в других странах Африки. У нас даже есть замечательные звукозаписи их служб: они взяли греческий византийский распев, не стали его никак менять, а просто переложили его на свой язык. Звучит очень строго, возвышенно, с местным африканским колоритом. Византийский распев они переняли в точности так же, как в свое время греки – древнееврейские песнопения.

Итак, исторические данные позволили африканским семинаристам прийти к выводу, что существует единственная Церковь, восходящая непосредственно ко Христу и сохранившая древнее учение, и эта Церковь – Православная. История также сохранила свидетельство об уклонении других

Церквей, прежде всего – римского католицизма, когда в XI в. назрел вопрос о положении римского папы в Церкви. Папа отказался от православного решения и отделил тем самым весь Запад.

Святой Дух живет сегодня в Православной Церкви. Большинство же западных протестантских исповеданий утратило и даже само понятие Таинств: стоит ли искать благодати Святого Духа там, где ее никто и не ждет? Разумеется, в Римско-Католической и некоторых других Церквях понятие о Таинствах сохранилось. Мне думается так, что подлинные Таинства, установленные Самим Христом, есть только в Православной Церкви. А о тех, кто находится вне ее и искренне надеется на нечто под именем Таинств, я судить не берусь: Господь волен над ними, Он Сам решает, что и когда дать каждой отдельной душе. Может быть, они всего лишь испытывают психологический эффект, а может быть, и более того – кто знает? Божья воля. Но Православие донесло до нынешнего дня все, что установлено Богом для Церкви. По историческим сведениям можно убедиться, что мы точно следуем практике древней Церкви. Например, апостол Филипп крестил Ефиоплянина, без сомнения, в точности так же, как мы: троекратным погружением во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Потому-то Православная Церковь и заслужила репутацию «несовременной»: наша задача – не перенимать современные порядки, а сохранять древние, доставшиеся нам от Христа, апостолов и Святых Отцов.

Вопрос: Не могли бы Вы рассказать о том, как Православие относится к нехристианским вероисповеданиям?

Ответ: Христос пришел в мир, чтобы просветить человечество. Конечно, существуют другие подлинные религии – отнюдь не бесовские культы, – где душа всерьез пытается нащупать путь к Богу. До тех пор пока людям не известен Христос, ничего против этих религий не скажешь, но до цели они не доведут. Ведь цель, вечная жизнь и Царство Божие, открыта для нас пришествием Бога во плоти. Так что полнота истины – в христианстве; элементы истины можно найти и в других религиях, но сколько бы в них мудрости ни было, неба они не

отворяют. Небо отворилось людям лишь тогда, когда сошедший на землю Христос сказал разбойнику: «Ныне же будешь со Мною в раю».

Вопрос: Значит, тем, кому не известен Христос, недоступна истина?

Ответ: Тем, кто никогда не слышал о Нем? Они в Божьей воле. Ведь люди ветхозаветных времен тоже не могли знать о Христе, и Он сошел в преисподнюю, чтобы воззвать к ним. Также и Иоанн Предтеча, по преданию, сошел в преисподнюю еще прежде того и возвестил, что Христос придет и освободит всех, кто стремится к свободе и вере. Так что Господь способен открыть истину непросвещенным, то есть не отвергнувшим Евангелие, а просто никогда о нем не слышавшим.

Ну а на тех, кто слышал откровение и принял его, ложится особая ответственность. Если кто-то, приняв слово Божие, не соблюдает его в жизни – дела его плохи, гораздо хуже, чем какого-нибудь шамана.

Вопрос: Вот что интересует меня, да, наверное, и многих других тоже: в чем сходство и различие, к примеру, между Русской Православной и Римско-Католической Церквами? Есть ведь расхождения по множеству вопросов, скажем, о Троице или о том, можно ли священникам жениться – словом, тысячи мелких отличий.

Ответ: В самом деле, есть множество мелких отличий. Но одно отличие, я думаю, главное; расскажу о нем, продолжая начатый разговор о Святом Духе. Церковь в том и состоит, чтоб давать благодать людям; на Западе же, когда Рим откололся от Церкви, благодать эту, по существу, утратили. Людям, возможно, удастся находить ее тут и там, но в целом Западная Церковь лишилась притока благодати. Современный римский католицизм представляется мне попыткой заменить утраченную благодать усилиями человеческого разума. Поэтому и пришлось объявить папу «непогрешимым»: иначе не ответишь на вопрос о том, где правда.

Иногда приходится слышать такие суждения о Православной Церкви: «Это у вас невозможно найти правду. Вы говорите, что мнение папы или епископа, кто бы он ни был, для

вас не закон; нет у вас также и безоговорочной веры в Писание, как у протестантов, которые ищут в нем абсолютную истину. Если возникает вопрос или спор, за кем последнее слово?» – «За Святым Духом, – отвечаем мы. – Он всегда укажет правду». Обычно это происходит, когда епископы собираются на собор; но бывали, впрочем, и еретические соборы. Вы думаете, дело безнадежное? Нет, Святой Дух правит Церковью и никогда не оставит ее без помощи.

Если же в этом возникают сомнения, приходится изобретать что-нибудь вроде непогрешимости Библии или непогрешимости папы. Или, как у римских католиков, превращать православное учение в некий сборник правил, где все предусмотрено: нарушил такой-то параграф – ступай исповедайся, получай такое-то взыскание, и снова полный порядок. Отсюда пошла идея индульгенций, формального и извращенного покаяния; ничего общего с Православием это не имеет. Покаяние такой силы, как у разбойника на кресте, способно спасти в то же мгновение.

Православие постоянно заботится о духовной связи человеческой души с Богом. Все Таинства, все учение Церкви служат средствами исправления души в глазах Творца; в этом суть нашей веры. Что же касается Римской Церкви, то вплоть до последних лет, когда там вообще начался полный развал, она делала упор на следование правилам и на формальном «исправлении» вместо благодати Святого Духа.

Вопрос: Не могли бы Вы рассказать подробнее об Англиканской Церкви? Ведь все, что Вы говорили о римско-католической вере в непогрешимость папы и о протестантской вере в непогрешимость Библии, относится и к ней. Как мне кажется, она пытается найти равновесие между этими двумя убеждениями, но Вы, наверное, скажете, что с исторической точки зрения она отступила от древней Церкви.

Ответ: Да, многие англикане в самом деле пытаются что-то найти, но это попытки с недостаточными средствами. Когда идешь к Богу, невозможно «продумать концепцию» или «выработать систему», нужен живой источник Его благодати. Стало быть, им не обойтись без Церкви. Вопрос: Хранит ли

Православная Церковь посты и старинные обычаи, связанные с Великим постом?

Ответ: Да, разумеется, есть учение о постах, как и в древности. Оно сохраняется с очень давних пор. Из «Учения двенадцати апостолов» мы знаем, что еще в I в. по Р. Х. было принято поститься в среду и в пятницу.

Вопрос: Откуда взялась идея о безличном, абстрактном Боге, как в восточных религиях?

Ответ: Она идет от тех, кто не хочет знать конкретного Бога. Ведь живой, конкретный Бог требует от нас очень конкретных вещей...

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, вкратце содержание Вашей вчерашней беседы об Апокалипсисе.

Ответ: Я говорил о том, как различить среди окружающих явлений признаки надвигающегося конца, и о том, как должны относиться к этому христиане. Вместо того чтобы подсчитывать годы и гадать, кто есть «Царь Севера» и кто – «Царь Юга», нужно взглянуть глубже. Во всех посланиях первых апостолов мы читаем о необходимости помнить, что Христос – при дверях, о духовной готовности ко встрече с Ним. Если мы непрестанно в ожидании Христа, если мы готовимся к Его духовному явлению – и в нашей земной жизни через благодать, и по смерти, – тогда вопрос о моменте Его физического прихода в этот мир в конце времен уже не погонит нас вместе с какой-нибудь модной сектой на вершину горы, чтоб там Его дожидаться. День и час неведомы нам, наше дело – духовная готовность.

Однако сейчас мы видим вокруг себя столько «апокалиптических» явлений, что в них имеет смысл разобраться. Хотя день и час нам неизвестны, Господь напоминает о примере смоковницы: если на ней появились листья – значит, лето близко. И, наблюдая, как создается основа для всемирного правительства, как проповедуется Евангелие всем народам Земли, как во множестве зарождаются и распространяются лживые духовные течения, мы убеждаемся, что наступают времена грандиозных событий, в итоге которых, вероятно, придет конец.

И если мы хотим быть готовы к этим событиям, нам нужно много чему научиться у заключенных ГУЛага. Что бы с нами ни случилось – пусть хоть сам Антихрист бросит нас за колючую проволоку, – мы не погибнем, если с нами Христос. Мученичество всегда было для людей образцом и духовным источником; и даже в наше время есть мученики, с которых мы можем брать пример.

Послесловие

Так закончилась беседа о. Серафима. Через полтора года умирающий лежал он на больничной койке. Острые страдания, причиняемые его смертельным недугом, приблизили, приоткрыли ему тот небесный удел, к которому он долго готовился и стремился. Господь Бог, некогда утоливший его мучительную жажду высшей Правды, теперь снова невидимо утешал его.

Не в силах говорить, отец Серафим смотрел вверх, и слезы катились у него из глаз. Один раз он хотел было сказать своему брату-иноку о чем-то, что открылось ему в ту минуту испытания, но умирающее его тело отказалось ему служить. Когда душа его отлетела прочь, его лицо стало светлым и спокойным, а губы сами собою сложились в мягкую улыбку. Видевшие его на смертном одре свидетельствуют об этой мирной радости, дарованной богопослушному и смиренному сердцу.

«Аще зерно пшенично не умрет, падши в землю, то едино пребывает, аще ли умрет, мног плод сотворит». Со смертью о. Серафима было посеяно зерно, непрестанно приносящее плоды богоискателям Запада. По мере публикации его работ к нему пришло широкое признание. Он был не только и не столько православным богословом, одним из многих ученых толкователей тех или иных сторон христианства. Он был живой связью между нашим бесприютным современником и полнотою истины. Чтоб узнать истину, говорил он, не нужны никакие возвышенные состояния; нужно только любящее сердце, сокрушенное и смиренное страданиями. Слово о. Серафима несет в себе эту искру любви, искру горения ради истины и Христа.

Совет современникам

Дорогой брат во Христе, рад Вас приветствовать о Господе, и спасибо Вам за Ваше письмо. Я понимаю, насколько это серьезные вопросы, и постараюсь ответить Вам с той же серьезностью.

В первую очередь я должен сказать Вам вот что: судя по всему, в наши дни нет настоящих богоносных старцев – таких, например, как были некогда Оптинские старцы, руководившие людьми по благодати Святого Духа, а не по собственному разумению или толкованию Святых Отцов. Этот путь духовного руководства не дан нашему времени – и, сказать по правде, с нашими грехами, слабостями и душевной порчей мы его не заслуживаем¹² Затрудняюсь сказать, кто именно мог бы помочь Вам духовным советом на английском языке. Но если это Вам и в самом деле необходимо, Господь непременно даст Вам это в Свое время, так что не следует слишком настойчиво искать себе «советника».

И раз уж Вы написали мне, я рискну предложить Вам несколько слов общего характера, исходя из Вашего письма, из опыта нашего небольшого монашеского братства и из нашего понимания Святых Отцов.

1. Прежде всего, научитесь смиряться с тем состоянием, в котором Вы оказались, и извлекать из него максимальную пользу. Если оно не приносит духовных плодов – не отчаивайтесь, а, напротив, удвойте усилия: что Вы сами конкретно можете сделать для своей духовной жизни в создавшемся положении? Регулярные церковные службы и причастие – это уже дело огромной важности. Вслед за тем налаживайте утренние и вечерние молитвы всей семьей и совместное чтение вслух – причем все должно быть по мере Ваших сил и возможностей в данных жизненных обстоятельствах.

2. Из литературы могу порекомендовать Вам те книги, которые специально предназначены для живущих в миру, и те, где изложены основы духовной жизни, как, например, «Моя

жизнь во Христе» прав. Иоанна Кронштадтского, «Невидимая брань» преп. Никодима Святогорца, жития святых и упомянутое выше «Приношение современному монашеству»: эта книга, в той части, которая составляет «духовную азбуку», адресована также и мирянам.

3. Большую пользу духовному росту и трезвому взгляду на жизнь приносит дневник (подойдет обычная общая тетрадь), куда хорошо записывать как выдержки из прочтенных книг, на которые Вы по той или иной причине обратили особенное внимание, так и свои собственные заметки, в том числе и о своих недостатках, требующих исправления. О том, насколько это важно, ясно свидетельствует «Моя жизнь во Христе» прав. Иоанна Кронштадтского.

4. Не критикуйте и не судите окружающих, смотрите на людей как на ангелов, оправдывайте их ошибки и слабости, а себя самого осуждайте как последнего грешника. Из всего, что необходимо в духовной жизни, это – первое.

Надеюсь, что это хоть в какой-то мере Вам поможет. Если у Вас будут конкретные вопросы, особенно по учению Святых Отцов, буду рад помочь Вам с ответом: у нас есть почти вся святоотеческая литература на русском.

Прошу Ваших молитв, с любовью во Христе, инок Серафим

В августе 82-го

Послесловие Марии Мансур к книге писем о. Серафима к о. Алексию (Янгу)

Все лето в тот год стояла великолепная погода; таким же был и вечер в канун Преображения... Поднявшись на вершину горы, крестный ход спустился к большому кресту на краю монастырского участка. Все задули свечи, и о. Серафим стал говорить.

Преображение было его любимым праздником. Совсем как св. Тихон Задонский, он любил вглядываться в звездное небо: он видел там тайну нашего восхождения к божественной высоте, тайну Преображения. О ней он и говорил в тот вечер: «Наш дом – в небесах. Прошу вас, не забывайте: мы созданы для неба... Пускай эта красота и весь нынешний праздник напомнят нам, что наша жизнь – всего лишь скитания по дороге домой». Кто бы мог сказать, что на завтра он будет совершать свою последнюю литургию на этой земле?

Через несколько дней о. Серафим заболел. Здоровьем он вообще не отличался, но никогда не жаловался – так что трудно было сказать, насколько серьезно он болен. Но когда боль стала невыносимой, он согласился поехать в больницу. И вот, после двух сложных операций по устранению обширной непроходимости кишечника, врачи объявили нам, что шансы на благополучный исход составляют не более двух процентов.

Невозможно описать охвативший нас шок: беспомощность, растерянность, страх, одиночество, отчаяние... Приближался праздник Успения. Неужели Пресвятая Дева заберет своего верного слугу?

В субботу после праздничной литургии в церкви Споручницы Грешных в Реддинге о. Алексей Янг (ныне иеромонах Амвросий. – Пер.) поехал в больницу со Святыми Дарами, и нам всем по одному разрешили зайти в палату к о. Серафиму. Было чувство, что мы видим его в последний раз: пройдя свое поприще, он мог сказать вместе с апостолом Павлом: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть –

преобретение» (Флп. 1:21). Но пока он был жив, жила и надежда: мы, грешные, никак не могли согласиться с тем, что он уходит от нас в иной мир. И мы молились о чуде.

Проведя в машине всю ночь, из Сан-Франциско приехал архиепископ Антоний († 2000); вместе с о. Германом он стал читать канон на исход души. Никто не хотел уходить из больницы. И тут произошло нечто необычайное: не иначе как милосердие Пресвятой Богородицы распахнуло для нас двери реанимационного отделения. По меньшей мере двадцать человек окружило койку о. Серафима. Сквозь слезы мы пели ему стихиры Успения – «О дивное чудо! Источник жизни во гробе полагается...», – а затем целиком весь Пасхальный канон. О. Серафим дышал через респиратор и не мог говорить, но оставался в полном сознании, и когда запели «Благообразный Иосиф», он заплакал.

Врачи с трудом вывели нас из палаты. Никто не догадывался, что это было лишь началом пятисуточного бдения... На следующий вечер в больнице собралось еще больше народу, и надежда согревала нас еще сильнее: состояние о. Серафима слегка улучшилось, хотя врачи давали ему лишь один шанс из десяти.

Персонал ночной смены разрешил нам оставаться в палате. Тот, кто молился и читал Евангелие возле койки о. Серафима, никогда не забудет этих минут и часов. Мы думали о смерти, кружившей где-то возле, о смысле страданий ради Христа. Беспомощный, связанный по рукам и ногам во избежание увечий от судорог, весь оплетенный проводами и трубками, о. Серафим лежал, словно распятый. Сколько раз говорил он нам о страданиях, об их благотворном воздействии на христианскую душу, о мученическом подвиге верующих под большевицким игом. Возможно, Господь дал ему в страданиях уподобиться им: «Кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу...»

Телефон в реанимационном отделении звонил непрерывно: звонили со всех концов страны и даже из-за границы, спрашивали про о. Серафима – и молились. Молились о его выздоровлении, не столько даже ради него – ведь он

давно был готов для этого часа, – сколько ради нас самих, кому он был так нужен. Казалось, Господь не может забрать у нас этот светильник, оставить нас одних в темной, враждебной пустыне... Кто станет на его место? Чем заменить его проповеди, такие простые, но проникающие до глубины души? Кто будет, подобно ему, писать статьи и книги, вести нас «царским путем» ко спасению? Как он нам необходим! Но приходилось готовиться к принятию Божией воли: наши пути – не Его пути.

Час проходил за часом. Между телефонных звонков и врачебных сводок мы продолжали надеяться на лучшее и страшиться худшего. Холл реанимационного отделения превратился в часовню: каноны и акафисты сменяли друг друга непрерывно. Мало кому из нас приходилось в жизни так напряженно молиться.

Вторник, 31 августа. Состояние о. Серафима снова обострилось. Мы стали звонить, кому могли, просить усиленных молитв. Под вечер прибыли игумен Хризостом (ныне архиепископ. – Пер.) и иеромонах Авксентий (ныне епископ. – Пер.) из монастыря св. Григория Паламы в штате Огайо. Вслед за тем приехал духовный наставник о. Серафима, епископ Нектарий (Концевич, 1983) из Сиэтла, рукоположивший его пять лет назад. В полночь в больничной часовне, тесной, низкой комнате без окон, словно в катакомбах, была совершена Божественная литургия; как и ежедневно, о. Серафим приобщился Святых Даров.

В тот вечер в реанимацию привезли умирающего ребенка. На следующий день о. Герман, обратившись к безудержно плакавшей матери со словами утешения, предложил ей окрестить мальчика. Медлить было нельзя: ближе к ночи Господу было угодно забрать его чистую душу, омытую водами Святого Крещения. Это был первый плод страданий о. Серафима.

В среду из Сан-Франциско привезли чудотворную икону «Нечаянная Радость» и немедленно принесли ее в палату. Весь день мы молились перед нею, ясно ощущая, что Пречистая видит о. Серафима и что он страдает не напрасно.

А на следующее утро бдение подошло к концу. В среду, 2 сентября, около половины одиннадцатого, нам сказали, что врачебные средства исчерпаны. Через несколько минут окончились наши молитвы о выздоровлении, и началась новая жизнь для иеромонаха Серафима.

Такова была Божия воля. О. Серафим перешел от смерти к жизни, от земли к небесам, где праведные сияют, как звезды, во славу Преображения.

Библиография

- Человек наизнанку
The Philosophy of the Absurd.
The Orthodox Word. 1982. №106. P. 200 – 219.
Христианский реализм и современный идеализм
Heavenly Realm. St. Herman of Alaska Brotherhood. Platina. CA. 1984
- Характерная черта современности
Heavenly Realm. St. Herman of Alaska Brotherhood. Platina. CA. 1984
- Архиепископ Аполлинарий, исповедник Православия в Америке
Archbishop Apollinary: confessor of orthodoxy in America The Orthodox Word. 1970. №30. P. 37– 50.
- Архимандрит Константин, непреклонный обличитель лжеправославия
Archimandrite Constantine, Fearless Acusser of Pseudo-orthodoxy The Orthodox Word. 1976. №66. P. 21 – 27.
- Митрополит Филарет Нью-Йоркский
Metropolitan Philaret of New York
The Orthodox Word. 1976. №66. P. 3–5.
- Архиепископ Андрей (Рымаренко)
Русский пастырь. 1999. №35.
- Устав
The Typicon of the Orthodox Church's Divine Services The Orthodox Word, выпуски за 1973 – 1976
- Современное монашество и православная Галлия
Vita Patrum. St. Herman of Alaska Brotherhood. Platina. CA. 1988.
- Православие в Америке: прошлое и настоящее
Saint Herman Winter Pilgrimage. 1979. Dec. 25. Jordanville. NY
- В поисках Православия
Summer School at St. Herman's Monastery. Platina. CA. 1981
- Когда Бог открывается сердцу

God's Revelation to the Human Heart. St. Herman of Alaska Brotherhood. Platina. CA. 1987

Совет современникам

Living Orthodoxy. Jan. – Feb., 1984

В августе 82-го

Letters from Fr. Seraphim. Nikodemos. Richfield Springs. NY. 2001.

* * *

В заголовке нет ни тени сарказма.

Никакой связи с пластмассовыми улыбками, закусочными «Мак-Доналдс» или акционерными пирамидами.

И многие сразу, без лишних слов поймут, о ком идет речь.

Наследие о. Серафима поистине необъятно. Даже сегодня, почти тридцать лет спустя, оно по-прежнему продолжает раскрываться перед нами, принося все новые и новые сокровища.

В этой книге мы представляем читателю новые, неизданные статьи, проповеди и другие материалы, написанные о. Серафимом.

Примечания

¹ - Т. Мертон(1915– 1968) – американец, римо-католический монах, популярный религиозный писатель, поэт и переводчик. Это дух человекобога, сверхчеловека, уже не грубого, как у Ницше, но утонченного, «возвышенного», призванного в наследники обанкротившемуся гуманизму прошлого. Этот дух – не помощник, а смертельный враг истинному христианству.

² - Насколько можно было установить, ни на одно из писем Т. Мертону ответа не последовало.

³ - Ровно 16 лет спустя в Монреале началось истечение мира из Иверской иконы Пресвятой Богородицы, привезенной Хозе Муньозом с Афона, известной ныне под именем Монреальской. С тех пор многие иконы в Америке, России, Западной Европе и Австралии стали источать миро, елей и слезы. Ровно 31 год спустя в Афинах был зверски убит хранитель мироточивой Монреальской иконы Пресвятой Богородицы бр. Хозе Муньоз. Икона исчезла неизвестно куда.

⁴ - С в.-Владимирский богословский ежеквартальник (англ.). 1973, т. 3, с. 221–238.

⁵ - М. Скабалланович. Толковый Типикон. Киев, 1913 т. 2, с. 2, 3.

⁶ - М. Скабалланович. Толковый Типикон. Киев. 1913 т. 2, с. 2, 3.

⁷ - Архиепископ Аверкий. Истинное Православие и современный мир. Джорданвилл. 1971, с. 202.

⁸ - Преподобного Отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. Беседа 5, с. 40–58.

⁹ - Преподобного Отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1904. Беседа 5, с. 40–58.

¹⁰ - Текст воспроизводится по рукописному конспекту о. Серафима; подзаголовки Добавлены при публикации, исходя из его структуры.

¹¹ - Свт. Игнатий Брянчанинов. Приношение современному монашеству. Издание Свято-Троицкого монастыря. 1983, с. 45–48.

¹² - Это замечание о. Серафима требует пояснения: при поверхностном чтении может показаться, что какие-то духовные или материальные дары могут быть «заслужены» человеком. Дело, разумеется, не в этом. Каждой эпохе и каждому из нас в отдельности Бог дает наилучшие средства к совершенству и спасению применительно к нашим сильным и слабым сторонам. Упомянутые о. Серафимом «грехи, слабости и душевная порча» – это и есть те наши пороки, которые не дали бы нам воспользоваться плодами духоносного старчества, если бы даже такая возможность появилась. С другой стороны, преимущества современной жизни – высокий уровень образования, легкость передвижения и сообщения между людьми и невиданная никогда прежде доступность святоотеческой литературы – как раз способствуют успеху «жизни по духовному совету». Нашему времени дан другой, более скромный путь, о котором пишет епископ Игнатий Брянчанинов в своей замечательной книге «Приношение современному монашеству»: духовный совет. Это значит – жить по Божьим заповедям, усвоенным из Писания и Святых Отцов, опираясь на совет и помощь тех, кто старше и опытнее. В отличие от безоговорочного послушания старцу, совет мы принимаем с рассуждением и сами испытываем его на практике.